

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2025
Т. 25, № 3**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н, доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2025

Vol. 25, no. 3

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
ВОЛКОВ Е. В. Антибольшевистская пресса на Урале и политический режим А. В. Колчака.....	6
МЯЗИН М. А. Развитие протестантизма в постсоветской Средней Азии на примере Казахстана.....	16
РУДОМЕТОВА И. В. Мясоперерабатывающая и молочная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг.....	23
СИБИРЯКОВ И. В. Медиасаммиты БРИКС: история формирования нового информационного пространства.....	32
Искусствоведение	
ДЭН Ц. Псевдоиероглифическая живопись и философия пейзажа в Китае 1980-х.....	38
ЖДАНОВА Д. К., ТЕРЕШИНА О. Б. Современное монументальное искусство на примере анализа произведений XXI века.....	48
ЛОГИНОВА А. М. Индийское общество восточного искусства как ключевой инструмент в процессе популяризации живописи Бенгальского Возрождения.....	55
Литературоведение. Журналистика	
ГОРБАЧЕВСКИЙ Ч. А. К проблеме негативной аксиологии в художественном мире Ф. М. Достоевского.....	62
КОРОБЕЙНИКОВА Ю. С., ПЫХТИНА Ю. Г. Функции художественного пространства в русской фантастической прозе XIX века (на примере повести В. Ф. Одоевского «Косморамы»).....	69
КОРОЛЕВА В. В., ГУДЕЛЕВА Е. М. Москва в парадигме гипертекстуальности. Статья 1. Особенности формирования образа Москвы в экранной публицистике	76
РАЗИНА О. А. Медиасобытие как модель культурно-просветительских телепрограмм (на примере проекта «Эрмитаж. 260» на телеканале «Санкт-Петербург»).....	85
СТРУГОВЕЦ В. М. Реклама в военной сфере: анализ сущности, содержания и особенностей рекламы контрактной службы в Вооруженных Силах России после начала СВО.....	93
ШОЛОХОВ М. А. Вертикальная структура как основная пространственная концепция в уральской поэзии.....	101

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
VOLKOV E. V. Anti-Bolshevik press in the Urals and the political regime of A.V. Kolchak.....	6
MIAZIN N. A. Development of Protestantism in Post-Soviet Central Asia as exemplified by Kazakhstan.....	16
RUDOMETOVA I. V. Meat-processing and dairy industry of the Chelyabinsk region in 1946–1950.....	23
SIBIRYAKOV I. V. BRICS media summits: the history of shaping a new information space.....	32
Art Criticism	
DENG J. Pseudo-hieroglyphic painting and landscape philosophy in China in the 1980s – using the examples of Gu Wenda and Xu Bing.....	38
ZHDANOVA D. K., TERESHINA O. B. Modern monumental art as exemplified by the analysis of the works of the XXI century.....	48
LOGINOVA A. M. Indian oriental art society as a key tool in the process of popularizing Bengal Renaissance painting.....	55
Literary criticism. Journalism	
GORBACHEVSKY Ch. A. To the problem of negative axiology in the artistic world of F. M. Dostoevsky.....	62
KOROBAYNIKOVA Y. S., PYKHTINA Y. G. Artistic space functions in the Russian fantasy prose of the 19th century (on the example of Cosmorama novel by V. F. Odoevsky).....	69
KOROLEVA V. V., GUDELEVA E. M. Moscow in the paradigm of hypertextuality. Article 1. Features of the formation of the image of Moscow in screen journalism.....	76
RAZINA O. A. Media event as a model of cultural and educational TV programs (as exemplified by “The Hermitage. 260” project on St. Petersburg TV channel).....	85
STRUGOVETS V. M. Military advertising: analysis of the essence, content, and features of social advertising of contract service in the RF armed forces after the beginning of Special Military Operation	93
SHOLOKHOV M. A. The vertical structure as the main spatial concept in Ural poetry.....	101

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» посвящен различным аспектам этой научной отрасли. Е. В. Волков в статье «Антибольшевистская пресса на Урале и политический режим А. В. Колчака» описывает численность и идеологическую принадлежность большинства газет на Урале в период существования политического режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 г. – август 1919 г.). В статье М. А. Мязина «Развитие протестантизма в постсоветской Средней Азии на примере Казахстана» предпринята попытка проанализировать процесс развития протестантского сообщества Казахстана в 1990–2020 гг. во взаимосвязи с историей протестантских церквей в странах Средней Азии. И. В. Рудометова в статье «Мясоперерабатывающая и молочная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг.» ставит целью описать модели экономического развития мясоперерабатывающей и молочной индустрии Челябинской области в 1946–1950 гг. В статье И. В. Сибирякова «Медиасаммиты БРИКС: история формирования нового информационного пространства» рассматриваются различные сюжеты, связанные с историей подготовки и проведения медиасаммитов БРИКС, особое внимание уделяется изменениям состава участников этих мероприятий.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие актуальные аспекты изучения различных видов искусства. Ц. Дэн в статье «Псевдоиероглифическая живопись и философия пейзажа в Китае 1980-х» описывает художественное движение «Новая волна 85», которое стало одним из ключевых этапов в развитии китайского современного искусства XX века. Д. К. Жданова и О. Б. Терешина в статье «Современное монументальное искусство на примере анализа произведений XXI века» рассматривают современное монументальное искусство в контексте богатого монументального наследия XX в. с точки зрения меняющихся традиций, новых пластических форм и смыслов, формирующихся в XXI в. В статье А. М. Логиновой «Индийское искусство восточного искусства как ключевой инструмент в процессе популяризации живописи Бенгальского Возрождения» описана деятельность индийского Общества восточного искусства, которое сыграло важную роль в процессе популяризации и распространения живописи и идей Бенгальского Возрождения.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие важные аспекты филологической отрасли. Ч. А. Горбачевский в статье «К проблеме негативной аксиологии в художественном мире Ф. М. Достоевского» интерпретирует ряд персонажей художественного мира Ф. М. Достоевского с точки зрения различных аксиологических подходов и ценностей. Ю. С. Коробейникова и Ю. Г. Пыхтина в статье «Функции художественного пространства в русской фантастической прозе XIX века (на примере повести В. Ф. Одоевского «Косморама»)», опираясь на классификации функций художественного пространства, разработанные отечественным литературоведением, описали функции художественного пространства в повести В. Ф. Одоевского «Косморама», относящейся к начальному этапу становления и развития русской фантастической прозы. В статье В. В. Королевой и Е. М. Гуделевой «Москва в парадигме гипертекстуальности. Статья 1. Особенности формирования образа Москвы в экранной публицистике» рассматривается понятие «городского текста» применительно к экранному континууму, определяется его генезис и аналитическая парадигма, исследуется образ мегаполиса в современной экранной публицистике на примере Москвы. О. А. Разина в статье «Медиасобытие как модель культурно-просветительских телепрограмм (на примере проекта “Эрмитаж. 260” на телеканале “Санкт-Петербург”)» характеризует конвергентно-интеграционные процессы в телевизионной сфере и медиaprостранстве музея на примере телепроекта «Эрмитаж. 260», отражающего трансформацию телевизионных жанров. В статье В. М. Струговца «Реклама в военной сфере: анализ сущности, содержания и особенностей рекламы контрактной службы в Вооруженных Силах России после начала СВО» рассматриваются вопросы рекламы контрактной службы в Вооруженных силах России, анализируются ее сущность, содержание, цель. Статья М. А. Шолохова «Вертикальная структура как основная пространственная концепция в уральской поэзии» посвящена комплексному изучению пространственной семантики уральской поэзии с применением цифровых методов анализа.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРЕССА НА УРАЛЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ А. В. КОЛЧАКА

Е. В. Волков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена антибольшевистской прессе на Урале в период существования политического режима А. В. Колчака (ноябрь 1918 г. – август 1919 г.). Представлена численность, идеологическая принадлежность и места издания большинства газет. Все периодические издания в зависимости от конструируемого ими идеологического дискурса разделены на правительственные (гражданские, военные, казацкие), лояльные (кадетские, земские, церковные) и оппозиционные (меньшевистские, эсеровские, профсоюзные). Обозначена тенденция увеличения в данный период количества правительственных, прежде всего военных газет, и закрытия оппозиционных изданий в условиях введения цензурных запретов. Попытки некоторых редакций протестовать против ограничений закончились безрезультатно. Сделан вывод, что такая политика в отношении прессы явно не способствовала укреплению политического режима А. В. Колчака в длительной перспективе. С другой стороны, в условиях Гражданской войны дискурс о «сильной руке» и авторитарном вожде, видимо, находил понимание и одобрение масс. Подобные настроения, безусловно, были связаны с отсутствием демократических традиций, не успевших укорениться в российском обществе за короткий период, прошедший с момента падения монархии. При этом либеральные издания на Урале, в отличие от социалистических и профсоюзных, встали на путь сотрудничества с колчаковским режимом.

Ключевые слова: Гражданская война, Урал, пресса, политический режим А.В. Колчака, дискурс, цензура.

Введение

В период Гражданской войны пресса являлась одним из медийных ресурсов, в рамках которого конструировалась и презентовалась информация «сверху» – от власти, и «снизу» – от политических и общественных организаций и объединений. Безусловно, периодическая печать являлась коммуникативным пространством с определенными дискурсами сторонников власти и их оппонентов. Изучение данной сферы позволяет представить и понять ряд важных аспектов общественной жизни в условиях Гражданской войны.

Обзор литературы

Антибольшевистская пресса стала объектом изучения уже в период Гражданской войны. Попытку сделать обзор периодических изданий в Сибири предпринял редактор газеты «Сибирская жизнь» (Томск) А. В. Адрианов [1]. Советские авторы 1920-х гг. обращались к истории небольшевистской печати с целью ее разоблачения как изданий классового противника [2, 3]. Затем, уже в период позднего СССР, появились как исследования по истории антибольшевистской печати источниковедческого характера [4], так и работы, авторы которых изучали идейное содержание газет и деятельность редакций [5–8]. В постсоветский период небольшевистская пресса стала объектом изучения для целой группы российских историков. Но традиционное разделение исследователей, изучавших либо источниковедческие аспекты, либо информационную и политическую деятельность

сотрудников прессы, сохранилось [9–17]. При этом возник интерес к изучению персоналий журналистов, появились отдельные исследования о редакторах и сотрудниках антибольшевистских изданий [18–21].

Однако, несмотря на наличие целого ряда работ, остается еще много неисследованных проблем в данной области. Интересным и продуктивным является подход, рассматривающий прессу не только как «поставщика» исторических фактов, но и в качестве поля конструирования различных дискурсов в условиях идейной борьбы или соглашения с тем или иным политическим режимом. На данном исследовательском направлении уже появилось несколько работ современных историков, изучавших прессу в период Гражданской войны на востоке России [22–25].

Методы исследования

В этом исследовании применяется теоретический подход, связанный с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках. Ключевым понятием при анализе прессы в данном случае является «дискурс». Доказывая определяющую роль языка при реализации властных претензий на контроль за производящимися в обществе смыслами и толкованиями, М. Фуко ввел в научные исследования категорию «дискурс», подразумевая под этим рамки высказываний и основные правила говорения о явлениях окружающего мира, которые влияют на усвоение переживаний и знаний людей и таким образом формируют структуры опыта [26].

Можно также сказать, что дискурс – это особые речевые практики, структурированные в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни (например, профессиональной, политической, общественной) [27, с. 17]. Кроме того, существуют разные уровни дискурса (например, власти, общества, отдельной социальной группы). Эти уровни дискурса формируются и транслируются в зависимости от их носителей-субъектов, занимающих разные позиции в социальной структуре.

Пресса в данном кейсе исследуется в контексте производства разных дискурсов в публичном пространстве, их конкуренции с целью доминирования в той или иной сфере общества.

Результаты и дискуссия

Антибольшевистская пресса на востоке России (Урал, Сибирь, Дальний Восток) в период политического режима А. В. Колчака насчитывала, по неполным официальным данным (на 25 февраля 1919 г.), 81 печатный орган, при этом только 37 изданий считались правительственными, а 44 газеты относились к оппозиционным или «неопределенным» с точки зрения их идеологической направленности [28, л. 34–35]. К 1 апреля 1919 г. правительственными органами было зафиксировано уже 122 газеты, выходившие на территории, подвластной Омскому правительству [14, с. 17].

Стоит отметить, что в связи с нехваткой материалов и типографского оборудования газеты выпускались на некачественной бумаге, порой с нечетким шрифтом и зачастую без иллюстраций. Большинство газет, несмотря на реформу русской орфографии, объявленную в мае 1917 г. при Временном правительстве и подтвержденную в январе 1918 г. Советом народных комиссаров, продолжали использовать старое правописание ряда слов с буквами «ер», «ять», «фита» и некоторыми традиционными окончаниями. Возможно, подобная практика являлась своеобразной демонстрацией неприятия тех мер, которые проводились предшествующими правительствами, или объяснялась инертностью руководства газет и нехваткой дополнительных материальных ресурсов.

Антибольшевистская пресса на Урале, как и на других территориях, контролируемых белыми, включала правительственные (гражданские и военные), «независимые», партийные, земские, национальные, казачьи, профсоюзные и церковные издания. Наиболее известными и распространенными являлись газеты, выходившие в крупных городских центрах – Перми, Екатеринбурге, Уфе, Оренбурге и Челябинске. Поскольку в декабре 1918 г. белые взяли Пермь, но потеряли Уфу, которая была только в марте 1919 г. возвращена, то подобная частая смена власти не способствовала стабильной работе прессы. После оставления белыми войсками Оренбурга в январе 1919 г. ряд местных газет также прекратили свою деятельность. Однако

«Оренбургский казачий вестник» возобновил издание в Троицке. Таким образом, крупными городскими центрами на Урале, где небольшевистская периодическая печать имела наибольший размах при Колчаке, являлись Пермь, Екатеринбург и Челябинск – города, в которых власть белых была в это время не столь шаткой.

На Урале в 1918–1919 гг. издавалось не менее 62 небольшевистских газет. Часть изданий из этого перечня, которые осуществляли свою деятельность ранее, либо продолжали выходить, либо оказались закрыты в условиях режима Колчака. Другая группа газет (33) появилась в 1919 г. именно при Омском правительстве. Ряд газет (13) относились к правительственным изданиям, к ним, безусловно, примыкали и 16 армейских печатных органов, которые издавались преимущественно штабами армий и корпусов антибольшевистских войск. К «независимым» изданиям относилось 23 газеты, редакции которых зачастую либо придерживались идеологии кадетской партии, либо ориентировались на интересы казачества или каких-либо общественных и национальных объединений небольшевистского толка. Малую долю представляли издания земские (3), профсоюзные (1), партий меньшевиков (3) и эсеров (1). В Перми и Оренбурге выходили 2 церковные епархиальные газеты (табл. 1).

Таблица 1
Антибольшевистские периодические издания Урала
(1918–1919 гг.) [28, л. 34–35; 29, с. 592–604]

Table 1
Anti-Bolshevik Periodicals of the Urals (1918–1919)

№	Регион, город и название газеты	Принадлежность	1918 г.	1919 г.
	Вятская губерния			
	Сарапул			
1	Русский гражданин	Независимая		*
	Пермская губерния			
	Пермь			
2	Освобождение России	Правительственная		*
3	Отчество	Военная		*
4	Пермская земская неделя	Земская		*
5	Пермские губернские ведомости	Правительственная		*
6	Свободная (Современная) Пермь	Независимая		*
7	Сибирские стрелки	Военная		*
8	Пермские епархиальные ведомости	Церковная	*	*
	Екатеринбург			
9	Уральская жизнь	Независимая	*	*
10	Зауральский край	Независимая	*	*
11	Горный край	Независимая	*	*
12	Карпато-русское слово	Правительственная	*	*
13	Наш Урал	Независимая		*
14	Отечественные ведомости	Независимая		*
15	Голос Сибирской армии	Военная		*
16	Голос сибиряка	Военная		*
17	Вестник уральских стрелков	Военная		*
	Ирбит			
18	Ирбитский вестник	Правительственная	*	*
19	Ирбитские уездные ведомости	Правительственная		*
	Камышлов			
20	Заря народоправства	Независимая	*	*
	Красноуфимск			
21	Иркутский стрелок	Военная		*
	Кунгур			
22	Кунгурский вестник	Правительственная		*
	Оса			
23	Наша газета	Военная		*

Окончание таблицы 1

№	Регион, город и название газеты	Принадлежность	1918 г.	1919 г.
	Шадринск			
24	Народная газета	Независимая	*	
25	Русский гражданин	Военная		*
26	Шадринская народная газета	Независимая		*
	Уфимская губерния			
	Уфа			
27	Уфимская жизнь	Независимая	*	*
28	Народ	Независимая	*	
29	Голос рабочего	РСДРП	*	
30	Народное дело	ПСР	*	
31	Уфимские губернские известия	Правительственная	*	
32	Великая Россия	Военная		*
33	Народное дело	Правительственная		*
34	Уфимец	Военная		*
	Златоуст			
35	Златоустовский вестник	Независимая	*	
36	Утро Приуралья	Независимая	*	*
37	Наше возрождение	Независимая		*
	Оренбургская губерния			
	Оренбург			
38	Оренбургский губернский вестник	Правительственная	*	*
39	Оренбургский казачий вестник	Независимая	*	*
40	Оренбургский церковно-общественный вестник	Церковная	*	
41	Вестник правительства Башкирии	Правительственная	*	
42	Оренбургский край	Независимая	*	*
43	Народное дело	Профсоюзная	*	*
44	Рабочее утро/ Рабочий день/ Рабочие сумерки/ Рабочая заря	РСДРП	*	
45	Вестник штаба Юго-Западной армии	Военная	*	
	Челябинск			
46	Утро Сибири	Независимая	*	*
47	Республиканец	Независимая	*	*
48	Власть народа	РСДРП	*	
49	Вестник Приуралья	Правительственная		*
50	Дума деревни	Земская		*
51	Сибирский стрелок	Военная		*
52	Друг армии и народа	Военная		*
53	За Россию	Военная		*
54	Казак	Правительственная		*
	Миасс			
55	Заря Южного Урала	Независимая	*	
56	Миасская новая жизнь	Независимая	*	
	Троицк			
57	Казачья речь	Независимая	*	*
58	Слово	Независимая		*
	Верхнеуральск			
59	Уральский маяк	Правительственная		*
	Станица Кизильская Верхнеуральского уезда			
60	Южная армия	Военная		*
	Орск			
61	Орский земский вестник	Земская		*
62	Орский вестник Южной армии	Военная		*

Прессу, осуществлявшую деятельность на территории, подконтрольной Омскому правительству, условно можно разделить по идеологической направленности на правительственную, преимущественно игравшую роль пропагандистского ресурса; лояльную, сотрудничавшую с властью и поддерживавшую ее; оппозиционную, выступавшую против режима Колчака.

Вскоре после утверждения власти Верховного правителя вышли два его указа (№ 57 и № 59), касавшихся работы печати. Согласно этим документам, отменялась предварительная цензура, за исключением театра военных действий и прифронтовой полосы. Но при этом усиливался контроль над прессой через военно-цензурные учреждения и начальников гарнизонов. Не разрешалось публиковать материалы, подрывающие авто-

ритет верховной власти или свидетельствующие о негативных явлениях в белой армии и войсках союзников. За нарушение цензурных запретов номера газет могли быть конфискованы, а в отдельных случаях закрыты [14, с. 155, 159].

Правительственная периодическая печать

К данным изданиям на Урале при Колчаке относилось не менее 13 газет, например, «Пермские губернские ведомости» и «Освобождение России» (Пермь), «Оренбургский губернский вестник», «Уфимские губернские известия», «Вестник Приуралья» (Челябинск). Как правило, в этих изданиях публиковались распоряжения властей, статьи и заметки пропагандистского характера, реклама и информация из жизни города или губернии.

Военные издания, которых насчитывалось не менее 16, также следует отнести к правительственным. В основном это армейские и корпусные газеты, иногда – дивизионные и полковые. Практически все военные газеты на Урале, за редким исключением, появились в 1919 г. при политическом режиме Колчака (табл. 1).

Штабы воинских формирований часто переезжали из одного населенного пункта в другой, поэтому менялись и места издания военной прессы. Достаточно распространенной являлась газета штаба Западной армии «Сибирский стрелок». В редакции газеты служил поэт, подпоручик Н. В. Арнольд, создавший и опубликовавший целый ряд художественных текстов в виде песен и стихов. После Гражданской войны он остался в России, в 1930–1940-е гг. являлся научным сотрудником Государственного литературного музея в Москве [30; 17, с. 37]. Позднее при штабе Западной армии под руководством бывшего революционера-народника, публициста и историка А. С. Пругавина стала издаваться газета «Друг армии и народа», затем – «За Россию!».

При штабе Сибирской армии печатали «Голос сибиряка» и «Голос Сибирской армии». После взятия Перми здесь стала выходить газета штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса «Сибирские стрелки», в которой служил подпоручик В. Н. Иванов, выпускник историко-философского факультета Санкт-Петербургского университета, журналист и будущий эмигрантский, а затем – советский писатель.

Военные периодические издания, как правило, печатали указы Колчака и постановления Омского правительства, военные приказы и распоряжения, материалы пропагандистского характера, сводки и телеграммы с фронта, биографии высокопоставленных военачальников, патриотические стихи и песни. Дискурс этих газет с точки зрения идеологии мало чем отличался от официальных правительственных изданий. Публикуемые военные сводки, как правило, были преисполнены оптимизма.

Лояльные газеты

Периодическая печать, поддерживающая власть Колчака, судя по содержанию ее материа-

лов, в большей степени была близка к программным установкам кадетской партии. Среди таких изданий значились преимущественно «независимые» и земские печатные органы. На Урале выходило не менее 23 «независимых» и 3 земские газеты [Табл. 1]. Практически во всех крупных городах Урала и Сибири имелись издания «Партии народной свободы». Однако зачастую многие из них открыто не указывали свою партийную принадлежность [14, с. 39].

Например, к «независимым» относилась газета «Свободная Пермь» (редакторы М. М. Кузнецов и Б. М. Попов), с которой сотрудничали профессор Пермского университета Л. А. Булаховский, Г. В. Вернадский, Ю. Н. Верховский, С. П. Обнорский, Н. В. Устрялов, Н. Н. Фиолетов. С 1 апреля 1919 г. «Свободная Пермь» стала выходить с новым названием – «Современная Пермь». В читательских кругах газету считали кадетской. 17 июня 1919 г. издание вновь изменило свое название на «Отечество» и теперь печаталось при штабе Сибирской армии (редактор-издатель Н. С. Григорьев), что, видимо, сделало ее государственным изданием. Например, в связи с выборами в городскую думу Перми в газете публиковались только два списка консервативных кандидатов в гласные – от «Союза приходских советов» и «Союза домовладельцев», информация о представителях других партий и организаций не была указана [16, с. 132].

Редакция екатеринбургских «Отечественных ведомостей» определяла свое издание как «орган национальной и государственной мысли» и активно поддерживала власть Верховного правителя. Фактически газета была создана как продолжение московских «Русских ведомостей» членом кадетской партии А. С. Белевским-Белоруссовым, который являлся ее издателем и редактором, переехавшим со своими сотрудниками сначала в Уфу, а затем – в Екатеринбург. Кроме того, он стал председателем екатеринбургского отделения Всероссийского Национального союза, объединившего к началу февраля 1919 г. около 100 членов. Белевский-Белоруссов разработал декларацию союза, основанную на демократических принципах, но предполагавшую временное установление диктатуры как способ борьбы с большевизмом. Согласно этому документу, после окончания Гражданской войны по итогам демократических выборов предполагался созыв Национального собрания для решения вопросов государственной важности, в том числе и о форме правления. Екатеринбургское отделение преимущественно занималось сбором средств на нужды армии, а также пропагандой, направленной на утверждение и расширение власти Колчака. Кроме того, одной из задач данного объединения было установление тесных контактов с подпольным Национальным центром в Москве, его представителями в армиях А. И. Деникина и Н. Н. Юденича [18, с. 131–133].

«Отечественные ведомости» часто публиковали распоряжения верховной власти, пафосные биографии белых «полководцев», например, Р. Гайды и А. Н. Пепеляева, материалы о визитах Верховного правителя на фронт и в уральские города и, конечно, тексты, обличающие политику советских властей [31, с. 2; 32, с. 2; 33, с. 3].

Челябинское «независимое» издание «Утро Сибири», согласно воспоминаниям председателя городской думы, врача Ф. Т. Розенгауза, также многие считали по духу кадетским [34, л. 42–43]. Газета выходила под лозунгом «Через национальное возрождение к созданию мощной, единой, свободной России». Нередко здесь публиковались материалы о церемониальных и торжественных встречах Верховного правителя и представителей Омского правительства на Урале [35, с. 3].

Другая лояльная к власти газета «Оренбургский казачий вестник», печатавшая в каждом номере лозунг «Да здравствует единая Россия, Национальное собрание и вольное казачество», нередко представляла ужасные образы большевиков, несущих террор и другие беды населению, восхваляла действия атамана А. И. Дутова и во многом поддерживала политику Колчака [36–39].

Однако даже в таких лояльных изданиях порой появлялись материалы, которые не совсем вписывались в официальный дискурс Омского правительства. В одном из номеров «Отечественных ведомостей» сообщалось о мероприятиях, связанных с увековечиванием памяти сибирского кооператора Н. В. Фомина, арестованного, заключенного в тюремную камеру и убитого в декабре 1918 г. в Омске белыми офицерами. Правда, при этом, видимо, соблюдая осторожность, газета не называла прямых виновников гибели Фомина [40, с. 3]. Другая екатеринбургская газета «Уральская жизнь» сообщила о создании сибирскими кооператорами фонда имени Н. В. Фомина для учреждения стипендии в одном из высших учебных заведений и премии за лучшее сочинение о кооперации [41, с. 2].

В качестве еще одного примера подобного рода можно привести следующие факты: челябинская газета «Утро Сибири» в феврале 1919 г. поместила на своих страницах выдержки из двух интервью. Первое принадлежало известному деятелю эсеровской партии Е. К. Брешко-Брешковской, находившейся в США. Она клеймила большевиков, называя их «врагами России». Второй материал включал заявление бывшего председателя Временного правительства А. Ф. Керенского из Лондона, поддерживающего идею Учредительного собрания и создания демократического правительства после падения власти большевиков [35, с. 3]. Хотя эти утверждения носили антибольшевистский характер, для Омского правительства их авторы являлись людьми из враждебного лагеря социалистов. Видимо, по причине появления подоб-

ных материалов правительственная цензура не щадила даже такие лояльные издания. Так, например, в редакции газеты «Утро Сибири» 25 ноября 1918 г. военные произвели обыск [42, с. 3], а «Отечественные ведомости» иногда выходили с белыми местами в текстах на некоторых страницах, вымаранных цензорами [43].

Епархиальные издания Русской православной церкви также следует причислить к лояльной печати по отношению к политическому режиму Колчака с точки зрения их содержания и деятельности большей части священников против большевиков. Например, материалы ряда правительственных газет на Урале того времени приводили факты и свидетельствовали о «полной поддержке» Омского правительства со стороны православного духовенства.

Оппозиционная пресса

Антибольшевистские газеты с публикациями, направленными против власти Колчака, зачастую относились к органам партий меньшевиков (РСДРП) и эсеров (ПСР), а также к профсоюзным изданиям. Таких газет на Урале насчитывалось не менее 5, и практически все они к концу 1918 г. оказались закрыты. Большую роль в этом деле сыграл член кадетской партии В. Н. Пепеляев, занимавший тогда пост товарища (заместителя) министра внутренних дел. Он разработал программу основных направлений деятельности министерства в области печати, которая не оставляла места для оппозиционной прессы. Министерство внутренних дел требовало от управляющих губерниями еженедельных отчетов о политической направленности изданий, выходивших на их территориях. При этом собирались сведения о партийной принадлежности редакторов. На места выезжали чиновники для обследования работы прессы. В результате в конце 1918 г. – начале 1919 г. на востоке России было закрыто 16 газет, позиционировавшихся как профсоюзные и эсеро-меньшевистские [14, с. 25–26].

Например, редакция оренбургской газеты меньшевиков в условиях борьбы с правительственной цензурой вынуждена была несколько раз сменить название. Сначала издание называлось «Рабочее утро», затем – «Рабочий день», потом – «Рабочие сумерки». Не спасло еще одно название – «Рабочая заря», газету все-таки пришлось закрыть.

Среди неугодных изданий оказалась челябинская газета «Власть народа», которую редактировал меньшевик Е. Маевский (настоящее имя – В. А. Гутковский). Главный лозунг газеты, который воспроизводился в каждом ее номере, гласил: «Через Всероссийское Учредительное Собрание к демократической республике!». Первоначально газета обозначалась как «литературная и социалистическая», затем появился новый подзаголовок – «газета социалистическая и демократическая». При этом следует отметить, что издание уже закрывали в августе 1918 г.,

при Временном Сибирском правительстве, по приказу начальника Уральской дивизии из-за ряда материалов о насилии со стороны военнослужащих Сибирской армии. Прежнего редактора газеты С. Д. Антипина тогда арестовали и отправили в тюрьму [14, с. 161; 42, с. 3].

«Власть народа» принципиально и последовательно выступала против политического режима Колчака, называя его «реакционным». Приход к власти адмирала, по мнению редакции, являлся незаконной «омской авантюрой», которая вдохнула новую жизнь в деятельность монархистов, так называемых «большевиков справа». Газета опубликовала резолюции челябинской городской думы и отделения Чехословацкого национального совета в России, а также собраний рабочих-печатников с осуждением «нового государственного переворота в Омске» [44, с. 1; 45, с. 2–3; 46, с. 3].

Маевский в своей редакционной статье «Преступное покушение» назвал события 18 ноября 1918 г. в Омске «ударом по всей России» и «величайшим преступлением». Арест некоторых членов Временного Всероссийского правительства (Директории), по его мнению, явился насилием над людьми, «честно, открыто и самоотверженно, исполнявшими свой долг». По словам Маевского, «народ никогда не признает этого переворота, он никогда его не простит». В следующей заметке редактор заявил, что принять «омскую авантюру» – это то же самое, что признать Октябрьский переворот. Власть Колчака он назвал «большевизмом справа» [44, с. 2; 42, с. 1].

Ответной реакцией властей на подобную идеологическую линию «Власти народа» стало ужесточение предварительной цензуры, введенной на прифронтовой территории 20 ноября 1918 г. указом Верховного правителя. В связи с этим непосредственно перед выпуском газеты ее материалы просматривали в штабе Западного фронта (командующий – чешский генерал Я. Сыровы), располагавшегося тогда в Челябинске. После таких процедур номера газеты стали выходить с белыми местами на отдельных страницах. Это были последствия цензуры, когда удалялись «подозрительные» с точки зрения цензоров материалы. Следующим, более радикальным шагом властей стал арест в ночь с 27 по 28 ноября 1918 г. редактора Маевского. Вместе с ним арестовали окружного комиссара Приуралья – социал-демократа И. И. Кириенко. Вскоре их отправили в омскую тюрьму. Впоследствии в условиях антиколчаковского восстания в Омске ночью 23 декабря 1918 г. Маевский и Кириенко вместе с группой других социалистов были вывезены несколькими белыми офицерами из тюрьмы и зарублены на берегу Иртыша [47, с. 1, 3; 48, с. 27].

Новый редактор «Власти народа», эсер Н. Н. Молочковский, недолго пробыл на этом посту. Газету вскоре закрыли. Согласно воспоми-

нениям Молочковского, весной 1919 г. его арестовали в Челябинске за агитацию среди сербских солдат. Затем из штаба сербского полка Молочковского передали в белую контрразведку, где в ходе допроса его сильно избили. Затем материалы дела отправили в окружной суд. Только через два месяца он вышел на свободу [49, л. 114–121].

Таким образом, можно констатировать, что в условиях политического режима Колчака оппозиционных газет имелось совсем немного. Мало того, их дальнейшая деятельность в течение двух месяцев была прекращена, а некоторые журналисты репрессированы.

Выводы

Пресса занимала важное место в информированности населения и политической пропаганде периода Гражданской войны в России. Всего на Урале при Колчаке выходило не менее 62 газет. При этом первоначально насчитывалось 29 изданий, но 16 из них, в силу разных причин, к концу 1918 г. прекратили свою деятельность. Другие 13 газет продолжали выходить. В 1919 г. начали издаваться 33 новых печатных органа. Согласно статистике, в 1918 г. на Урале выходило 6 правительственных и армейских газет, что составляло 20,6 % от общего количества изданий. В 1919 г. количество правительственных (в том числе и военных) печатных органов увеличилось в несколько раз и достигло 25, что равнялось 53,1 % от общего числа газет (табл. 1). Видимо, такие тенденции, наблюдавшиеся в уральской антибольшевистской прессе, связанные с увеличением правительственных, в том числе и военных печатных органов, были во многом сходны с процессами, имевшими место в Сибири и на Дальнем Востоке.

В период политического режима Колчака в антибольшевистской прессе фактически сформировалось два дискурса. Первый из них транслировал идею сильной власти как эффективного средства борьбы с большевизмом с целью восстановления государственности. При этом предполагалось, что диктатура будет носить временный характер – до окончания Гражданской войны и созыва Национального собрания. Другой дискурс, конструируемый в прессе, был оппозиционным власти Верховного правителя, утверждая идею о ее нелегитимном статусе и реакционности. Настоящая законная власть, по мнению сотрудников таких изданий, должна исходить от Учредительного собрания, которое в 1917 г. выбрал народ.

Можно предположить, что за столь короткий период с момента падения монархии демократические традиции в российском обществе сильно не укоренились и не имели реальной массовой поддержки, поэтому дискурс о «сильной руке» и вожде как авторитарном правителе в условиях кризисного периода, безусловно, вызывал больше понимания и одобрения среди населения. С другой стороны, в условиях борьбы этих дискурсов омское прави-

тельство, обладая большими ресурсами, средствами и механизмами для подавления оппозиционной прессы и продвижения своей идеологии, добилось успеха. В результате практически все негодные издания оказались закрыты или перестали публиковать критические материалы в отношении власти Колчака. По сути, это стало «спирровой победой» сторонников Верховного правителя. Не найдя общего языка и не достигнув компромисса с партиями эсеров и меньшевиков, с профсоюзами, Омское правительство лишилось очень существенной политической поддержки, что стало одним из факторов его падения в недалеком будущем.

Литература

1. Адрианов, А. В. Периодическая печать в Сибири: с указанием изданий в 1918 г. / А. В. Адрианов. – Томск : Б.и., 1919. – 31 с.
2. Быстрянский, В. А. Газета в буржуазном и пролетарском государстве / В. А. Быстрянский. – Пг. : Госиздат, 1921. – 75 с.
3. Белов, В. Белая печать, ее идеология, значение и деятельность (Материалы для будущего историка) / В. Белов. – Пг. : Госиздат, 1922. – 125 с.
4. Семенова, Н. М. Периодическая печать как источник по истории «демократической» контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Семенова. – Томск, 1977. – 18 с.
5. О कोरोков, А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы / А. З. О कोरोков. – М. : Мысль, 1970. – 414 с.
6. Приставкин, В. А. Московские большевики в борьбе за ликвидацию контрреволюционной печати в 1917–1918 гг. / В. А. Приставкин // Труды Горьковского инженерно-строительного института им. В. П. Чкалова. – 1970. – Вып. 53. – С. 86–95.
7. Колоницкий, Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март – октябрь 1917) : дис. ... канд. ист. наук / Б. И. Колоницкий. – Л., 1987. – 216 с.
8. Волгин, А. П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. П. Волгин. – Томск, 1990. – 20 с.
9. Никитин, А. Н. Источники по истории Гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Н. Никитин. – Томск, 1992. – 33 с.
10. Косых, Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – март 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. Н. Косых. – Томск, 1995. – 46 с.
11. Мухаметзянова, Н. Р. Периодическая печать Среднего Поволжья времени гражданской войны в России (1918–1920 гг.) как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Р. Мухаметзянова. – Казань, 1997. – 18 с.
12. Молчанов, Л. А. Газеты России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917–

- 1920 гг.): опыт комплексного исследования : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / Л. А. Молчанов. – М., 1998. – 45 с.
13. Шевелев, В. Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны: По материалам периодической печати : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Шевелев. – Томск, 1999. – 22 с.
14. Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М. : Издат-профпресс, 2002. – 271 с.
15. Шереметьева, Д. Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции»: конец мая – середина ноября 1918 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Л. Шереметьева. – Новосибирск, 2011. – 24 с.
16. Обухов, Л. А. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны: (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) / Л. А. Обухов // *Власть*. – 2012. – № 4. – С. 131–133.
17. Симонов, Д. Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919 гг.) / Д. Г. Симонов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. – 2016. – Т. 15, № 6. – С. 31–40.
18. Селянинова, Г. Д. Деятельность А. С. Белевского-Белоруссова в Екатеринбурге в конце 1918 – первой половине 1919 г. / Г. Д. Селянинова // *Известия Уральского государственного университета*. – 2003. – № 27. – С. 130–138.
19. Крюков, В. М. Александр Адрианов. Последние годы / В. М. Крюков. – Томск : Изд-во НТЛ, 2004. – 80 с.
20. Якимова, С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист / С. И. Якимова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2013. – 216 с.
21. Шереметьева, Д. Л. Корпус редакторов газет Сибири на начальном этапе Гражданской войны (лето – осень 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. – 2014. – № 3. – С. 53–68.
22. Нестеренко, П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А. В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : дис. ... канд. ист. наук / П. Л. Нестеренко. – Томск, 2000. – 171 с.
23. Шевелев, Д. Н. «В железном кольце»: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания в периодической печати Урала и Сибири весной – осенью 1919 г. / Д. Н. Шевелев // *Вестник Томского государственного университета. Серия «История»*. – 2011. – № 1 (13). – С. 45–49.
24. Стельмак, М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. М. Стельмак. – Омск, 2016. – 32 с.
25. Конев, К. А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. А. Конев. – Томск, 2018. – 27 с.
26. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.
27. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 176. – Оп. 3. – Д. 56.
29. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 632 с.
30. Сибирский стрелок (Челябинск). – 1919. – 2 марта (17 февраля).
31. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919. – 5 января (23 декабря).
32. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919. – 11 января (29 декабря).
33. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919. – 25 февраля (12 февраля).
34. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-596. – Оп. 1. – Д. 334.
35. Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 12 февраля.
36. Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 4 декабря.
37. Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 7 декабря.
38. Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 8 декабря.
39. Оренбургский казачий вестник (Троицк). – 1919. – 2 июля.
40. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919. – 2 февраля (20 января).
41. Уральская жизнь (Екатеринбург). – 1919. – 24 мая.
42. Власть народа (Челябинск). – 1918. – 27 ноября.
43. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919. – 14 февраля (1 февраля).
44. Власть народа (Челябинск). – 1918. – 22 ноября.
45. Власть народа (Челябинск). – 1918. – 23 ноября.
46. Власть народа (Челябинск). – 1918. – 26 ноября.
47. Власть народа (Челябинск). – 1918. – 29 ноября.
48. Буревой, К. С. Колчаковщина / К. С. Буревой. – М. : Госиздат, 1919. – 40 с.
49. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 40290. – Оп. 1. – Д. 7.

Волков Евгений Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: volkovev@susu.ru. ORCID 0000-0002-8038-0431

Поступила в редакцию 14 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250301

ANTI-BOLSHEVIK PRESS IN THE URALS AND THE POLITICAL REGIME OF A.V. KOLCHAK

E. V. Volkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the anti-Bolshevik press in the Urals during the period of A.V. Kolchak's political regime (November 1918 – August 1919). The number, ideological affiliation and places of publication of the majority of newspapers are presented. All periodicals, depending on the ideological discourse they construct, are divided into governmental (Civil, Military, Cossack), loyal (Cadet, Zemstvo, Church) and opposition (Menshevik, Social Revolutionary, Trade Union). The tendency to increase the number of governmental, primarily military newspapers and to close opposition publications in the conditions of censorship bans is outlined. Attempts by some editorial offices to protest against the restrictions ended in vain. It is concluded that the given policy towards the press obviously did not contribute to the strengthening of A.V. Kolchak's political regime. On the other hand, in the conditions of the Civil War, the discourse about the "strong hand" and the authoritarian leader, apparently, found understanding and approval of the masses. Such sentiments were undoubtedly related to the lack of democratic traditions that had not managed to take root in Russian society in the short period since the fall of the monarchy. At the same time, the liberal publications in the Urals, unlike the socialist and trade union ones, embarked on the path of cooperation with the Kolchak regime.

Keywords: Civil War, Urals, press, A.V. Kolchak's political regime, discourse, censorship.

References

1. Adrianov A.V. Periodicheskaya pechat v Sibiri: s ukazaniem izdaniy v 1918 g. [Periodicals in Siberia: with Indication of Editions in 1918]. Tomsk, 1919. 31 p.
2. Bystryanskij V.A. Gazeta v burzhuaznom i proletarskom gosudarstve [Newspaper in the Bourgeois and Proletarian State]. Pg.: Gosizdat, 1921. 75 p.
3. Belov V. Belaya pechat, ee ideologiya, znachenie i deyatelnost' (Materialy dlya budushchego istorika) [The White Press, Its Ideology, Significance and Activities (Materials for the Future Historian)]. Petrograd.: Gosizdat, 1922. 125 p.
4. Semenova N.M. Periodicheskaya pechat kak istochnik po istorii «demokraticheskoj» kontrevolyucii [The Periodical Press as a Source on the History of the "Democratic" Counter-Revolution]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 1977. 18 p.
5. Okorokov A.Z. Oktyabr i krah russkoj burzhuaznoj pressy [October and the Collapse of the Russian Bourgeois Press]. Moscow: Idea, 1970. 414 p.
6. Pristavkin V.A. Moskovskie bolsheviki v borbe za likvidaciju kontrevolyucionnoj pečati v 1917–1918 gg. [Moscow Bolsheviks in the Struggle for the Liquidation of Counter-Revolutionary Press in 1917–1918] // *Trudy Gor'kovskogo inzhenerno-stroitel'nogo instituta im. V.P. Chkalova*. 1970. Vyp. 53. P. 86–95.
7. Kolonickij B.I. Centry burzhuaznoj pečatnoj propagandy v Petrograde i ih krushenie (mart – oktyabr 1917) [Centers of Bourgeois Printed Propaganda in Petrograd and Their Collapse (March-October 1917)]: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1987. 216 p.
8. Volgin A.P. Burzhuaznaya pressa Sibiri i kolchakovshchina [The Bourgeois Press of Siberia and the Kolchakovshchina]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 1990. 20 p.
9. Nikitin A.N. Istochniki po istorii Grazhdanskoj vojny v Sibiri i ih ispolzovanie v sovetskoj istoricheskoj literature [Sources on the History of the Civil War in Siberia and Their Use in Soviet Historical Literature]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 1992. 33 p.
10. Kosyh E.N. Periodicheskaya pechat Sibiri (mart 1917 – mart 1918 g.). Iz istorii idejno-politicheskoj borby [The Periodical Press of Siberia (March 1917 – March 1918). From the History of Ideological and Political Struggle]: avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. Tomsk, 1995. 46 p.

11. Muhametzyanova N.R. Periodicheskaya pechat Srednego Povolzhya vremeni grazhdanskoj vojny v Rossii (1918–1920 gg.) kak istoricheskij istochnik [Periodicals of the Middle Volga Region during the Russian Civil War (1918–1920) as a Historical Source]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan, 1997. 18 p.
12. Molchanov L.A. Gazety Rossii v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny (okt. 1917–1920 gg.): opyt kompleksnogo issledovaniya [Newspapers of Russia in the Years of Revolution and Civil War (October 1917–1920): the Experience of a Comprehensive Study]: avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. Moscow, 1998. 45 p.
13. Shevelev V.N. Voenno-propagandistskaya deyatelnost antibolshevistskikh pravitelstv Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny: Po materialam periodicheskoy pechati [Military-Propaganda Activity of Anti-Bolshevik Governments of Siberia in the Years of the Civil War: On the Materials of Periodicals]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 1999. 22 p.
14. Molchanov L.A. Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny (okt. 1917–1920 gg.) [Newspaper Press of Russia during the Revolution and Civil War (October 1917–1920)]. Moscow: Izdatprofpress, 2002. 271 p.
15. Sheremeteva D.L. Gazety Sibiri v period «demokraticheskoj kontrrevolyucii»: konec maya – seredina noyabrya 1918 g. [Newspapers of Siberia during the “Democratic Counter-Revolution”: Late May – mid-November 1918]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2011. 24 p.
16. Obuhov L.A. Periodicheskaya pechat kak istochnik po istorii Grazhdanskoj vojny: (na primere gazet g. Permi perioda kolchakovshchiny) [Periodicals as a Source on the History of the Civil War: (on the Example of Perm Newspapers of the Kolchak Period)] // *Vlast*. 2012. № 4. P. 131–133.
17. Simonov D.G. Gazety kak istochnik po izucheniyu antibolshevistskikh vooruzhennykh sil vostoka Rossii (1918–1919 gg.) [Newspapers as a Source for the Study of the Anti-Bolshevik Armed Forces of Eastern Russia (1918–1919)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2016. Vol. 15. № 6. P. 31–40.
18. Selyaninova G.D. Deyatelnost A.S. Belevskogo-Belorussova v Ekaterinburge v konce 1918 – pervoj polovine 1919 g. [Activity of A.S. Belevskiy-Belorussov in Yekaterinburg at the End of 1918 – the First Half of 1919] // *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. № 27. P. 130–138.
19. Kryukov V.M. Aleksandr Adrianov. Poslednie gody [Alexander Adrianov. Last Years]. Tomsk: Publishing house NTL, 2004. 80 p.
20. Yakimova S.I. Vsevolod Nikanorovich Ivanov: pisatel, myslitel, zhurnalist [Vsevolod Nikanorovich Ivanov: writer, thinker, journalist]. Habarovsk: Pacific National University Press, 2013. 216 p.
21. Sheremeteva D.L. Korpus redaktorov gazet Sibiri na nachalnom etape Grazhdanskoj vojny (leto – osen 1918 g.) [The Corps of Siberian Newspaper Editors at the Initial Stage of the Civil War (summer – fall 1918)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2014. № 3. P. 53–68.
22. Nesterenko P.L. Sibirskaya periodicheskaya pechat o vzaimootnosheniyah pravitelstva admirala A.V. Kolchaka s soyuznikami: istochnikovedcheskij aspekt [Siberian Periodicals on the Relations of Admiral A.V. Kolchak’s Government with the Allies: Source Study Aspect]: dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2000. 171 p.
23. Shevelev D.N. «V zheleznom kolce»: obraz «edinogo strategicheskogo fronta borby s bolshevikami» i transformaciya ego soderzhaniya v periodicheskoy pechati Urala i Sibiri vesnoj – osenyu 1919 g. [“In the Iron Ring”: the Image of the “United Strategic front of the Struggle Against the Bolsheviks” and the Transformation of Its Content in the Periodical Press of the Urals and Siberia in the Spring – Fall of 1919] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2011. № 1 (13). P. 45–49.
24. Stelmak M.M. Obraz inostrannykh soyuznikov antibolshevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoj Sibiri (maj 1918 – dekabr 1919 gg.) [The Image of Foreign Allies of the Anti-Bolshevik Movement in the Periodical Press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2016. 32 p.
25. Konev K.A. «Soyuzniki» v politicheskikh narrativah i simvolicheskikh praktikah antibolshevistskogo dvizheniya na востоке Rossii (maj 1918 – yanvar 1920 gg.) [“Allies” in the Political Narratives and Symbolic Practices of the Anti-Bolshevik Movement in Eastern Russia (May 1918 – January 1920)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2018. 27 p.
26. Fuko M. Poryadok diskursa [The Order of Discourse] // *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti*. Moscow: Kastal, 1996. P. 47–96.
27. Jorgensen M.V., Fillips L.Dzh. Diskurs-analiz: teoriya i metod [Discourse Analysis: Theory and Method]. Harkov: Humanitarian center, 2008. 352 p.
28. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. F. 176. Op. 3. D. 56.
29. Narskij I.V. Zhizn v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in a Catastrophe. The Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 632 p.
30. Sibirskij strelok (Chelyabinsk) [Siberian Rifleman (Chelyabinsk)]. 1919. March 2 (February 17).

31. Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg) [Domestic Statements (Ekaterinburg)]. 1919. January 5 (December 23).
32. Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg) [Domestic Statements (Ekaterinburg)]. 1919. January 11 (December 29).
33. Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg) [Domestic Statements (Ekaterinburg)]. 1919. February 25 (February 17).
34. Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archives of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-596. Op. 1. D. 334.
35. Utro Sibiri (Chelyabinsk) [Morning of Siberia (Chelyabinsk)]. 1919. February 12.
36. Orenburgskij kazachij vestnik (Orenburg) [Orenburg Cossack Herald (Orenburg)]. 1918. December 4.
37. Orenburgskij kazachij vestnik (Orenburg) [Orenburg Cossack Herald (Orenburg)]. 1918. December 7.
38. Orenburgskij kazachij vestnik (Orenburg) [Orenburg Cossack Herald (Orenburg)]. 1918. December 8.
39. Orenburgskij kazachij vestnik (Troick) [Orenburg Cossack Herald (Troitsk)]. 1919. July 2.
40. Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg) [Domestic Statements (Ekaterinburg)]. 1919. February 2 (January 20).
41. Uralskaya zhizn (Ekaterinburg) [Ural Life]. 1919. May 24.
42. Vlast naroda (Chelyabinsk) [The Power of the People (Chelyabinsk)]. 1918. November 27.
43. Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg) [Domestic Statements (Ekaterinburg)]. 1919. February 14 (February 1).
44. Vlast naroda (Chelyabinsk) [The Power of the People (Chelyabinsk)]. 1918. November 22.
45. Vlast naroda (Chelyabinsk) [The Power of the People (Chelyabinsk)]. 1918. November 23.
46. Vlast naroda (Chelyabinsk) [The Power of the People (Chelyabinsk)]. 1918. November 26.
47. Vlast naroda (Chelyabinsk) [The Power of the People (Chelyabinsk)]. 1918. November 29.
48. Burevoj K.S. Kolchakovshchina [Kolchakovshchina]. Moscow: Gosizdat, 1919. 40 p.
49. Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40290. Op. 1. D. 7.

Evgeny V. Volkov – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South State University (Chelyabinsk), e-mail: volkov@susu.ru

Received February 14, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Волков, Е. В. Антибольшевистская пресса на Урале и политический режим А. В. Колчака / Е. В. Волков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 6–15. DOI: 10.14529/ssh250301

FOR CITATION

Volkov E. V. Anti-Bolshevik press in the Urals and the political regime of A. V. Kolchak. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 6–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250301

РАЗВИТИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА

Н. А. Мязин

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация

В статье предпринята попытка проанализировать процесс развития протестантского сообщества Казахстана в 1990–2020 гг. во взаимосвязи с историей протестантских церквей в странах Средней Азии, которая началась 140 лет назад с прибытия в Казахстан немецких переселенцев-меннонитов и представителей русского духовного христианства – молокан. Отмечена крайняя консервативность протестантских церквей советского периода, что способствовало разрыву преемственности с церквями харизматичного направления, созданными при участии зарубежных миссионеров в 1990-е гг., наиболее значимая роль принадлежала миссионерам из Южной Кореи, которые работали как среди своих земляков, так и среди других национальностей. Консолидация новой протестантской деноминации – пятидесятников – произошла в 2010-е гг. вследствие изменения религиозного законодательства, в России подобный процесс произошел на два десятилетия ранее. Выявлено, что внутри протестантских церквей на первое место вышли пятидесятники, сместив преобладавших в советское время баптистов. Сделан вывод, что в последнее десятилетие численность протестантских церквей уменьшается по причине эмиграции населения, принадлежащего к народам, традиционно исповедующим христианство. Эта тенденция свойственна для всех стран Средней Азии.

Ключевые слова: Казахстан, Средняя Азия, религия, протестантизм, баптизм, пятидесятничество, миссионерство.

Введение

В постсоветских странах, за исключением Прибалтийского региона, протестантизм получил ограниченное распространение: на Украине и в Молдавии доля протестантов не превышает 2 %, в остальных странах значительно меньше, вместе с тем протестанты проявляют большую миссионерскую активность и в России заняли первое место среди всех конфессий в области реабилитации наркозависимых [1, с. 141]. Целью данной статьи является рассмотрение деятельности протестантских объединений Казахстана. Задачами являются рассмотрение истории протестантизма в Казахстане, выявление основных особенностей новых протестантских организаций в период независимости и анализ перспектив развития реформированного христианства. Научная новизна обусловлена рассмотрением казахстанских церквей как части нового протестантского движения постсоветского пространства, особое внимание уделено процессу централизации и адаптации к условиям казахстанского общества церквей пятидесятнического направления.

Обзор литературы

Религиозный аспект пребывания немцев в Казахстане исследован в работе Р. Н. Лункина [2], деятельность новых протестантских организаций в 1990–2000-е гг. исследована в работах казахстанских исследователей К. Асанбаева [3], Е. В. Королевой [4] и К. Смагулова [5], которые оценивали попытки миссионерской деятельности среди казахов резко негативно.

Методы исследования

Исследование основано на сравнительно-историческом методе, который позволяет показать

своеобразие развития протестантизма в Казахстане и найти общие закономерности в развитии протестантских церквей постсоветского пространства.

Результаты и дискуссия

Первые протестанты, меннониты, прибыли в Среднюю Азию в 1880-е гг., желая освоить свободные земли, а также избежать военной службы. На новые территории также переселялись представители русского духовного христианства – молокане. В этой среде начала распространяться новая для Российской империи протестантская деноминация – баптизм, в 1890 г. в Ашхабаде основана первая церковь. В 1926 г. в Средней Азии насчитывалось 3 тыс. баптистов, центром деноминации был Ташкент [6]. В 1920-е гг. начало распространяться пятидесятничество, которое первоначально развивалось за счет прозелитизма в баптистской среде. Пятидесятничество было создано в США в 1906 г., его отличает наличие особого мистического опыта – крещения Святым Духом, которое проявляется в говорении на «иных языках» (глоссолалия), а также вера в возможность совершения чудес в обычной жизни.

В 1945 г. под давлением властей пятидесятники вошли в состав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, при условии отказа от использования пятидесятнических практик. Баптистские церкви Средней Азии отказались подчиниться этому решению и принимать в свой состав пятидесятников [7, с. 298]. В 1941–1942 гг. более 800 тыс. этнических немцев были переселены из европейской России и Закавказья, более половины из них – в Казахстан. В лютеранстве было

два течения: церковные лютеране и братские общины пиетистского направления, которые ориентировались на духовное возрождение – личное переживание встречи в Боге – и меньше зависели от церковной структуры, к пасторам обращались только для совершения основных обрядов: крещения, бракосочетания и конфирмации (первого причащения). Братские общины оказались более жизнеспособны в сложившихся в 1930–1940-х гг. условиях, поскольку не нуждались в обязательной церковной инфраструктуре. Значительная часть из них впоследствии присоединилась к баптистским, пятидесятническим и адвентистским общинам, часть сохранила исключительно этнический характер [2, с. 117].

По данным Совета по делам религий в 1991 г. в Казахстане насчитывалось 76 общин пятидесятников, в которых состояло 4,1 тыс. человек, большинство из них (68 общин, 3 тыс. верующих): принадлежало к не зарегистрированным пятидесятникам-воронаевцам, 7 общин с 1,1 тыс. членов являлись единственными и были зарегистрированными автономно. В Киргизии имелось 6 общин воронаевцев (1,5 тыс. человек), в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении 7 общин воронаевцев (700 человек), все они не имели регистрации [8, с. 282]. Наиболее благоприятные условия для распространения протестантизма сложились в Казахстане, где в 1989 г. доля граждан, принадлежащих к народам, традиционно исповедующим христианство, составляла 51 %.

Казахстан в период независимости

Основное развитие протестантизма в новый период в Казахстане так же, как в России, Украине и Белоруссии связано с пятидесятничеством, которое в 1980-е гг. стало самой многочисленной деноминацией в мировом протестантизме [9]. В 1990-е гг. в Казахстане активно работали иностранные миссионеры пятидесятнических и харизматических церквей, многие из них были корейцами. В 1994 г. правительством введены обязательная аккредитация иностранных миссионеров и требование согласования назначения руководителей религиозных объединений иностранными религиозными центрами. Для регистрации было достаточно 10 человек и наличия устава [5, с. 69–70].

Протестантские организации получили большее распространение на севере страны и в столичном регионе, в которых проживает большое количество русских и представителей других национальностей, традиционно исповедующих христианство [4, с. 29].

Число пятидесятнических церквей в 1996–2011 гг. выросло с 68 до 400; 4/5 общин принадлежали к харизматическим церквям, входившим в состав 30 религиозных центров. В 2000 г. в г. Алматы основан христианский телеканал CNL, его возглавил пастор церкви «Новая жизнь» Максим Максимов. В 2021 г. новым директором стал руко-

водитель российской ассоциации «Благая весть» РОСХВЕ Рик Реннер, канал был переименован в «Благовест» [10].

В середине 2000-х гг. возрос уровень контроля религиозной сферы с целью борьбы с исламом, это затронуло и некоторые харизматические церкви. В 2006 г. в Шымкенте за отсутствие лицензии на образовательную деятельность по решению суда закрыт христианский институт «Елим», созданный на средства пятидесятнической корейской церкви «Сун Бок Ым» [11].

В 2019 г. три пастора церкви «Новая жизнь», в т. ч. Максимов, заочно приговорены к лишению свободы (к этому времени они переехали в США) по обвинению в том, что они проводили «мнимые богослужения, в ходе которых применялись методы психологического воздействия, и убеждали прихожан в необходимости регулярных материальных пожертвований в пользу церкви» [12], т. е. осуществляли обычную религиозную практику. Недовольство государства и казахской общественности вызывали попытки харизматов вести миссионерскую деятельность среди казахов, хотя переход из одной мировой религии в другую мало распространен. Автор на протяжении десятилетия работал в сфере государственно-конфессиональных отношений в одном из регионов центральной России, где переход из ислама в христианство и наоборот носил единичный характер. По нашему мнению, это свойственно не только для Казахстана и России, но и является общей тенденцией.

В качестве примера можно привести соседние страны Юго-Восточной Азии: Малайзию и Сингапур, в которых переписи населения фиксируют религиозную принадлежность каждого гражданина. В Малайзии переход из ислама в христианство рассматривается как нарушение законодательства. Несмотря на крайне малое количество обращений в шариатские суды о выходе из ислама (863 обращения за 2000–2010 гг.) в СМИ и заявлениях официальных лиц этому вопросу уделяется преувеличенное внимание. В Сингапуре при отсутствии ограничений свободы совести в 2010–2020 гг. доля христиан среди малайцев снизилась с 0,69 до 0,61 % [13, с. 337].

Перепись 2009 г. показала, что 0,4 % казахов – православные, 1,4 % русских – мусульмане [14, с. 25], чаще всего переход в другую религию связан со смешанным браком. Большее число перешедших в ислам русских объясняется тем, что православные казахи с большей вероятностью переезжали в Россию, русские мусульмане оставались в Казахстане.

Закон 2011 г. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [15] обязал все религиозные организации пройти перерегистрацию и увеличил минимальную численность общины до 50 человек, в результате чего численность религиозных объединений всех деноминаций Казахстана

уменьшилась на треть. В 2012 г. прошли перерегистрацию 189 пятидесятнических организаций, в т. ч.: «Новая жизнь» (38), «Источник» (28), «Агапе» (23), «Сун Бок Ым» (9) [16, с. 30–31]. В 2017 г. число протестантских церквей достигло 579, самой крупной деноминацией было пятидесятничество (219), второе место занимали баптисты (181), третье – пресвитериане (106), далее следуют: адвентисты (42), лютеране (14), методисты (13) и меннониты (4) [17].

По мнению автора, проблемой для пятидесятников Казахстана было отсутствие религиозного центра, который мог бы выступать от имени всего сообщества при взаимодействии с властью и обществом. Этого не произошло, т. к. не имелось ядра, вокруг которого можно было объединиться. В советскую эпоху преобладали не зарегистрированные пятидесятники, выступающие за самоизоляцию, а также единственники, которые очень отличаются от остальных христиан в доктринальном плане, в результате новые миссионеры действовали сами по себе. В России общины классических пятидесятников в 1991 г. объединились в РЦХВЕ. Объединение большинства российских харизматов в РОСХВЕ произошло в результате принятия в 1997 г. Закона о свободе совести [18], который ввел условием для регистрации 15-летний стаж деятельности на территории России или принадлежность к централизованной религиозной организации. Десяткам небольших церквей Казахстана было сложнее выстраивать отношения с властью и обществом. В 2018 г. создан «Союз пятидесятнических церквей Казахстана», переименованный в 2021 г. в «Союз христиан веры евангельской Казахстана». Председателем является старший пастор церкви «Агапе» г. Алматы Шумаев Юрий Валерьевич. По состоянию на 2024 г. в союз входят 76 пятидесятнических и харизматических организаций, в т. ч.: «Источник жизни» – 27 церквей; «Агапе» – 15; «Сун Бок Ым» – 6; «Жатва» – 5; «Слово жизни» – 3; «Благодать» – 2 [19]. Союз близок к российскому пятидесятническому объединению РЦХВЕ, оба религиозных центра входят в состав «Международной ассамблеи христиан веры евангельской».

Баптисты сохраняют очень консервативный характер до настоящего времени. В 2006 г. Союз баптистов Казахстана вышел из Всемирного баптистского альянса [20]. Большинство прихожан пресвитерианских церквей Казахстана составляют этнические корейцы, самой крупной является церковь «Благодать» (также называемая «Грейс»), созданная миссионерами корейско-американского происхождения.

По данным опроса казахстанского исследователя Г. Балаевой в конце 2000-х гг. протестанты составляли 0,2 % населения [5, с. 57]. По данным Переписи населения 2021 г., которая включала

выбор христианской деноминации, в Казахстане насчитывалось 3269 тыс. православных (17 %), 19 тыс. католиков (0,1 %) и 9,4 тыс. протестантов: (0,05 %) [21, с. 35]. Цифры в отношении протестантов представляются несколько заниженными: по данным Евро-азиатской федерации баптистов, в 2019 г. имелось 7,7 тыс. членов баптистских церквей [22], лютеранские общины насчитывали 2,5 тыс. членов церкви [23]. Если предположить, что среднее число верующих в остальных протестантских общинах сопоставимо с показателями баптистов, в Казахстане имелось 25 тыс. взрослых членов протестантских церквей. Таким образом, оценка Балаевой представляется более достоверной. В настоящее время число протестантов в Казахстане уменьшается вследствие эмиграции, т. к. сильные общинные связи увеличивают вероятность возвращения на историческую родину или переезд в США и страны Западной Европы.

В 2024 г. в Казахстане зарегистрировано 400 миссионеров, из них 245 – католики, 60 – пятидесятники, 22 – пресвитериане, 11 – православные [24]. Изменение числа евангельских христиан маловероятно в связи с изменением этнического состава населения. Процент граждан Казахстана, принадлежащих к народам, традиционно исповедующим христианство, в 1999–2021 гг. снизился с 37,8 до 20,2 % (табл. 1).

Другие страны Средней Азии

По данным Министерства юстиции Узбекистана зарегистрировано 129 протестантских религиозных организаций, из которых 48 церквей полного Евангелия, т. е. принадлежат к харизматическому направлению пятидесятничества, 20 баптистских церквей, 23 церкви корейского происхождения [26]. По данным Государственной комиссии по делам религии, в Киргизии зарегистрированы 304 протестантских общины, из них 121 церковь пятидесятнического и харизматического направления, 60 общин баптистов, 48 – пресвитериан [27].

Сопоставляя число баптистских общин, в отношении которых имеются данные о членстве [22], с долей зарегистрированных церквей, можно предположить, что в 2019 г. численность взрослых протестантов Узбекистана составляла около 10 тыс. человек, Киргизии – около 12 тыс. человек. Подавляющая часть протестантов принадлежит к народам, традиционно исповедующим христианство. Несмотря на весьма скромные успехи протестантской миссии среди мусульман, риторика об экспансии протестантизма периодически используется представителями общественности Узбекистана [28] и Киргизии [29].

Выводы

История протестантизма в Казахстане насчитывает 140 лет, развитие идей Реформации на первом этапе связано прежде всего с переселением

этнических немцев. Постепенно лютеранство уступило место протестантским деноминациям с фиксированным членством, которые отказались от крещения детей, а также сделали акцент на самостоятельности общин. Особенностью протестантизма в Средней Азии в советские годы являлся крайний консерватизм, следствием которого являлась, в том числе, духовная самоизоляция и слабая миссионерская активность. В 1990-е гг. пятидесятнические общины, созданные при участии иностранных миссионеров, распространялись быстрее, чем крайне консервативные баптисты и не зарегистрированные пятидесятники. Особое значение имели пятидесятнические миссионеры из Южной Кореи, которые работали как с корейской диаспорой, так и с другими национальностями. Новое казахстанское пятидесятничество отличалось значительной фрагментированностью, создание «Союза пятидесятнических церквей Казах-

стана» произошло в 2010-х гг., российские пятидесятники объединились на два десятилетия раньше. Для стран Средней Азии свойственно настороженное отношение мусульманского духовенства и части общественности к протестантским миссионерам вследствие опасения миссионерства среди этнических мусульман, несмотря на то, что переход между мировыми религиями практически не происходит. Протестантизм в Средней Азии представляет отдельные островки, которые постепенно уменьшаются. Основной причиной угасания протестантизма является возвращение русского населения в Россию. Казахстан остается единственной страной Средней Азии со значительной долей русского населения – 15 %, доля русских в Киргизии снизилась до 5 %, в Узбекистане до 2,1 %, в остальных странах практически до нуля. Можно прогнозировать, что число протестантов в странах Средней Азии продолжит уменьшаться.

Этнический состав Казахстана по данным переписей населения

Таблица 1

Table 1

Ethnic composition of Kazakhstan according to population census data

	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Корейцы	Поляки
1999 г. [25, с. 11]	30 %	3,7 %	0,7 %	2,4 %	0,7 %	0,3 %
2021 г. [21, с. 12]	15,8 %	2 %	0,4 %	1,2 %	0,6 %	0,2 %

Литература

1. Лункин, Р. Н. Евангельские церкви России и общество: Реформация для «малой родины» / Р. Н. Лункин // Современная Европа. – 2014. – № 1. – С. 136–148.
2. Лункин, Р. Н. Трагедия российских немцев и российская религиозность / Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов // Современная Европа. – 2007. – № 4 (32). – С. 114–121.
3. Асанбаев, М. Казахстан: потенциал религиозной конфликтности и факторы риска в развитии религиозной ситуации / М. Асанбаев // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 6 (48). – С. 87–100.
4. Королева, Е. В. Особенности миссионерской деятельности новых религиозных движений в современном Казахстане / Е. В. Королева // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2010. – № 2. – С. 27–40.
5. Смагулов, К. Современная религиозная ситуация в Казахстане / К. Смагулов // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – № 3 (14). – С. 53–73.
6. Наша история // Союз Церквей Евангельских христиан-баптистов Узбекистана. – URL: <https://baptist.uz/o-nas/nasha-istoriya/2/> (дата обращения: 22.08.2024).
7. Белякова, Н. А. «Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам». Специфика коммуникативных практик евангельских общин в позднем СССР / Н. А. Белякова, В. П. Ключева // Диалог со временем. – 2018 (62). – С. 294–311.

8. Ефимов, И. Современное харизматическое движение сектантства / И. Ефимов. – М., 1995. – 319 с.

9. Brown, D. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only / D. Brown, P. James. – URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (дата обращения: 22.08.2024).

10. О CNL // Good News Channel. – URL: <https://gncv.org/aboutus/> (дата обращения: 22.08.2024).

11. В Шымкенте по решению суда закрыты христианский институт «Елим» и духовная семинария «Юго-Запад» // Kazakhstan Today. – URL: https://www.kt.kz/rus/society/v_shimkente_po_resheniju_suda_zakriti_hristianskij_institut_elim_i_duhovnaj_a_seminarija_jugozapad_1153399994.html (дата обращения: 22.08.2024).

12. В Алматы вынесли приговор пастору церкви «Новая жизнь» // Informburo.kz. – URL: <https://informburo.kz/novosti/v-almaty-vynesli-prigovor-pastoru-cerkvi-novaya-zhizn-93577.html> (дата обращения: 22.08.2024).

13. Мязин, Н. А. Христианство в Малайзии: прошлое и настоящее / Н. А. Мязин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2024. – Т. 1, № 1 (62). – С. 333–345.

14. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года / под ред. А. А. Смаилова. – Астана, 2011. – 65 с.

15. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> (дата обращения: 22.08.2024).
16. Протестантизм: история, направления и казахстанские реалии (информационный справочник). – Астана: Научно-исследовательский и аналитический центр по вопросам религии Агентства Республики Казахстан по делам религий, 2012. – 44 с.
17. Религиозные объединения Республики Казахстан 2017 г. Министерство по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан. – URL: <https://web.archive.org/web/20170913223901/http://diakom.gov.kz:80/ru/content/religioznaya-sfera> (дата обращения: 22.08.2024).
18. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 22.08.2024).
19. Члены союза. Союз христиан веры евангельской Казахстана. – URL: <https://hve.kz/o-soyuzze/chlenyi-soyuz> (дата обращения: 22.08.2024).
20. О различных баптистских союзах // Российский Союз ЕХБ. – URL: <https://baptist.org.ru/read/article/94255> (дата обращения: 22.08.2024).
21. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. – Нур-Султан, 2022. – 63 с.
22. Братство ЕХБ. Евро-Азиатская Федерация союзов Евангельских христиан-баптистов. – URL: http://eafecb.com/?page_id=514 (дата обращения: 22.08.2024).
23. Союз Евангелическо-Лютеранских Церквей в России и других государствах // Евангелическо-лютеранская церковь в России. – URL: https://www.elkras.ru/elc/struktura_elc/struktura_elc.jdx (дата обращения: 22.08.2024).
24. Религиозная сфера // Единая платформа интернет-ресурсов Республики Казахстан. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/activities/141?lang=ru> (дата обращения: 22.08.2024).
25. Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Статистический сборник. – Алматы, 1999. – 211 с.
26. Реестр религиозных организаций. Министерство Юстиции Республики Узбекистан. – URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6107d5b52a2e256d868e8706> (дата обращения: 22.08.2024).
27. Зарегистрированные религиозные организации // Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики. – URL: http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered (дата обращения: 22.08.2024).
28. Рубан, В. Гнали Меня, будут гнать и вас / В. Рубан // Благодать. – 2010. – № 5. – URL: https://oicxve.bel/pressa/zhurnal_blagodat/zhurnal_blagodat_5_2010?id=350 (дата обращения: 22.08.2024).
29. Волгин, В. Почему Киргизия принимает христианство? Мнения. / В. Волгин // Российская газета – URL: <https://rg.ru/2007/10/12/reg-asia/hrist.html> (дата обращения: 22.08.2024).

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Калужский государственный университет (Калуга), e-mail: marknote@rambler.ru. ORCID 0000-0002-9819-0732

Поступила в редакцию 24 декабря 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250302

DEVELOPMENT OF PROTESTANTISM IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA AS EXEMPLIFIED BY KAZAKHSTAN

N. A. Miazin

Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation

The article analyzes the development of the Protestant community of Kazakhstan in 1990–2020 in conjunction with the history of Protestant churches in Central Asia. It notes the extreme conservatism of Protestant churches in the Soviet period, which contributed to the break of continuity with charismatic churches founded with the participation of foreign missionaries in the 1990s. The new Protestant denomination of Pentecostals consolidated in the 2010s due to religious legislative changes. In Russia, a similar process occurred two decades earlier. The article reveals that Pentecostals came to the forefront within Protestant churches, displacing the Baptists who dominated in the Soviet era. It is concluded that in the last decade the number of Protestant churches decreased due to the emigration of the Christians. This trend is characteristic of all Central Asian countries.

Keywords: Kazakhstan, Central Asia, religion, Protestantism, Baptism, Pentecostalism, missionary.

References

1. Lunkin R.N. Evangel'skie tserkvi Rossii i obshchestvo: Reformatsiya dlya «maloy rodiny» [Evangelical Churches of Russia and Society: Reformation for the “Small Motherland”] // *Sovremennaya Evropa*. 2014. № 1. P. 136–148.
2. Lunkin R.N., Filatov S.B. Tragediya rossiyskikh nemtsev i rossiyskaya religioznost' [Tragedy of Russian Germans and Russian religiosity] // *Sovremennaya Evropa*. 2007. № 4 (32). P. 114–121.
3. Asanbaev M. Kazakhstan: potentsial religioznoy konfliktnosti i faktory riska v razvitii religioznoy situatsii [Kazakhstan: the Potential for Religious Conflict and Risk Factors in the Development of the Religious situation] // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2006. № 6 (48). P. 87–100.
4. Koroleva E.V. Osobennosti missionerskoy deyatel'nosti novykh religioznykh dvizheniy v sovremenom Kazakhstane [Features of Missionary Activity of New Religious Movements in Modern Kazakhstan] // *Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya»*. 2010. № 2. P. 27–40.
5. Smagulov K. Sovremennaya religioznaya situatsiya v Kazakhstane [Modern Religious Situation in Kazakhstan] // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2011. № 3 (14). P. 53–73.
6. Nasha istoriya [Our History]. URL: <https://baptist.uz/o-nas/nasha-istoriya/2/> (date of accessed: 22.08.2024).
7. Belyakova N.A., Klyueva V.P. «Ona privela menya k baptistam, a ya ee k pyatidesyatnikam». Specifika kommunikativnykh praktik evangel'skikh obshhin v pozdnem SSSR [She Led me to the Baptists, and I Led Her to the Pentecostals]. The Specificity of Communicative Practices of Evangelical Communities in the Late USSR // *Dialog so vremenem*. 2018 (62). P. 294–311.
8. Efimov I. Sovremennoe harizmaticheskoe dvizhenie sektantstva [Modern Charismatic Movement of Sectarianism]. Moscow, 1995. 319 p.
9. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (date of accessed: 22.08.2024).
10. O CNL. Good News Channel. URL: <https://gntv.org/aboutus/> (date of accessed: 22.08.2024).
11. V Shymkente po resheniyu suda zakryty khristianskiy institut «Elim» i dukhovnaya seminariya «Yugo-Zapad» [In Shymkent the Christian Institute “Elim” and the Spiritual Seminary “South-West” were Closed by Court Decision] // *Kazakhstan Today*. URL: https://www.kt.kz/rus/society/v_shimkente_po_resheniyu_suda_zakriti_hristianskiy_institut_elim_i_duhovnaya_seminariya_jugozapad_1153399994.html (date of accessed: 22.08.2024).
12. V Almaty vynesli prigovor pastoru cerkvi «Novaya zhizn'» [In Almaty a Sentence was Passed on the Pastor of the Church “New Life”]. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-almaty-vynesli-prigovor-pastoru-cerkvi-novaya-zhizn-93577.html> (date of accessed: 22.08.2024).
13. Myazin N.A. Hristianstvo v Malayzii: proshloe i nastoyashhee. [Christianity in Malaysia: Past and Present] // *Yugo-Vostochnaya Azija: aktual'nye problemy razvitiya*. 2024. T. 1, № 1 (62). P. 333–345.
14. Itogi Natsional'noy perepisi naseleniya Respubliki Kazakhstan 2009 goda [Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan 2009] / pod red. A.A. Smailova. Astana, 2011. 65 p.
15. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 oktyabrya 2011 goda № 483-IV «O religioznoy deyatel'nosti i religioznykh ob'edineniyakh [Law of the Republic of Kazakhstan Dated October 11, 2011 № 483-IV “On Religious Activity and Religious Associations”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> (date of accessed: 22.08.2024).
16. Protestantizm: istoriya, napravleniya i kazahstanskii realii (informacionnyj spravochnik) [Protestantism: History, Directions and Kazakhstani Realities (Information Guide)]. Astana: Nauchno-issledovatel'skij i analiticheskij centr po voprosam religii Agentstva Respubliki Kazahstan po delam religij. 2012. 44 p.
17. Religioznye ob'edineniya Respubliki Kazahstan 2017 g. [Religious Associations of the Republic of Kazakhstan 2017]. Ministerstvo po delam religij i grazhdanskogo obshhestva Respubliki Kazahstan. URL: <https://web.archive.org/web/20170913223901/http://diakom.gov.kz:80/ru/content/religioznaya-sfera> (date of accessed: 22.08.2024).
18. Federal'nyy zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ «O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh» [Federal Law of 26.09.1997 № 125-FZ “On Freedom of Conscience and Religious Associations”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (date of accessed: 22.08.2024).
19. Chleny sojuza. Sojuz Hristian Very Evangel'skoj Kazahstana [Members of the Union. Union of Christians of the Evangelical Faith of Kazakhstan]. URL: <https://hve.kz/o-soyuze/chlenyi-soyuz> (date of accessed: 22.08.2024).

20. O razlichnyh baptistskih soyuzah [About Various Baptist Unions]. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/94255> (date of accessed: 22.08.2024).
21. Itogi Nacional'noy perepisi naseleniya 2021 goda v Respublike Kazahstan [Results of the National Population Census 2021 in the Republic of Kazakhstan]. Nur-Sultan, 2022. 63 p.
22. Bratstvo EHB. Evro-Aziatskaya Federaciya soyuzov Evangel'skih hristian-baptistov [Baptist Brotherhood. Euro-Asian Federation of Evangelical Baptist Christian Unions]. URL: http://eafecb.com/?page_id=514 (date of accessed: 22.08.2024).
23. Soyuz Evangelicheskoy-Lyuteranskih Cerkvey v Rossii i drugih gosudarstvakh [Union of Evangelical Lutheran Churches in Russia and Other States] // *Evangelicheski-ljuteranskaya cerkov' v Rossii*. URL: https://www.elkras.ru/elc/struktura_elc/struktura_elc.jdx (date of accessed: 22.08.2024).
24. Religioznaya sfera [Religious Sphere] // *Edinaya platforma internet-resursov Respubliki Kazahstan*. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/activities/141?lang=ru> (date of accessed: 22.08.2024).
25. Kratkie itogi perepisi naseleniya 1999 g. v Respublike Kazahstan [Summary Results of the 1999 Population Census in the Republic of Kazakhstan]: statisticheskiy sbornik. Almaty, 1999. 211 p.
26. Reestr religioznyh organizatsiy [Register of Religious Organizations]. Ministerstvo Yustitsii Respubliki Uzbekistan. URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6107d5b52a2e256d868e8706> (date of accessed: 22.08.2024).
27. Zaregistrirrovannye religioznye organizatsii [Registered Religious Organizations] // *Gosudarstvennaya komissiya po delam religii Kyrgyzskoy Respubliki*. URL: http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered (date of accessed: 22.08.2024).
28. Ruban V. Gnali Menya, budut gnat' i vas [They Persecuted Me, They will also Persecute You] // *Blagodat'*. 2010. № 5. URL: https://ochve.bel/prensa/zhurnal_blagodat/zhurnal_blagodat_5_2010?id=350 (date of accessed: 22.08.2024).
29. Volgin V. Pochemu Kirgizija prinimaet hristianstvo? Mnenija [Why does Kyrgyzstan accept Christianity? Opinions]. URL: <https://rg.ru/2007/10/12/reg-asia/hrist.html> (date of accessed: 22.08.2024).

Nikolai A. Miazin – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Kaluga State University (Kaluga), e-mail: marknote@rambler.ru

Received December 24, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мязин, Н. А. Развитие протестантизма в постсоветской Средней Азии на примере Казахстана / Н. А. Мязин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 16–22. DOI: 10.14529/ssh250302

FOR CITATION

Miazin N. A. Development of Protestantism in Post-Soviet Central Asia as exemplified by Kazakhstan. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 16–22. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250302

МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ И МОЛОЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1950 гг.

И. В. Рудометова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье описана модель экономического развития, в границах которой выполняли свои функции мясоперерабатывающая и молочная индустрии Челябинской области в 1946–1950 гг. Изучение архивных материалов позволяет сделать вывод, что в период с 1946 по 1950 г. мясоперерабатывающая и молочная промышленность Челябинской области по-прежнему функционировала в рамках мобилизационной экономики, большая часть капиталовложений и внимание руководства страны было направлено на предприятия группы «А», промышленные объекты группы «Б» продолжали иметь второстепенное значение. Это было обусловлено напряженной ситуацией в мире и внутригосударственными обстоятельствами, влияющими на развитие Советского Союза.

За этот период мясомолочная индустрия расширила свою структуру и потенциал. Производства ощущали острую потребность в высококвалифицированных технических кадрах. Перечень выпускаемых изделий был по-прежнему ограниченным, качество было низким. Это было обусловлено нехваткой сырья, недостаточной производственной организацией, низкими профессиональными качествами трудящихся. Недостаток транспорта на промышленных объектах вызывал перебои в доставке сырьевых ресурсов. Таким образом, мясомолочная индустрия не смогла полностью выполнить задание IV пятилетнего плана, потребности жителей Челябинской области в высокосортных, разнородных мясных и молочных продуктах обеспечивались не в полной мере.

Ключевые слова: мясоперерабатывающая промышленность, молочная индустрия, Челябинская область, колбасные изделия, молочные продукты, восстановление экономики.

Введение

Вопросы, затрагивающие пищевую индустрию, в современной действительности весьма значимы. В «Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» [1] определяется задача обеспечения граждан России высококачественными и бюджетными продуктами питания, насыщения рынка мясной и молочной продукцией. Для уточнения современных тенденций требуется анализ состояния пищевой индустрии минувших лет.

После Великой Отечественной войны в Челябинской области насчитывалось 7 мясоперерабатывающих предприятий, размещенных в городах Челябинск, Магнитогорск, Троицк, Златоуст, Миасс Кыштым, Копейск. Промышленные объекты, специализирующиеся на производстве молочной продукции, числились в Копейске, Златоусте, Челябинске, Магнитогорске. Кроме того, в сети значились Челябинский и Магнитогорский холодильники. Все указанные предприятия входили в подчинение Наркомата мясомолочной промышленности РСФСР (с 1946 г. – в одноименное министерство).

В данной статье рассматриваются временные рамки пятилетнего плана (1946–1950), который известен как период восстановления. Исследование вопроса географически исчерпывается Челябинской областью, потому что в военное время этот регион находился в тылу и обладал своей спецификой реорганизации общественного производства.

Также в архивохранилищах содержится значимый контент, дающий возможность справиться с научной задачей.

Замысел настоящей статьи заключается в установлении модели экономического развития мясомолочной индустрии в период восстановления.

Обзор литературы

Деятельность пищевых производств в восстановительный период мало изучена. Достойна упоминания статья [2], содержащая описание целей, поставленных руководителем пищевой отрасли на период с 1946 по 1950 гг.

Данные о пищевой индустрии, имеющиеся в некоторых советских работах общесоюзного [3–6] значения, излагались в виде попутных, неосновных сюжетов обобщенных тем: истории промышленности, рабочего класса в восстановительный период. Также стоит отметить серию работ по исследованию пищевой промышленности СССР [7–9]. В них разъясняются некоторые вопросы восстановления пищевой индустрии в наиболее пострадавших регионах СССР и РСФСР.

Заслуживает интереса совместное исследование, в котором подчеркивалось, что, несмотря на высокие темпы восстановления предприятий пищевой промышленности, потребовалось пять лет для достижения довоенного уровня производительности труда [10, с. 193]. В изыскании было указано и то, что мясная промышленность к концу первой послевоенной пятилетки полностью восстановила производственные мощности предприятий по выработке мяса, колбасных изделий и дру-

гих продуктов, а также, что, невзирая на проведение большой работы по развитию животноводства и мясной промышленности, потребности трудящихся в мясных продуктах полностью не удовлетворялись [10, с. 139]. Кроме того, по мнению авторов, в 1948 г. молочная промышленность была восстановлена полностью, а промышленная переработка молока превзошла объемы предвоенного 1940 г. [10, с. 193].

Зарубежные ученые [11–13] отмечают существование в Советском государстве таких значимых экономических трудностей, как плохое качество промышленной продукции, дефицит потребительских товаров. Причинами этого, по мнению Дж. Боффа и Дж. Хоскинга, были недостаточное внимание руководства и низкий объем капиталовложений, направляемых на развитие предприятий группы «Б».

Из новейших зарубежных исследователей стоит отметить П. Грегори [14], который рассмотрел механизм функционирования советской административно-командной экономики. О. Санчес-Сибони, исследуя советскую внешнеэкономическую политику, подчеркивает, что, несмотря на нехватку потребительских товаров в СССР, страну во внешней торговле интересовало только промышленное оборудование и технологии [15, с. 112].

В последние годы начали появляться работы локального уровня [16, 17], представляющие научный интерес.

Из научных изысканий по данным Челябинской области имеется лишь одна статья, посвященная исследованию хлебопекарной промышленности в послевоенный период.

Источниковой базой послужили архивные материалы, содержащиеся в областном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) в фондах П-288 (областной комитет КПСС), Р-220 (Челябинский городской исполнительный комитет депутатов трудящихся), Р-274 (областной исполнительный комитет), Р-804 (Челябинская областная плановая комиссия). Главной ценностью дел фонда П-288 явилась информация партийных заседаний, на которых обсуждались вопросы послевоенного восстановления пищевой индустрии. Также содержимое фонда позволило выявить передовые и отстающие предприятия, факты хищений, степень обеспеченности кадрами. Благодаря фондам Р-220, 274 исследователю удалось узнать, как были организованы заготовки мяса и молока, с какими трудностями сталкивались предприятия. Наиболее содержательным и значимым явился фонд Р-804, включающий проект плана восстановления и развития народного хозяйства Челябинской области на 1946–1950: суммы капиталовложений, объекты строительства, план по ассортименту, сведения о сырьевой и материально-технической базе предприятий мясоперерабатывающей и молочной промышленности.

Методы исследования

Гипотезой научного исследования выступает тезис о том, что мясоперерабатывающая и молочная промышленность продолжали существовать в рамках мобилизационной модели экономического развития.

В ходе работы были применены статистический, ретроспективный, хронологический, сравнительно-исторический методы. Существование большого объема количественных данных определило применение в исследовании статистического метода. Ретроспективный метод использовался при обращении к прошлому для установления ведущих элементов продовольственной проблемы региона. Хронологический метод дал возможность заметить изменения отдельных явлений в событийно-историческом плане. Благодаря сравнительно-историческому методу были обнаружены решающие направления и противоречия проводимой государственной экономической политики.

Результаты и дискуссия

После прекращения Великой Отечественной войны на областном партийном совещании 29 июня 1945 г. подчеркивалось, что в области совсем не производятся колбасные изделия повышенного качества, не удовлетворяется спрос жителей городов и промышленных центров на молочные и мясные продукты. Потребности молока для городского населения и обязательного государственного снабжения больниц, детских учреждений, рабочих заводов, занятых во вредных цехах, не обеспечивались, имелся большой разрыв между надобностью и поступлением молока. Такое положение объяснялось значительным увеличением городского населения в годы Великой Отечественной войны и сокращением почти в два раза сырьевой зоны заготовок молока за счет отделения Курганской области. Аналогичное положение было с возмещением потребностей жителей в мясопродуктах. Причиной была низкая техническая оснащенность действующих мясокомбинатов.

На бюро постановили считать важнейшей задачей обеспечение трудящихся мясомолочными продуктами за счет внутриобластных ресурсов в ближайшие 2–3 года [18, л. 27].

Опираясь на общесоюзный пятилетний план, проект развития народного хозяйства Челябинской области на 1946–1950 гг. предполагал обеспечить жителей мясными и молочными продуктами путем реконструкции действующих и постройки новых предприятий [19; 20, л. 43].

Было запроектировано строительство новых механизированных молочных заводов в Магнитогорске мощностью 50 тонн в сутки, Златоусте – 25 тонн в сутки, Копейске и Троицке – по 10 тонн в сутки, а также расширение и механизация существующих молочных предприятий в Копейске и Златоусте. Кроме этого, предполагалось расширить Челябинский холодильник и создать при нем

новый цех мороженого, завод сухого льда, жидкой углекислоты и искусственного пищевого льда, а также организовать замораживание плодов и ягод. В глубинных районах области предстояло открыть 10 заводов по выработке сухого молока. По мясной индустрии было запланировано сооружение новых механизированных мясокомбинатов с колбасными цехами, цехом ширпотреба в городах Челябинске, Магнитогорске, каждой мощностью 22 тонны мяса и 8 тонн колбасы в смену, с холодильником на 1,5 тонны хранения; в Златоусте – мощностью 1500 тонн мяса и 500 тонн колбасных изделий в год. Также намечалась реконструкция существующих мясокомбинатов, строительство при них колбасных цехов и холодильников с увеличением мощности комбинатов в Копейске и Миассе [20, л. 44–45, 52–53]. Так, при Челябинском мясокомбинате проектировалась механизированная колбасная фабрика мощностью 3 тыс. тонн колбасных изделий и копченостей в год; при Троицком мясокомбинате – расширение колбасного цеха, доведение его мощности до 500 тонн в год копченых и полукопченых изделий; в Сатке рассчитывали построить мясожировой цех мощностью 3 тонны в сутки [18, л. 131].

На основании задач восстановительного периода в 1946–1950 гг. планировалось значительное увеличение объемов капиталовложений, направляемых в отрасль. Так, по Челябинскому мясотреусту вложения составляли: в 1940 г. – 260 тыс. руб., в 1943 г. – 30 тыс. руб., в 1945 г. было запланировано освоить 250 тыс. руб., по проекту пятилетнего плана в 1946 г. – 2,5 млн руб., в 1947 г. – 11 млн руб., в 1948 г. – 16 млн руб., в 1949 г. – 1 млн руб. Итого за IV пятилетку капитальные вложения в отрасль должны были составить 30,5 млн руб. Впоследствии сумму снизили до 15 млн руб. [20, л. 115; 21, л. 30, 85].

При проектировании новых производств составлялся предварительный расчет по оборудованию, рабочей силе, обсуждалась целесообразность постройки. Иногда имело место открытие предприятия, не запроектированного планом развития на пятилетку. Так, в соответствии с приказом министра мясомолочной промышленности СССР П. Смирнова от 3 января 1950 г. Челябинский молочный комбинат обязывали организовать в Кыштымском молочный завод. Для нового предприятия составлялось штатное расписание административно-управленческого персонала в количестве 15 человек, оформлялась заявка на оборудование, включавшая теплосиловое, технологическое, холодильное, теплотехническое, электросиловое и трансформаторное, оборудование для канализации и водоснабжения, парового отопления, автотранспорт и пр. В данном случае до открытия завода основное сырье – молоко – собиралось в ближайших районах, отвозилось на переработку в Челябинск и возвращалось обратно в Кыштым

потребителям, это являлось нерентабельным. В окружных районах были оборудованы пастеризационные пункты [22, л. 176–177, 180, 182–183].

В первые послевоенные годы большинство мясокомбинатов не было оборудовано канализацией, производственные процессы были немеханизированными. На некоторых предприятиях отсутствовали механические подъемники, поэтому на убойных пунктах не производилось подвешивание туш забитого скота, вследствие чего кровь животных не использовалась для пищевых целей [20, л. 52–53].

Обеспеченность транспортом на мясомолочных предприятиях была ограниченной. На молочных заводах использовались трактора для вывоза молока в зимнее время. В сельской местности весь изучаемый период применялись лошади, которые перевозили молоко с сепараторных отделений на молочные заводы или подвозили его к железнодорожным станциям для дальнейшей отправки [22, л. 184, 187].

Партийные органы оказывали помощь предприятиям по подготовке внутризаводского транспорта к зиме. Так, на основании постановления бюро обкома ВКП(б) от 24 сентября 1948 г., подобной поддержкой в адрес Троицкого мясокомбината были ремонт подъездных путей со сменой шпал, заготовка снеговых щитов [23, л. 119].

Для решения транспортных трудностей практиковалась помощь городских предприятий в виде выделения автотранспорта молочным комбинатам для вывозки молока из глубинных районов [18, л. 28].

Проследить последующий рост мощностей, итоги модернизации мясомолочных предприятий не представляется возможным из-за отсутствия сведений в архивных фондах. Имеются данные, что к завершающему году четвертой пятилетки на областном партийном совещании от 29 мая 1950 г. отмечался недостаток мощностей холодильников, мясокомбинатов, слабое внедрение механизации, выполнение многих работ вручную, затягивание строительства новых объектов [24, л. 72–78]. При этом в целом по Советскому Союзу в процессе восстановления промышленности в послевоенные годы проводилась большая работа по техническому оснащению пищевых предприятий, в результате чего насыщенность их многими видами оборудования превзошла довоенный уровень. Если брать отдельно молочную отрасль, то, по мнению Л. В. Опацкого, А. С. Шатхана, Н. А. Петрова, в послевоенные годы технический прогресс здесь проходил особенно интенсивно, чему способствовали электрификация сельского хозяйства и концентрация производства [10, с. 139, 200].

С установлением мирной жизни на заседании бюро Челябинского областного комитета партии 29 июня 1945 г. были выданы указания по обеспечению сырьем предприятий, занимающихся производством мяса и молока: скотосырьевую базу

для Челябинского мясотреста и Троицкого мясокомбината должны были расширить за счет присоединения к ним районов Казахской ССР и Башкирской АССР [18, л. 131]; для заготовок молока к Челябинску и Копейску прикрепили 17 районов Челябинской и Курганской областей, для Златоуста – два района, для Магнитогорска – 5 районов [20, л. 124, 125]. Для расширения количества индивидуальных пользователей также был проведен ряд мер: продажа населению телят по закупочным ценам, выделение сенокосных угодий для заготовки кормов, организация пунктов по искусственному осеменению животных. Горкомы и райкомы ВКП(б), советские и хозяйственные организации должны были принять меры к сохранению и выращиванию поголовья скота в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах, а также способствовать увеличению поголовья скота в индивидуальном пользовании. Также был запрещен убой молодняка во всех хозяйствах области [18, л. 27,28].

Большую роль в подъеме мясной промышленности в послевоенные годы сыграло постановление февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б), содержавшего развернутую программу мероприятий по повышению продуктивности животноводства, ликвидации бескоровности среди колхозников, улучшению заготовок скота [10, с. 139]. Руководителям заготовительных организаций было поручено наладить массово-разъяснительную работу путем проведения бесед, рекламы через газету и радио среди индивидуальных владельцев коров о важности сдачи молока государству. За проданное государству молоко сдатчики сырья получали квитанции, по которым имели право покупки промышленных и продовольственных товаров в районных и сельских магазинах [25, л. 53].

В этот же период была реорганизована система заготовок молока в Челябинской области: молочному комбинату г. Челябинска было передано административное и техническое руководство всеми городскими молочными заводами и районными заготовительными конторами, сам комбинат был подчинен Народному комиссариату мясомолочной промышленности СССР [26, л. 18].

Проведение мероприятий по заготовке молока стало важной задачей, часто являлось предметом рассмотрения на заседаниях Челябинского областного комитета партии. Так, на заседании от 25 августа 1945 г. подчеркивалось, что государственные закупки молока проходят крайне неудовлетворительно: из плана 8 тыс. тонн приобретено молока 124 тонны, основной причиной было слабое проведение массово-разъяснительной работы среди населения, несвоевременный отпуск сбытовыми базами товаров, выделенных для стимулирования госзакупок молока. В некоторых районах товары не поступили в торговые точки. Для усиления государственных закупок молока в наиболее отстающие районы были посланы особые уполномочен-

ные обкома в количестве 10 человек. Райкомы ВКП(б) были обязаны оказывать практическую помощь работникам районных контор Главмолока и Маслопрома в выполнении ежедекадных заданий по госзакупке молока [25, л. 53, 54].

В последующие годы планы заготовок молока также часто не выполнялись, имелись факты неудовлетворительной работы приемных пунктов молока, выражавшиеся в необеспеченности сливной тарой, измерительными приборами, закрытии пунктов в рабочие часы. Часть принятого молока из-за несвоевременного вывоза подвергалась порче. Партийные органы должны были принимать меры к устранению недостатков [27, л. 122–124; 28, л. 383].

Нормы сдачи сырья устанавливались государством. Так, в соответствии с постановлением Челябинского облисполкома от 7 мая 1949 г., индивидуальные владельцы скота должны были сдавать государству в год молока от одной коровы – 450 л, мяса крупного рогатого скота от одной головы – 16 кг, овцы – 5 кг, свиньи – 30 кг. Каждое облагаемое хозяйство было прикреплено к определенному приемному пункту [29, л. 195].

Вопрос закупки сырья для изучаемой отрасли был настолько актуален, что в соответствии с постановлением бюро обкома ВКП(б) от 20 февраля 1946 г. созывалось областное совещание руководителей работников заготовительных организаций и мясомолочной промышленности, на котором должны были обсудить итоги работы по заготовке молока и мяса за 1945 г. и выработать мероприятия на 1946 г. Кроме партактива туда приглашались директора заводов, управляющие конторами [30, л. 92, 93].

Имелись случаи, когда из-за нехватки основного сырья мясокомбинаты оставались незагруженными. Например, в июне 1945 г. такая ситуация наблюдалась на Троицком мясокомбинате. Чтобы оборудование не простаивало, в соответствии с постановлением Челябинского бюро областного партийного комитета от 29 июня 1945 г., мясокомбинату было поручено ежегодно производить 2–3 млн условных банок овощных консервов (из капусты, свеклы, моркови) [18, л. 132].

После окончания войны ставилась задача удовлетворить потребности населения в товарах широкого потребления. Предприятия изучаемых отраслей также должны были способствовать этому, но работа в данном направлении была недостаточной. Так, на заседании бюро обкома ВКП(б) от 17 декабря 1945 г. отмечалось, что на предприятиях Челябинского мясотреста при наличии требуемого количества сырья (скопления рогов, копыт, шерстяной обрезки и другие отходы) и надлежащего оборудования товары ширпотреба производятся неудовлетворительно. Годовой план выполнен на 75,8 %, по выпуску пищевого ширпотреба еще меньше: белково-растительные котле-

ты – 4,5 %, костный бульон – 53,3 %. Качество изделий было низким, а себестоимость чрезвычайно высокой. На некоторых предприятиях цехи не появились (Копейский, Кыштымский мясокомбинаты), а там, где имелись, не были укомплектованы квалифицированными кадрами. Руководителей предприятий обязали повсеместно создать цехи, практиковать ученичество, обмен опытом. К 1 марта 1946 г. планировалось открыть киоски-закусочные в городах, в которых можно продавать изделия пищевого ширпотреба в горячем виде. Горкомы ВКП(б) ежеквартально обязаны были заслушивать директоров мясокомбинатов о ходе выпуска изделий пищевого и технического ширпотреба, оказывать им необходимую помощь. Кроме этого, звучала просьба в Наркоммясомолпром РСФСР дополнительно ввести в штат Челябинского мясокомбината должность технолога по изделиям ширпотреба [31, л. 22–24].

На этом же заседании бюро обкома партии мясокомбинатам было дано задание по выработке пищевого ширпотреба на 1946 г. – костный бульон, кровяные колбасы, напитки, мороженое, пирожки, пельмени; технического – пуговицы бельевые и фасонные, гребешки, расчески, мундштуки, вязальные крючки, рукавицы, шапки, тапочки меховые и кожаные, детские игрушки меховые, шерстобитные струны [31, л. 25, 26]. Кроме того, мясокомбинатам Челябинска, Копейска и Троицка предложили вырабатывать хозяйственное мыло из отходов производства и реализовывать его на культурно-бытовые нужды городов [32, л. 124; 33, л. 147].

Несмотря на данные поручения, большинство предприятий не выполняли план. Так, Копейский мясокомбинат в третьем квартале 1946 г. планировал выпуск изделий ширпотреба на 5,8 тыс. руб., а выработал на 2,2 тыс. руб. [33, л. 144]. Работа по выполнению плана производства в 4 квартале 1946 г. Троицким мясокомбинатом показана в представленной ниже таблице.

Таблица
Выпуск товаров широкого потребления Троицким
мясокомбинатом в 4 квартале 1946 г.

Table
Production of consumer goods by Troitsk Meat-Processing
Plant in the fourth quarter of 1946

Ассортимент	План	Выполнение	%
Пуговицы жесткие, тыс. шт.	200	—	—
Пуговицы костяные, тыс. шт.	200	84	42
Телогрейки, шт.	20	—	—
Обувь меховая, пар	30	—	—
Обувь разная	50	—	—
Рукавицы, пар	300	250	83,3
Ученические ручки, тыс. шт.	30	—	—
Гребни-расчески	0,2	—	—
Вязальные крючки, тыс. шт.	0,3	—	—

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что по большинству изделий план абсолютно не выполнен, некоторые товары выработаны частично. Объясняя причины сложившейся ситуации, председатель Троицкого горплана отмечал, что цех ширпотреба на мясокомбинате был оборудован несвоевременно, отсутствовал специалист по фасонным пуговицам, наблюдался дефицит сырья [33, л. 113].

Основными выпускаемыми изделиями изучаемых отраслей были мясо и колбасные изделия в мясной индустрии, молоко и сметана – в молочной. В IV пятилетку объемы выпуска должны были постепенно увеличиваться. Так, в 1940 г. выпуск мяса составил 17,5 тыс. тонн, колбасы – 3,5 тыс. тонн; в 1944 г. мяса произвели 8,5 тыс. тонн, колбасы – 2,8 тыс. тонн [18, л. 125]. В 1950 г. предполагалось выпустить валовой продукции на 48 млн руб.; мяса животного – 12,5 тыс. тонн, масла животного – 200 тонн [21, л. 30, 85]. Но сведения архивохранилищ подтверждают тот факт, что часто предприятиям не удавалось выполнить план производства по номенклатуре и объемам продукции [27, л. 122–124; 34, л. 125; 26, л. 19; 36, л. 101]. Между тем, в этот период в целом по СССР ассортимент мясопродуктов и колбасных изделий расширился и достиг довоенного уровня, в больших количествах начали вырабатываться спецфабрикаты и медицинские препараты [10, с. 139, 430].

Вопросы качества вырабатываемых изделий также затрагивались на заседаниях Челябинского бюро обкома ВКП(б). Были случаи выпуска в торговую сеть недоброкачественной колбасы Троицким мясокомбинатом в июле 1949 г. [34, л. 99, 100]. По выпуску товаров широкого потребления качество всегда оставалось низким. Причинами являлись недостаточная квалификация рабочих, нарушение технологии выработки и слабое руководство предприятиями [33, л. 149]. По предприятиям Советского Союза в этот период отмечалось улучшение качества важнейших видов молочной и мясной продукции [10, с. 193].

Выполнение плана, контролирование качества продукции – все это было бы невозможным без трудящихся. Узнать совокупный состав работников предприятий мясной и молочной отрасли невозможно по причине недостатка сведений в материалах архива.

Имеются данные лишь по отдельным производствам, например, на Челябинском молокозаводе в 1949 г. числилось 1221 человек, в т. ч. женщин 806 [37, л. 5].

На большинстве предприятий отмечалась частая сменяемость руководящих работников. На промышленных объектах мясокомбината должности заведующих, начальников цехов и мастеров занимали работники с низкой квалификацией, не

имевшие общего среднего образования, из-за этого не соблюдалась технология, качество производимой продукции было низким [37, л. 52, 54].

Сотрудники промышленных объектов изучаемых отраслей принимали участие в социалистическом соревновании. У отдельных мясомолочных предприятий получалось реализовывать месячный план по выпуску продукции с превышением. Областные партийные и исполнительные комитеты награждали подобные заводы и комбинаты передающимися Красными знаменами. Например, в январе 1948 г. такими предприятиями значились Миасский мясокомбинат (исполнение задания на 128,5 %) и Челябинский холодильник (120 %); в июне 1949 г. – Троицкий мясокомбинат (229 %) [38, л. 107; 39, л. 48]. Обозначались и отстающие предприятия, например, в марте 1950 г. таковыми были Челябинский мясотрест, Троицкий мясоконсервный комбинат, Челябинский молококомбинат [40, л. 15, 19].

Кроме того, в делах архива присутствуют материалы, подчеркивающие неправомерное использование служебного положения, крупные хищения продукции. Так, прокурорской проверкой в сентябре 1949 г. было выявлено, что директор Троицкого мясокомбината ежемесячно берет из холодильника 30–40 кг мяса и субпродуктов, 20–30 кг колбасных изделий и 0,5 л спирта. Здесь же вскрыта недостача мяса за 1948 г. в количестве 98,4 тонны; в июле 1949 г. обнаружилась нехватка говядины в размере 58,5 тонны и баранины – 2,9 тонны. Кроме этого, зафиксированы кражи продукции кладовщиком и товароведом, хищение кассиром денег из кассы. Случаи воровства и недостачи были отмечены также на мясокомбинатах Златоуста и Челябинска, в приемных пунктах молока. Наказанием являлось снятие с должности, исправительно-трудовые работы и заключение в колонию [27, л. 122–124; 34, л. 121–124; 39, л. 52].

Выводы

За период 1946–1950 гг. мясомолочная индустрия расширила свою структуру и потенциал благодаря сооружению современных промышленных объектов, обновлению действующих предприятий. Но из-за уменьшения сумм капиталовложений в промышленность группы «Б» в изучаемых отраслях ощущался недостаток мощностей, слабое внедрение механизации, затягивание строительства новых объектов. Производства испытывали острую потребность в высококвалифицированных технических специалистах. Перечень выпускаемых изделий был по-прежнему ограниченным, качество изделий было низким. Это было связано с нехваткой сырья, неэффективной производственной организацией, низкими профессиональными качествами трудящихся. Недостаток транспорта на промышленных объектах вызывал перебои в доставке сырьевых ресурсов. Таким образом,

мясомолочная индустрия не смогла полностью выполнить задание IV пятилетнего плана, потребности жителей Челябинской области в качественных, разноплановых мясных и молочных продуктах обеспечивались не в полной мере.

Изучение архивных материалов позволяет сделать вывод, что в период с 1946 по 1950 г. мясоперерабатывающая и молочная промышленность Челябинской области продолжала существовать в рамках мобилизационной экономики, большая часть капиталовложений и внимание руководства страны было направлено на предприятия группы «А», промышленные объекты группы «Б» по-прежнему имели второстепенное значение. Это было обусловлено напряженной ситуацией в мире и внутригосударственными обстоятельствами, влияющими на развитие Советского Союза.

Литература

1. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <https://barleymalt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyy-razvytyja-pyschevoj-y-pererabatyvajuschej-promyshlennostyrf.pdf?ysclid=lj6h34t9p9107983029> (дата обращения: 25.05.2025)
2. Зотов, В. Послевоенные перспективы пищевой промышленности / В. Зотов // Плановое хозяйство. – 1945. – № 5. – С. 15–24.
3. История народного хозяйства СССР (1917–1959 гг.): учебное пособие для экономических вузов / под ред. проф. А. П. Погребинского. – М.: Высшая школа, 1960. – 260 с.
4. История народного хозяйства СССР: курс лекций. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 663 с.
5. Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов 1917–1965 гг.: в 2 кн. Кн. 1. 1917–1950. / гл. ред. С. Г. Струмилин. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 440 с.
6. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960. Т. 4. – М.: Наука. 1987. – 520 с.
7. Развитие пищевой промышленности и экономика общественного труда в СССР. – М.: Изд-во экономической литературы, 1962. – 195 с.
8. Пищевая промышленность СССР за 60 лет Советской власти. – М., 1978. – 81 с.
9. Филатов, К. Е. Основные этапы развития пищевой промышленности в СССР / К. Е. Филатов; под ред. А. С. Шатхана. – М., 1965. – 200 с.
10. Пищевая промышленность СССР / предисл. А. И. Микояна; гл. ред. В. П. Зотов. – М.: Пищевая промышленность, 1967. – 535 с.
11. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
12. Боффа, Дж. История Советского Союза. Т. 2 / Дж. Боффа; пер. с итал. – М., 1994. – 627 с.

13. Хоскинг, Дж. История Советского Союза, 1917–1991: [Пер. с англ.] / Джеффри Хоскинг. – М. : Вагриус, 1994. – 510 с.
14. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори ; пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. – 2-е изд. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 400 с.
15. Санчес-Сибони, О. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева / О. Санчес-Сибони ; пер. с англ. К. Фомина. – СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. – 407 с.
16. Евдокимов, П. В. Предприятия пищевой промышленности Пскова в первые послевоенные годы (1945–начало 1950-х гг.) / П. В. Евдокимов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatiya-pishevoy-promyshlennosti-pskova-v-pervye-poslevoennye-gody-1945-nachalo-1950-h-gg/viewer> (дата обращения: 25.05.2025).
17. Пыков, А. М. Пищевая промышленность Мордовской АССР в послевоенный период (1946–1950 годы) / А. М. Пыков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pishevaya-promyshlennost-mordovskoy-assr-v-poslevoennyu-period-1946-1950-gody/viewer> (дата обращения: 25.05.2025).
18. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 51.
19. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. : сборник документов за 50 лет. Т. 3. 1941 – 1952 гг. ; сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М. : Политиздат, 1968. – С. 246–319.
20. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 8. – Д. 193.
21. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 80.
22. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 20. – Д. 25.
23. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 12. – Д. 98.
24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 14. – Д. 57.
25. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 62.
26. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 57.
27. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 98.
28. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 116.
29. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 20. – Д. 23.
30. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 22.
31. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 94.
32. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 117.
33. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 8. – Д. 216.
34. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 93.
35. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 14. – Д. 39.
36. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 17. – Д. 95.
37. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 13. – Д. 34.
38. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 12. – Д. 35.
39. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 16. – Д. 117.
40. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 81.

Рудометова Ирина Владимировна – доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: rudometovai@susu.ru. ORCID 0000-0002-0900-5620

Поступила в редакцию 24 декабря 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh250303

MEAT-PROCESSING AND DAIRY INDUSTRY OF THE CHELYABINSK REGION IN 1946–1950

I. V. Rudometova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper frames an economic development model used for the functioning of the meat-processing and dairy industries of the Chelyabinsk region in 1946–1950. The study of archival materials allows concluding that during the period of 1946–1950, the meat-processing and dairy industries of the Chelyabinsk region were still functioning within the framework of mobilization economy. Most capital investments and the attention of the country's leadership were focused on group A enterprises, while group B industrial facilities remained secondary because of the stringent global situation and internal circumstances affecting the development of the Soviet Union.

During this period, the meat and dairy industry expanded its structure and potential. Production facilities badly needed highly qualified technical personnel. The list of manufactured products was still limited and of poor quality because of the lack of raw materials, insufficient production organization, and poor competencies of workers. The lack of transport at industrial facilities delayed the delivery of raw materials. Thus, the meat and dairy industries were unable to fully complete the IV five-year plan, and the needs of the residents of the Chelyabinsk region for high-quality and diverse meat and dairy products were not fully met.

Keywords: meat-processing industry, dairy industry, Chelyabinsk region, sausage products, dairy products, economic recovery.

References

1. Strategiya razvitiya pishchevoy i pererabatyvayushchey promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Strategy for the Development of the Food and Processing Industry of the Russian Federation for the Period up to 2030]. URL: <https://barley-malt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyy-razvytyja-pyschevoj-y-pererabatyvayuschej-promyshlennosty-rf.pdf?ysclid=lj6h34t9p9107983029> (date of accessed: 25.09.2024).
2. Zotov V. Poslevoennye perspektivy pishchevoy promyshlennosti [Post-War Prospects of the Food Industry] // *Planovoe khozyaystvo*. 1945. № 5. P. 15–24.
3. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR. (1917–1959 gg.) [History of the National Economy of the USSR. (1917–1959)]: uchebnoe posobie dlya ekonomicheskikh vuzov; pod red. prof. A.P. Pogrebinskogo. Moscow: Graduate School, 1960. 260 p.
4. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR: kurs lektsiy [History of the National Economy of the USSR]. Moscow: Publishing house of social and economic literature, 1960. 663 p.
5. Ekonomicheskaya zhizn' SSSR: Khronika sobytii i faktov 1917–1965 gg. [Economic Life of the USSR: Chronicle of Events and Facts]: v 2 kn.; gl. red. S.G. Strumilin. Kn. 1. 1917–1950. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1967. 440 p.
6. Rabochiy klass SSSR v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva. 1945–1960 [The Working Class of the USSR in the Years of Consolidation and Development of Socialist Society]. T. 4. Moscow: Science, 1987. 520 p.
7. Razvitiye pishchevoy promyshlennosti i ekonomiya obshchestvennogo truda v SSSR [The Development of the Food Industry and the Economy of Social Labor in the USSR]. Moscow: Publishing house of economic literature, 1962. 195 p.
8. Pishchevaya promyshlennost' SSSR za 60 let Sovetskoy vlasti [Food Industry of the USSR for 60 Years of Soviet Power]. Moscow, 1978. 81 p.
9. Filatov K.E. Osnovnye etapy razvitiya pishchevoy promyshlennosti v SSSR [The Main Stages of the Development of the Food Industry in the USSR]; pod red. A.S. Shatkhan. Moscow, 1965. 200 p.
10. Pishchevaya promyshlennost' SSSR [Food Industry of the USSR] / predisl. A.I. Mikoyana; gl. red. V.P. Zotov. Moscow: Pishchevaya promyshlennost', 1967. 535 p.
11. Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet State. 1900–1991]; per. s fr. Moscow: Progress: Progress-Akademiya, 1992. 480 p.
12. Boffa Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza [The History of the Soviet Union]. T. 2 / per. s ital. Moscow, 1994. 627 p.
13. Khosking Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza, 1917–1991 [The History of the Soviet Union]; per. s angl. Moscow: Vagrius, 1994. 510 p.
14. Gregori P. Politicheskaya ekonomiya stalinizma [The Political Economy of Stalinism]; per. s angl. I. Kuznetsova, A. Markevicha. 2-e izd. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 400 p.
15. Sanches-Siboni O. Krasnaya globalizatsiya. Politicheskaya ekonomiya kholodnoy voyny ot Stalina do Khrushcheva [Red Globalization: The Political Economy of the Cold War from Stalin to Khrushchev]; per. s angl. K. Fomina. Saint Petersburg: Academic Studies Press/Bibliorossika, 2022. 407 p.
16. Evdokimov P.V. Predpriyatiya pishchevoy promyshlennosti Pskova v pervye poslevoennye gody (1945 – nachalo 1950-kh gg.) [Pskov Food Industry Enterprises in the First Post-War Years (1945 – early 1950s)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatiya-pishevoy-promyshlennosti-pskova-v-pervye-poslevoennye-gody-1945-nachalo-1950-h-gg/viewer> (date of accessed: 25.09.2024).
17. Pykov A.M. Pishchevaya promyshlennost' Mordovskoy ASSR v poslevoenny period (1946–1950 gody) [Food Industry of the Mordovian ASSR in the Post-War Period (1946–1950)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pishevaya-promyshlennost-mordovskoy-assr-v-poslevoenny-period-1946-1950-gody/viewer> (date of accessed: 25.09.2024).
18. Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-288. Op. 9. D. 51.
19. Zakon o pjatiletnem plane vosstanovleniya i razvitiya narodnogo hozjajstva SSSR na 1946–1950 gg. [Law on the Five-Year Plan for the Restoration and Development of the National Economy of the USSR for 1946–1950] // Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 5 t.: sbornik dokumentov za 50 let. T. 3. 1941–1952 gg.; sost. K.U. Chernenko, M.S. Smirnyukov. Moscow: Politizdat, 1968. P. 246–319.
20. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 8. D. 193.
21. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 80.

22. OGACHO [USACR]. F. R-274. Op. 20. D. 25.
23. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 12. D. 98.
24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 14. D. 57.
25. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 9. D. 62.
26. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 9. D. 57.
27. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 98.
28. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 116.
29. OGACHO [USACR]. F. R-274. Op. 20. D. 23.
30. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 22.
31. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 9. D. 94.
32. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 117.
33. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 8. D. 216.
34. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 93.
35. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 14. D. 39.
36. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 17. D. 95.
37. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 13. D. 34.
38. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 12. D. 35.
39. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 16. D. 117.
40. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 81.

Irina V. Rudometova – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University, (Chelyabinsk), e-mail: rudometovaiv@susu.ru

Received December 24, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Рудометова, И. В. Мясоперерабатывающая и молочная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг. / И. В. Рудометова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 23–31. DOI: 10.14529/ssh250303

FOR CITATION

Rudometova I. V. Meat-processing and dairy industry of the Chelyabinsk region in 1946–1950. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 23–31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250303

МЕДИАСАММИТЫ БРИКС: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

И. В. Сибиряков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются различные сюжеты, связанные с историей подготовки и проведения медиасаммитов БРИКС. Особое внимание обращено на те изменения состава участников этих мероприятий, которые произошли за время их проведения с 2015 по 2024 гг., на тот круг вопросов, который рассматривался на саммитах, на оценки этих форумов со стороны государственных чиновников и представителей политической элиты различных стран. Семантический анализ текста ряда итоговых деклараций медиасаммитов БРИКС, проведенный автором статьи, позволил ему сделать ряд выводов о проблемах формирования нового информационного пространства в рамках БРИКС, часть из которых связана с отсутствием одного общепризнанного языка общения в рамках объединения, а часть – с существованием различных подходов внутри БРИКС по вопросам информационной политики как отдельных государств, так и всего объединения в целом. Обращено внимание на декларативный характер многих итоговых документов медиасаммитов, что доказывает необходимость совершенствования механизмов подготовки и проведения таких международных форумов. Особо отмечена роль Китая в подготовке и проведении медиасаммитов БРИКС, а также значение медиасаммита БРИКС 2024 г., который прошел в Москве.

Ключевые слова: БРИКС, медиапространство, медиасаммит, новое информационное пространство.

Введение

В последние годы феномен БРИКС вызывает большой интерес не только у политологов, экономистов или специалистов в области международных отношений, но и в среде профессиональных социологов, культурологов и даже историков [1, с. 8–10]. Стремление понять механизмы создания и развития этого межгосударственного объединения во многом связано с его растущей ролью в экономической, политической, культурной истории XXI века, с теми серьезными изменениями в практике международных отношений, к которым привело (и еще может привести) дальнейшее расширение рядов этой организации, с формированием новой конфигурации современного информационного пространства.

Обзор литературы

В зону внимания отечественных исследователей феномена БРИКС в первую очередь попали экономические аспекты деятельности этой организации [2, 3], история создания ее основных структур [4, 5], основополагающие декларации саммитов [6]. Сюжеты, связанные с ролью БРИКС в формировании нового медиапространства, в научной литературе на данный момент практически не исследованы. Практика подготовки и проведения медиасаммитов БРИКС описана лишь на уровне новостных / информационных сообщений.

Методы исследования

Наряду с общенаучными методами исследования, которые традиционно используются в гуманитарных дисциплинах (дедукция, индукция и т. д.), в рамках данной статьи активно применял-

ся дискурс-анализ, семантический анализ и институциональный анализ.

Результаты и дискуссия

Медиасаммиты БРИКС пока имеют непродолжительную историю. Они проводятся 10 лет, начиная с 2015 г. Показательно, что с инициативой по созданию такой необычной платформы для диалога между ведущими средствами массовой информации государств объединения выступило китайское информационное агентство Xinhua. Среди организаторов первого форума были: агентство МИА «Россия сегодня», бразильская медиакорпорация EBC, индийская медиагруппа The Hindu Group и южноафриканская медиагруппа Independent Media. Важно обратить внимание на особенности той ситуации, которая сложилась в мировом информационном пространстве к моменту появления этой инициативы. События 2014 г. вокруг полуострова Крым вызвали очень резкий рост политической напряженности в разных уголках земного шара. В международном информационном пространстве развернулась настоящая информационная война, в которую в разной степени, но оказались втянуты многие участники БРИКС. Эта война показала серьезные проблемы с распространением информации о самом межгосударственном объединении и внутри него. Необходимость поиска путей решения этих проблем, на наш взгляд, во многом и подтолкнула руководителей СМИ, представителей политической и культурной элиты стран БРИКС к активизации своих усилий по формированию нового информационного пространства. Важным шагом в этом направлении призваны были стать медиасаммиты БРИКС.

Первый медиасаммит БРИКС состоялся в декабре 2015 г. в Пекине. В нём приняли участие руководители 25 информационных агентств, печатной прессы, радио и телевидения, интернет-СМИ. Россию на первом медиасаммите БРИКС представляли генеральный директор МИА «Россия сегодня», генеральный директор телеканала RT А. Николов и заместитель генерального директора ВГТРК И. Филина.

На открытии саммита выступили член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань и заместитель министра иностранных дел Китая Чжан Есуй, что свидетельствовало об особом внимании политического руководства Китая к этому мероприятию. Генеральный директор китайского информационного агентства Синьхуа Цай Минчжао призвал СМИ стран БРИКС, в которых живет свыше 40 % населения планеты, к дальнейшей активизации обменов и сотрудничества. Девизом форума стали слова «Инновации, развитие, сотрудничество, взаимодоверие». Участники обсуждали роль СМИ в развитии отношений между странами БРИКС, углубление сотрудничества в медиасфере, взаимодополняемость и создание баланса в мировом информационном пространстве, где доминируют западные информационные структуры [7]. По итогам встречи была принята декларация, закрепившая намерения по продвижению взаимодействия между СМИ объединения. В ней, в частности, было сказано, что СМИ «играют незаменимо важную стимулирующую роль в углублении сотрудничества между странами». Участники саммита подтвердили, что с помощью объективного, справедливого, всестороннего и своевременного освещения новостных событий они будут укреплять дружбу и взаимопонимание между народами стран БРИКС и развивать взаимовыгодное сотрудничество в экономической, социальной и других сферах. В декларации было подчеркнуто особо: «Мы будем усиливать многостороннюю и двустороннюю координацию в работе над репортажами для общего изложения настоящей истории о сотрудничестве стран БРИКС» [8]. Семантический анализ текста декларации, проведенный с помощью программы ADVEGO, показал, что семантическое ядро текста декларации возглавили следующие слова: «страна» (18 упоминаний), «БРИКС» (17 упоминаний), «страны БРИКС» (16 упоминаний). Но особенно важно подчеркнуть, что среди наиболее часто упоминавшихся в декларации слов можно встретить слова «развитие» (12 упоминаний), «сотрудничество» (10 упоминаний), «газета» (5 упоминаний). А вот слово «интернет» встретилось в тексте декларации только 1 раз. Очевидно, что технологические аспекты сотрудничества в деле формирования нового медиапространства не были в центре внимания участников медиасаммита. При этом участники форума договорились развивать практическое со-

трудничество, которое включало бы в себя проведение совместных интервью, публикацию пресс-релизов, а также профессиональные обмены.

Второй медиасаммит стран БРИКС состоялся в июне 2017 г. также в Пекине. Он был организован в рамках председательства КНР в БРИКС [9]. В дальнейшем такая практика стала традиционной. Во втором медиасаммите БРИКС участвовали представители 27 информагентств, телеканалов, газет и интернет-изданий. Тема встречи была сформулирована следующим образом: «Углубление сотрудничества между СМИ стран БРИКС и содействие формированию справедливого и рационального международного общественного мнения». Обращает на себя внимание активное использование в рамках медиасаммитов БРИКС различных версий понятия «справедливый». Это же понятие было одним из ключевых во многих декларациях саммитов БРИКС, начиная с 2009 г. В центре внимания участников медиасаммита в Пекине оказались две темы: «Мультимедийные инновации для развития СМИ и обязанности и социальная ответственность медиа-организаций» [10]. На форуме был принят План действий по укреплению сотрудничества стран БРИКС в сфере СМИ, определивший основные направления взаимодействия средств массовой информации стран объединения. План предусматривал «совместные интервью, совместные пресс-релизы по основным вопросам, координацию в определении тем и расширении сотрудничества в области освещения новостей, профессиональной подготовки, развития талантов и аналитических центров, а также обмен газетными страницами, телевизионными каналами и временем выхода в эфир» [10]. Особо в плане отмечалась необходимость «совместного развития цифровых медиа», предоставления «финансовых информационных услуг», укрепления связей между людьми. Семантический анализ текста плана, также проведенный с помощью программы ADVEGO, показал, что семантическое ядро текста декларации возглавили следующие слова: «БРИКС» (34 упоминания), «страна» (20 упоминаний), «страны БРИКС» (16 упоминаний). Среди других слов, вошедших в семантическое ядро текста, можно отметить слово «сотрудничество» (13 упоминаний), слово «медиа-организация» (12 упоминаний), слово «международный» (10 упоминаний).

В июле 2018 г. медиасаммит стран БРИКС был проведен в Кейптауне (ЮАР). В нем участвовали уже представители 48 СМИ: пяти стран БРИКС и нескольких приглашенных африканских государств. Этот саммит показал, что «африканское» направление сотрудничества стран БРИКС становится одним из важнейших.

В октябре 2019 г. саммит СМИ стран БРИКС состоялся в Сан-Паулу (Бразилия) с участием представителей 55 средств массовой информации. В уточненном плане действий на 2019–2020 гг.,

который был принят на медиасаммите, в частности, говорилось: «Медиа стран БРИКС должны придерживаться концепции всеобъемлющего, объективного и справедливого освещения событий, в полной мере демонстрировать достижения и перспективы развития БРИКС, объективно сообщать о достижениях БРИКС в сферах экономики, торговли, науки и техники, благосостояния народов и охраны окружающей среды, продолжать укреплять сотрудничество для поддержания баланса мирового общественного мнения» [11].

В 2020 и 2021 гг. в связи с пандемией COVID-19 саммиты СМИ не проводились.

В июле 2022 г. медиафорум высокого уровня стран БРИКС уже в третий раз принимал Пекин. Встреча была организована в смешанном формате (в онлайн- и офлайн-режимах). К участию в нем были приглашены представители свыше 170 информагентств и других СМИ из 73 стран. Темой форума было заявлено: «Формирование консенсуса БРИКС, продвижение глобального развития». Перед участниками форума выступил член Политбюро ЦК КПК, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмин. Он подчеркнул, «что перед лицом ответственности и миссии, возложенных эпохой, и общих чаяний народов всех стран, СМИ стран БРИКС должны выступать за развитие и фокусироваться на сотрудничестве в области глобального развития, а также совместно работать над формированием солидарных, равноправных, сбалансированных и общепользовательских отношений в области глобального развития» [12].

Шестая встреча руководителей СМИ БРИКС прошла в августе 2023 г. в Йоханнесбурге (ЮАР). На ней присутствовали представители порядка 100 различных СМИ, аналитических центров и международных организаций из почти 30 стран. Дискуссии были посвящены теме: «БРИКС и Африка: укрепление диалога между СМИ ради общего и справедливого будущего». СМИ стран БРИКС несут большую ответственность в эту эпоху и имеют широкие возможности для сотрудничества, как заявил на церемонии открытия форума ФуХуа, исполнительный председатель Медиафорума БРИКС, являвшийся одновременно президентом информационного агентства Xinhua News Agency. Он предложил «также продвигать общие ценности человечества, совместно содействовать построению более справедливого и равноправного международного порядка, более подробно освещать историю БРИКС в новую эпоху, а также совместно содействовать культурным обменам и взаимному обучению между странами. На открытии форума выступил Дакота Легоете, член Национального исполнительного комитета Африканского национального конгресса. «С момента своего создания в 2015 году, Медиафорум БРИКС стал важной платформой для выражения мнения стран БРИКС», – заявил он. Генеральный директор

ТАСС А. Кондрашов в своем выступлении подчеркнул, что за последнее десятилетие форум стал отличительной и знаковой площадкой для обсуждения вопросов сотрудничества в медийной сфере между государствами – членами БРИКС, и призвал СМИ объединения сотрудничать для противодействия дезинформации и для защиты интересов развивающихся стран [13].

Седьмая встреча руководителей СМИ БРИКС прошла в сентябре 2024 г. в Москве. В Медиасаммите приняли участие руководители и представители более 45 ведущих СМИ стран БРИКС и стран, подавших заявки на вступление в объединение [14]. В общей сложности в работе форума участвовало более 150 человек. Уменьшение числа представленных на форуме СМИ свидетельствовало о серьезных проблемах, с которыми столкнулась Россия в новом информационном пространстве в последние годы. О том же говорили и некоторые из его участников, представлявших Российскую Федерацию. В ходе форума состоялись дискуссии на темы: «Роль медиасообщества БРИКС в укреплении стабильности и сотрудничества в многополярном мире» и «Медиа БРИКС: технологическая трансформация на пути к новому миру». В центре дискуссии оказались проблемы использования технологий искусственного интеллекта в современной журналистике.

В итоговой декларации форума была отмечено: «...Участники из стран БРИКС посредством своих информационных ресурсов будут содействовать построению справедливого и равноправного многополярного мироустройства на основе норм международного права и принципов равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и неделимой безопасности <...> Участники из стран БРИКС, осознавая роль СМИ в поддержании и укреплении международного диалога, будут способствовать всестороннему освещению на своих ресурсах взаимодействия в рамках механизмов БРИКС и БРИКС+, включая политическое, экономическое, и гуманитарное направления». Участники форума из стран БРИКС подтвердили свою приверженность «принципам объективной журналистики, основанной на фактах, и выразили готовность координировать усилия по борьбе с дезинформацией». Особо была подчеркнута необходимость соблюдения прав журналистов и обеспечения их безопасности, в том числе в ходе освещения военных конфликтов.

В декларации было сказано о важности для СМИ идти в ногу со временем и внедрять передовые технологии, при этом отмечалось, что использование искусственного интеллекта в медиа требует выработки соответствующих стандартов и этических норм. Участники форума заявили, что будут поддерживать профессиональный диалог по теме искусственного интеллекта. Участники из стран БРИКС отметили незаменимую роль, которую иг-

рают для сотрудничества СМИ профессиональные объединения, и выразили намерение продолжить совместную работу в рамках мировых и региональных альянсов [15].

Семантический анализ текста декларации, проведенный с помощью программы ADVEGO, показал, что семантическое ядро текста декларации возглавили следующие слова: «БРИКС» (12 упоминаний), «страны БРИКС» (8 упоминаний), «страна» (8 упоминаний). Слово «сотрудничество» упоминалось в тексте декларации только 2 раза, а слово «развитие» даже не вошло в семантическое ядро. При этом в семантическом ядре текста декларации появилось словосочетание «искусственный интеллект» (2 упоминания).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ истории организации медиасаммитов БРИКС позволяет констатировать несколько, на наш взгляд, значимых позиций. Во-первых, инициатива Китая по более активной координации работы средств массовой информации стран БРИКС оказалась своевременной и востребованной большинством стран, участвующих в деятельности объединения. Рост числа государств, представители которых приезжают на медиасаммиты БРИКС, свидетельствует о наличии устойчивого интереса среди руководителей многих стран к процессам, происходящим в международном информационном пространстве. Тот факт, что 3 из 7 медиасаммитов БРИКС были проведены в Пекине, активное участие в работе саммитов представителей высшего руководства Коммунистической партии Китая говорят о стремлении руководства Китая контролировать многие процессы, происходящие в современном информационном пространстве. Во-вторых, итоговые заявления медиасаммитов часто носят декларативный характер. В них отсутствует анализ результатов выполнения прежних решений и рекомендаций медиасаммитов. Складывается впечатление, что каждая из стран, входящих в состав объединения, реализует собственные подходы к освещению тех или иных процессов, происходящих на международной арене и внутри отдельных стран. Руководители СМИ, представленных на медиасаммитах, чиновники, отвечающие за информационную политику в тех или иных государствах БРИКС, в рамках саммитов формулируют самые общие, порой достаточно абстрактные подходы к оценке тех явлений, которые имеют место в современном медиапространстве, избегая «болезненных» политических и социальных тем. В-третьих, процесс формирования медиапространства БРИКС оказался более сложным, чем ожидали многие его инициаторы и первые активные участники. Пока остается неясным алгоритм решения лингвистических и культурологических проблем, которые

проявились в процессе построения медиапространства БРИКС. Однако практика работы последних медиасаммитов БРИКС показывает, что работа по поиску способов решения этих проблем продолжается.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Литература

1. Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность / под ред. Е. И. Пивовара. – СПб. : Алетей, 2024. – 480 с.
2. Мантусов, В. Б. Место и роль БРИКС в мировой экономике в условиях финансово-экономического кризиса / В. Б. Мантусов. – М. : Восток-Запад, 2013. – 149 с.
3. Авдокушин, Е. Ф. Страны БРИКС в современной мировой экономике / Е. Ф. Авдокушин, М. В. Жариков. – М. : Магистр Инфра-М, 2024. – 480 с.
4. Явнова, И. И. БРИКС: история создания / И. И. Явнова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 9. – С. 71–74.
5. Бабаев, К. В. И вширь, и вглубь. Пути укрепления институциональной основы БРИКС / К. В. Бабаев, С. В. Лавров // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 69–81.
6. Михайлина, Т. И. Дискурсивные особенности деклараций саммитов БРИКС / Т. И. Михайлина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 2-2. – С. 181–185.
7. Васильева, А. В. Китае состоялся первый медиасаммит стран БРИКС / А. Васильева // Российская газета. – 2015. – 3 декабря.
8. Пекинская декларация по итогам Медиасаммита стран БРИКС. – URL: http://russian.news.cn/2015-12/01/c_134874343.htm (дата обращения: 12.05.2025).
9. Что известно о Медиасаммите БРИКС. – URL: <https://tass.ru/info/21855243> (дата обращения: 12.05.2025).
10. Action Plan of Promoting BRICS Media Cooperation. – URL: http://www.scio.gov.cn/news_0/202209/t20220921_426137.html (дата обращения: 12.05.2025).
11. Медиафорум стран БРИКС принял План действий на 2019-2020 гг. – URL: http://russian.news.cn/2019-11/01/c_138521337.htm (дата обращения: 12.05.2025).
12. 5-й Медиафорум высокого уровня стран БРИКС призвал СМИ фокусироваться на сотрудничестве по глобальному развитию. – URL: <http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2022/0709/c31521-10121012.html> (дата обращения: 12.05.2025).
13. Шестой Медиафорум БРИКС: укрепление

диалога между СМИ во имя общего справедливого будущего. – URL: <https://npsod.ru/world/shestoj-mediaforum-briks-ureplenie-dialoga-mezhdu-smi-vo-imya-obshhego-spravedlivogo-budushhego.html> (дата обращения: 12.05.2025).

14. Медиасаммит БРИКС объединил представителей СМИ из 45 стран в российской столице. –

URL: <https://tvbriks.com/news/mediasammit-briks-obedinil-predstaviteley-smi-iz-45-stran-v-rossiyskoy-stolitse/> (дата обращения: 12.05.2025).

15. Итоговая декларация Медиа Саммита БРИКС. – URL: <https://iabrics.org/tpost/aiiprcbzl-itogovaya-deklaratsiya-media-sammita-bri> (дата обращения: 12.05.2025).

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: sibiriakoviv@susu.ru. ORCID 0000-0003-0984-4333

Поступила в редакцию 28 мая 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250304

BRICS MEDIA SUMMITS: THE HISTORY OF SHAPING A NEW INFORMATION SPACE

I. V. Sibiryakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article discusses various scenarios related to the history of preparing for and holding the BRICS media summits. The focus is made on the changes in the composition of participants in these events held from 2015 to 2024, the range of considered issues, as well as the assessments of these forums by government officials and representatives of the political elite of various countries. The author's semantic analysis of the texts of several final declarations of the BRICS media summits allowed concluding on the problems of shaping a new information space within the BRICS related, inter alia, to the lack of a universally recognized language of communication within the association, as well as different approaches within the BRICS on the issues of information policy of both individual states and the whole association. The focus is made on the declarative nature of many final documents of media summits, which proves the need to improve the mechanisms for preparing for and holding such international forums. The article highlights the special role of China in preparing for and holding the BRICS media summits, as well as the importance of the BRICS Media Summit 2024 held in Moscow.

Keywords: BRICS, media space, media summit, new information space.

References

1. Mezhsudarstvennoe ob"edinenie BRIKS. Stranitsy istorii i sovremennost' [The BRICS Interstate Association. Pages of History and Modernity]; pod red. E.I. Pivovara. Saint Petersburg: Aletejja, 2024. 480 p.
2. Mantusov V.B. Mesto i rol' BRIKS v mirovoy ekonomike v usloviyakh finansovo-ekonomicheskogo krizisa [The Place and Role of BRICS in the Global Economy in the Context of the Financial and Economic Crisis.]. Moscow: East-West, 2013. 149 p.
3. Avdokushin E.F. Zharikov M.V. Strany BRIKS v sovremennoy mirovoy ekonomike [The BRICS Countries in the Modern Global Economy]. Moscow: Magistr Infra-M, 2024. 480 p.
4. Javnova I.I. BRIKS: istoriya sozdaniya [BRICS: the History of Creation] // *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*. 2015. № 9. P. 71–74.
5. Babaev K.V., Lavrov S.V. I vshir', i vglub'. Puti ukrepleniya institutsional'noy osnovy BRIKS [Both in Breadth and Depth. Ways to Strengthen the BRICS Institutional Framework] // *Rossiya v global'noy politike*. 2023. T. 21, № 5. P. 69–81.
6. Mihajlina T.I. Diskursivnye osobennosti deklaratsiy sammitov BRIKS [Discursive Features of the BRICS Summit Declarations] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2022. № 2-2. P. 181–185.
7. Vasil'eva A. V Kitae sostoyalsya pervyy mediasammit stran BRIKS [The First BRICS Media Summit was Held in China] // *Rossiyskaya gazeta*. 2015. December 3.

8. Pekinskaya deklaratsiya po itogam Mediasammita stran BRIKS [Beijing Declaration on the results of the BRICS Media Summit]. URL: http://russian.news.cn/2015-12/01/c_134874343.htm (date of accessed: 12.05.2025).

9. Chto izvestno o Mediasammite BRIKS [What is Known about the BRICS Media Summit]. URL: <https://tass.ru/info/21855243> (date of accessed: 12.05.2025).

10. Action Plan of Promoting BRICS Media Cooperation. URL: http://www.scio.gov.cn/news_0/202209/t20220921_426137.html (date of accessed: 12.05.2025).

11. Mediaforum stran BRIKS prinyal Plan deystviy na 2019-2020 gg. [The BRICS Media Forum has Adopted an Action Plan for 2019–2020]. URL: http://russian.news.cn/2019-11/01/c_138521337.htm (date of accessed: 12.05.2025).

12. 5-y Mediaforum vysokogo urovnya stran BRIKS prizval SMI fokusirovat'sya na sotrudnichestve po global'nomu razvitiyu [The 5th High-Level Media Forum of the BRICS Countries Called on the Media to Focus on Cooperation on Global Development]. URL: <http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2022/0709/c31521-10121012.html> (date of accessed: 12.05.2025).

13. Shestoy Mediaforum BRIKS: ukreplenie dialoga mezhdru SMI vo imya obshchego spravedlivogo budushchego [The Sixth BRICS Media Forum: Strengthening the Dialogue between the Media for the Sake of a Common Fair Future]. URL: <https://npsod.ru/world/shestoj-mediaforum-briks-ureplenie-dialoga-mezhdru-smi-vo-imya-obshchego-spravedlivogo-budushhego.html> (date of accessed: 12.05.2025).

14. Mediasammit BRIKS ob"edinil predstaviteley SMI iz 45 stran v rossiyskoy stolitse [The BRICS Media Summit Brought Together Media Representatives from 45 Countries in the Russian Capital]. URL: <https://tvbrics.com/news/mediasammit-briks-obedinil-predstaviteley-smi-iz-45-stran-v-rossiyskoy-stolitse/> (date of accessed: 12.05.2025).

15. Itogovaya deklaratsiya Media Sammita BRIKS [Final Declaration of the BRICS Media Summit]. URL: <https://iabrics.org/tpost/aiprcbz1-itogovaya-deklaratsiya-media-sammita-bri> (date of accessed: 12.05.2025).

Igor V. Sibiriyakov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: sibiriakoviv@susu.ru

Received May 28, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сибиряков, И. В. Медиасаммиты БРИКС: история формирования нового информационного пространства / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 32–37. DOI: 10.14529/ssh250304

FOR CITATION

Sibiriyakov I. V. BRICS media summits: the history of shaping a new information space. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 32–37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250304

ПСЕВДОИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ И ФИЛОСОФИЯ ПЕЙЗАЖА В КИТАЕ 1980-х

Ц. Дэн

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Художественное движение «Новая волна 85» стало одним из ключевых этапов в развитии китайского современного искусства XX века. Несмотря на то что название отсылает к 1985 году, данное течение охватывает более широкий временной и культурный контекст – с 1985 по 1989 годы, включая в себя выставочную, теоретическую и индивидуальную художественную активность. Закрытие экспозиции «Китай / Авангард» в 1989 году символически ознаменовало завершение данного периода. «Новая волна 85», выступая первым авангардным движением в Китае, открыла путь к беспрецедентной творческой свободе и оказала глубокое влияние на развитие философии современного китайского искусства. Одним из уникальных направлений, зародившихся в рамках движения, стало использование китайских иероглифов в качестве художественного медиума. В центре внимания статьи – анализ творческих стратегий Гу Вэнда и Сюй Бина, чья практика соединяет традиционную пейзажную живопись шаньшуй с концепцией псевдоиероглифов. Рассматривается не только визуальный аспект их работ, но и глубокий философский пласт, связанный с понятием языка, деконструкцией смысла, а также критикой идеологических структур. Исследование демонстрирует, как визуальная форма и письменность становятся инструментами культурной трансформации.

Ключевые слова: «Новая волна 85», псевдо-иероглифы, Гу Вэньда, Сюй Бин, китайская живопись шаньшуй, деконструкция иероглифов, современное китайское искусство.

Введение

В данной работе исследуется творческая практика художников-представителей «Новой волны 85» Гу Вэньда и Сюй Бина с точки зрения деконструкции иероглифов и синтеза с традиционной пейзажной живописью шаньшуй. Статья структурирована следующим образом: сначала раскрывается исторический контекст и условия зарождения «ложных иероглифов»; затем исследуется использование идеи «псевдо-иероглифов» в творчестве Гу Вэньда и Сюй Бина, а также деконструирование китайской живописи шаньшуй посредством «ложных иероглифов», что придаёт традиционному искусству современность и историческую ценность.

Обзор литературы

Работа по упрощению иероглифов стартовала в современном Китае в начале XX века вслед за проникновением в Китай западного модернистского сознания. Движение 4 мая и Движение за новую культуру стимулировали дальнейшее развитие реформы письменности. К 30-м годам XX века был достигнут апогей упрощения иероглифического письма. Однако атрибуты этого феномена двойки: во-первых, в 1935 году среди шанхайских деятелей культуры, образования и печати сформировалось движение за ходовые иероглифы (手头字运动), продвигавшее устоявшийся в ручном написании, но ещё не принятый в печати вид 300 иероглифов; во-вторых, в августе 1935 года министерство просвещения сформированного в Нанкине Нацио-

нального правительства опубликовало «Первый перечень упрощённых иероглифов» (第一批简体字表), содержащий 324 знака [1, с. 22]. Хотя «Первый перечень упрощённых иероглифов» не нашёл применения согласно первоначальному плану, его составление и публикация имели важное значение. Позднее, между 1950 и 1956 годами, прошло 8 итераций упрощения иероглифического письма. В 1964 году правительство вновь внесло коррективы в план упрощения иероглифов, расширив список из более чем 500 упрощённых знаков до более чем 2 000 иероглифов, вошедших в «Общий перечень упрощённых иероглифов» (简化字总表), большая часть которого продолжает применяться и по сей день.

После окончания «Культурной революции» 20 декабря 1977 года был опубликован новый «Второй план упрощения китайских иероглифов» (第二次汉字简化方案), основным элементом которого было использование простых в написании иероглифов в качестве замены иероглифов с аналогичным звучанием, но более сложным написанием, а также дальнейшее упрощение графем, ключей и характерной структуры иероглифов. В издании «Жэньминь жибао» этот проект был впервые назван «второй реформой» (二简字 – буквально «второе упрощение иероглифов», вторая реформа системы письменности). Несмотря на то что проект уже официально находился на этапе реализации, многие продолжали оказывать реформе упорное

сопротивление и требовать разъяснений, считая, что упрощение иероглифов привело бы в дальнейшем к неоднозначности толкований письменных текстов и как следствие – к семантической путанице.

Однако спустя 9 лет после начала «второй реформы», в июне 1986 года, Госсовет КНР выпустил уведомление «Одобрение Государственного совета КНР Государственному комитету по работе в области языка и письменности (об отмене «Второго плана упрощения китайских иероглифов»)» (国务院批转国家语言文字工作委员会《关于废止《第二次汉字简化方案》) и «Обращение за указанием по исправлению беспорядочности в используемой обществом письменности») (纠正社会用字混乱现象的请示) [2, с. 32], официально отменив «вторую реформу» и вернувшись к «Общему перечню упрощённых иероглифов» от 1964 года. Отмену «второй реформы» власть прокомментировала следующим образом: «Современное общество злоупотребляет традиционным иероглифическим письмом и произвольно упрощает иероглифы, порождая ошибочную разнопись – такое хаотичное использование иероглифов требует пристального внимания». Другая причина заключается в том, что в рамках «второй реформы» проводились многократные корректировки, но итогового решения выработано не было. При этом готовились к печати многочисленные справочные издания, например, «Словарь китайского языка» (汉语字典) и «Большая китайская энциклопедия» (中国大百科全书), а библиотеки иероглифических шрифтов в ЭВМ уже были записаны на микрочипы, поэтому продолжение реформы по упрощению иероглифов привело бы к пустой растрате значительных человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Хотя «вторая реформа» была остановлена, часть иероглифов, упрощённых на втором этапе, продолжает использоваться и сегодня. Запутанная история реформирования иероглифической письменности оказала существенное влияние на Гу Вэньда (1955 –), Сюй Бина (1955 –) и других художников, получивших в то время образование, мотивировав их на творчество в области «письма».

В книге «Мои истинные слова» (我的真文字) Сюй Бин пишет: «Моё поколение училось письму среди проходившей реформы по упрощению письменности, когда публиковались наборы новых иероглифов и прекращалось использование старых, но затем новые иероглифы снова видоизменялись и упразднялись, а старые – возвращались в употребление, окончательно нас запутывая. Поэтому в наших первичных представлениях о письменности скрывалась подрывная идея о том, что со знаками можно «играть» [3]. Особенно ясное представление о мощи письменности сформировалось у людей, прошедших через «культурную революцию». В глазах Сюй Бина письменность является одним из основополагающих элементов культуры:

соприкасаясь с письмом, человек соприкасается с корнями культуры, а видоизменение письменности представляет собой видоизменение самой сущности человеческого мышления. Первое, что делали правители прошлых эпох, устанавливая свои политические режимы, – изменяли и унифицировали письменность, но такие изменения превращались в «культурные революции» в самом глубоком смысле слова. Эта идея легла в основу произведения Сюй Бина «Книга с небес» (天书).

Идея «Предостережения будущим поколениям» (析世鉴 – (рис. 1)) впервые зародилась у Сюй Бина в 1986 году, но реализация проекта началась только в июле 1987 года, а завершилась 3 года спустя. Особенностью этой работы является то, что тысячи иероглифов, напечатанных и выгравированных на книжных страницах и на бумаге, – нечитаемые и непереводимые «псевдо-иероглифы», «созданные» Сюй Бином на основе графем и ключей иероглифов из «Словаря Канси».

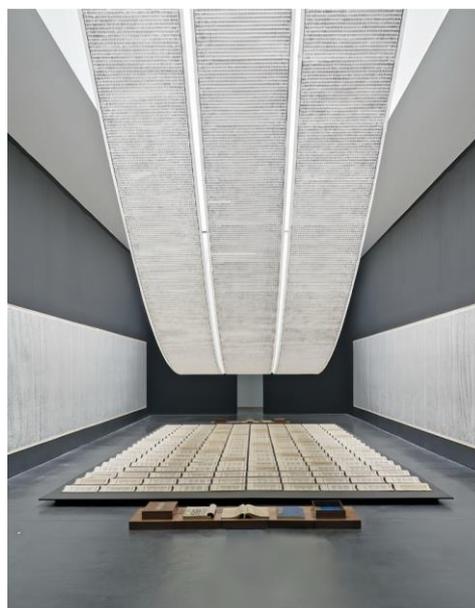

Рис. 1. Сюй Бин. «Предостережение будущим поколениям – свиток конца столетия» (работа также известна как «Книга с небес»). Смешанная техника, напечатанные вручную книги и свитки, размеры могут изменяться, 1987–1991
Fig. 1. Xu Bing. “Warning to Future Generations – End of the Century Scroll” (work also known as ‘Book from Heaven’). Mixed media, hand-printed books and scrolls, sizes may vary, 1987–1991

В этой инсталляции собрано 120 томов, 600 страниц и более 4000 не имеющих смысла иероглифов. В соответствии с типом переплетения, характерным для древней литературы, каждые 4 книги объединены в один том и размещены в специально изготовленных ящиках из древесины грецкого ореха. Все элементы экспозиции разложены плашмя или подвешены, напоминая «древний манускрипт», передаваемый из поколения в поколение с незапамятных времён. Такая серьёзная и торжественная композиция создаёт ощу-

шение некоторой подавленности: возникает конфликт между кажущейся реальностью иероглифов и их фактической бессмысленностью.

В октябре 1988 года в Музее изобразительных искусств Китая прошла первая совместная выставка Сюй Бина и Люй Шэнчжуна (1952–2022). В то время Сюй Бин назвал свою работу «Предостережение будущим поколениям – свиток конца столетия» (析世鉴—世纪末卷), но впоследствии переименовал её в «Книгу с небес». Новое название может трактоваться двояко: во-первых, «небесными письменами» называют любые не поддающиеся чтению знаки; во-вторых, эти иероглифы могли быть ниспосланы с небес и собраны в книги для общения с духами. Всё это не может не напоминать древнее изречение о происхождении письменности: «река Хуанхэ дала [людям] триграммы, река Ло дала [им] письмена (письменность)» (河出图·洛出书) – пиктография и письменность были созданы легендарным Цан Цзе (четырёхглазый герой из китайской мифологии, изобретатель иероглифической письменности). По словам Сюй Бина, «оказываясь в сложной ситуации, я всякий раз вспоминал изречение из трактата «Хуайнань цзы»: когда Цан Цзе создал письмо, с неба полилось зерно, и духи зарыдали в ночи» [3, с. 72]. Мы не знаем, кто такой Цан Цзе, но согласно записям и умозаключениям в древних текстах, он был влиятельным лицом – магом или придворным летописцем. С древних времён для Китая была характерна культура почтительного отношения к древним текстам, однако лишь немногочисленные власти имущие могли владеть этими трактатами и читать их. Поэтому несмотря на то что иероглифы в древней литературе имели конкретное практическое значение, для простого народа они оставались недоступными и нечитаемыми «небесными письменами».

«Псевдо-иероглифы» были заново созданы на основе почерка, использованного в «Книге Сун» (宋书), и отличались сложной структурой, контрастировавшей с продвигаемым в то время «движением за упрощение китайских иероглифов», что рождало определённое конфликтное напряжение. Помимо томов, уложенных в деревянные ящики, Сюй Бин напечатал иероглифы на свитках, подвешенных к потолку выставочного зала, а также разместил часть иероглифических полотен на стенах. С точки зрения визуального впечатления такая композиция перекликалась с пропагандистскими плакатами «дацзыбао» времён «культурной революции». По замыслу Сюй Бина посетители выставки должны были почувствовать себя как будто внутри «иероглифической тюрьмы» [4, с. 668] и оказаться вынужденными «читать» изо всех сил.

«Дацзыбао» – форма письменности, распространённая в Китае с 1950-х по 1970-е гг. Создаваемый ею визуальный эффект, достигавшийся за счёт характерной формы «каллиграфии» и ши-

рокого применения красного цвета, привлекал художников «Новой волны 85». В широком смысле к дацзыбао относятся все современные афиши, объявления, лозунги и рекламные постеры, расклеенные в общественных местах. Однако политические дацзыбао появились в 1957–1958 гг. во время «кампании против правых элементов» (反右运动): все крупные пекинские университеты выпускали дацзыбао со своими взглядами, что в последующие несколько лет привело к массовому распространению этой формы печати. 25 мая 1966 года семь человек, возглавляемых Не Юаньцзы – секретарём партийной ячейки и преподавателем философского факультета Пекинского университета, повесили в университетской столовой плакат «Что Сун Шо, Лу Пин и Пэн Пэйюнь делают для “культурной революции”?». Впоследствии Мао Цзэдун назвал этот плакат «первым марксистско-ленинским дацзыбао» [5, с. 1], который вошёл в историю как «первый дацзыбао» и стал искрой, разжегшей пламя культурной революции. По инициативе Мао Цзэдуна люди записывали свои идеи на разноцветной бумаге и на газетных листах, используя кисти и тушь, а затем расклеивали получившиеся плакаты на стенах. В тот период обязательным элементом как иероглифических дацзыбао, так и настенных картин и пропагандистской живописи были красные политические лозунги. Массовое использование красного цвета, большая площадь плакатов и их размещение в общественных местах создавали визуальный эффект, получивший название «красный океан». Дацзыбао превратились в «письменное оружие» культурной революции и в политический инструмент, связанный с часто возникавшими в то время политическими движениями, а также с реализацией классовой борьбы и политического насилия.

В соответствии с традициями каллиграфические произведения создавались мастерами в их рабочих кабинетах, при этом пристальное внимание уделялось инструментам и материалам (текстура кисти, выбор бумаги сюаньчжи, растирание туши и т. д.), а в процессе письма соблюдалось движение сверху вниз и справа налево. В отличие от традиционной каллиграфии, при работе над дацзыбао никто не обращал внимания на многочисленные традиции и ограничения. Во-первых, в дацзыбао использовались бутилированные чернила, а не кропотливо растёртая тушь. Во-вторых, значение имела только способность быстро писать – о качестве работы кистью никто не задумывался. Никаких особых требований не предъявлялось и к поверхности для письма: это могла быть типографская, газетная бумага или даже макулатура, а не сюаньчжи высочайшего качества, используемая в традиционной каллиграфии. Поскольку дацзыбао распространились широко, среди их создателей встречались люди с самым разным культурным уровнем, в результате чего на плакатах

появлялись различные импровизированные слоганы, лексика и грамматика использовались произвольно, и часто возникали случаи неправильного написания иероглифов. Такой своеобразный письменный феномен вдохновил творчество художника Гу Вэньда, который во время интервью с тайваньским критиком Ли Фусином отметил следующее: «Я считаю, что апогеем современного каллиграфического искусства Китая являются дацзыбао: они появились не как результат творчества учёных мужей с высоким уровнем культуры, а как продукт безымянных “широких масс”» [6]. Прорывной характер дацзыбао является всесторонним, исчерпывающим, сущностным и далеко превосходящим китайское и японское каллиграфическое искусство того периода. Каллиграфия вышла из семейных гнёзд интеллектуалов в общественные места.

С точки зрения внешнего представления и Гу Вэньда, и Сюй Бин использовали «псевдо-иероглифы» для создания схожего концептуального искусства, однако между их иероглифическим творчеством существуют некоторые различия. «Псевдо-иероглифы» Гу Вэньда неразрывно связаны с классической каллиграфией: сохраняя её эстетические элементы, художник «искажал» иероглифы, но не создавал их заново.

Своё искусство письменности Гу Вэньда формировал, разрывая, переворачивая и соединяя иероглифы. Например, в триптихе «Серия утерянных династий: современное значение тотемов и табу» (рис. 2) Гу Вэньда расчленяет четыре иероглифа, означающие «тотем» и «табу», отделяя их верхние и нижние, правые и левые части.

Рис. 2. Гу Вэньда. Серия утерянных династий: современное значение тотемов и табу. Каллиграфия и живопись в технике прерывистой туши (триптих), бумага сюаньчжи, тушь, деревянная подложка. 274.5 x 540 см. 1984–1986
Fig. 2. Gu Wenda. Lost Dynasties Series: Contemporary Meaning of Totems and Taboos. Calligraphy and painting in intermittent ink technique (triptych), xuanzhi paper, ink, wooden backing. 274.5 x 540 cm. 1984–1986

Хотя такая манипуляция с иероглифами не препятствует восприятию текста, она придаёт живописи особую визуальную выразительность. На самом деле «Тотем и табу» – это название книги Зигмунда Фрейда (1856–1939), изданной в 1913 году, что подчёркивает значимую связь произведения с сюрреализмом. Используемая в централь-

ной части триптиха чёрная, красная и белая тушь напоминает уличные знаки дорожного движения и рекламные плакаты, а «X» и «O» перекликаются с символами, которые в китайском обществе обозначают отрицание или запрет. Заимствуя подобные символы табу, Гу Вэньда критикует современный дискурс, причём объектом критики выступает насилие и скрытое распределение власти в этом дискурсе. Вместе с тем, художник демонстрирует связанные с сексом культурные табу через изображения рта, плевательницы и дымящейся сигареты. С тремя рисунками перекликаются предостерегающие надписи, выполненные каллиграфическим почерком: «запрещены громкие разговоры, запрещено курить» и «запрещено плевать и бросать мусор». Только внимательный зритель при детальном рассмотрении способен заметить, что Гу Вэньда намеренно допустил ошибки в написании иероглифов «止» (из слова «запрещено») и «抽» (из слова «курить»), что неизбежно вызывает ассоциации с ошибками в дацзыбао периода культурной революции.

Методы исследования

В ходе исследования мы проводим поиск в сетевых базах данных, таких как China Knowledge, база данных современного искусства ARTLINKART, а также на платформе обмена научными материалами Academia.edu. На основе собранных исторических данных и анализа соответствующей литературы формируется структура исторического развития современного искусства. Используя методы анализа литературы и тематических исследований, а также комбинируя различные точки зрения, мы проводим всесторонний логический анализ.

Визуальный анализ включает изучение стиля, символов, цветовой палитры, текстур, композиции и других элементов художественных произведений, что позволяет выявить авторскую логику метафор и символов. Классификация стилей работ способствует исследованию исторической эволюции пейзажной живописи.

Результаты и дискуссия

Гу Вэньда получил образование в Чжэцзянской академии художеств на факультете традиционной живописи в начале 1980 г., а в период с 1982 по 1985 г. в совершенстве овладел техникой традиционной китайской живописи гохуа. Именно потому что художник получил традиционное для китайского интеллектуала образование, в его последующем художественном творчестве «нетрадиционной культуры» сохранились следы классической живописи китайских интеллектуалов-литераторов вэнь-жэнь. В ранний творческий период Гу Вэньда находился под влиянием западной философии модернизма и стремился заимствовать современные западные формы искусства (в особенности сюрреализм) для создания традиционных китайских пейзажей шаньшуй.

Триптих «Фортепианный концерт Листа» (рис. 3) – выпускная работа Гу Вэньда в аспирантуре, состоящая из «Дня», «Ночи» и «Перед дождём». В отличие от более поздних работ художника, этот триптих по-прежнему находится в эстетических границах традиционной пейзажной живописи шаньшуй: с одной стороны, в картине сохранены такие символические элементы классического китайского пейзажа, как воды, горы и камни, а также традиционная техника смазанного монохроматического письма тушью; с другой стороны, используется композиционная структура современной западной живописи, подчёркивающая контраст света и тени. Целостное произведение посредством художественных приёмов устанавливает связь между живописью и музыкой, стремясь исследовать взаимоотношение между визуальным и аудиальным. Хотя в названии работы фигурируют Концерты для фортепиано с оркестром № 1 и № 2, на картине нет ни музыкальных инструментов, ни музыкантов на сцене – ни одного реального образа, который бы перекликался с музыкой. Однако абстрактный художественный язык живописи создаёт плывущую и вихрящуюся визуальную мелодию, подсознательно перекликающуюся с фортепианными концертами Листа. Традиционные символы живописи шаньшуй здесь размываются, превращаясь в элементы абстрактной живописи. Продолжая впоследствии развивать своё творчество, Гу Вэньда не только использовал в своих работах образы, дополняющие и превосходящие пейзажную живопись шаньшуй, но и искусно использовал в композиции западный сюрреализм и кубизм, намеренно разделял тушь и кисть, используя куски туши как независимый элемент выразительности и основной объект в содержании живописи.

Рис. 3. Гу Вэньда. «Ночь» из «Фортепианного концерта Листа». 1980–1981. Бумага сюаньчжи, тушь, гуашь, дерево.

Размер: 380 см x 150 см. Мастерская Гу Вэньда в Чжэцзянской академии художеств

Fig. 3. Gu Wenda. "Night" from Liszt's Piano Concerto. 1980–1981. Xuanzhi paper, ink, gouache, wood. Size: 380 cm x 150 cm. Gu Wenda's workshop at the Zhejiang Academy of Fine Arts

В таких произведениях, как «Сюрреалистичный горизонт» (1981 (рис. 4)) и «Великий предел» (1983) Гу Вэньда отказался от традиционных приёмов работы кистью, специально используя распылитель и покрывая поверхность картины

брызгами и размытыми красками. Традиционные для живописи шаньшуй символы к этому моменту окончательно исчезли, и основной акцент сместился на интуитивное подсознательное восприятие, а особая техника многослойного размывания туши создала ощущение таинственности. По словам самого Гу Вэньда, при создании этой картины он стремился использовать традиционную монохроматическую живопись тушью для отражения современных западных художественных концепций, бросая вызов традициям [7, с. 7]. Однако по мере развития движения «Новая волна 85» такая модель творчества не могла сохраняться на протяжении длительного времени. Гу Вэньда осознал, что масштабные монохроматические картины тушью с их грандиозным сюрреализмом и символическим смыслом хотя и наносили удар по доминирующей в художественных кругах живописи в стиле реализма и социализма, однако не имели особого значения для искусства «Новой волны 85», причём сама сущность живописи не являлась проблемой. Проблема «абстрактной эстетики» была решена ещё в эпоху Василия Кандинского (1866–1944 гг.). Складывается ощущение, что дебаты вокруг «абстрактной эстетики» относятся к проблематике не истинного искусства, а ремесленно-декоративной живописи [6, с. 72]. Поэтому Гу Вэньда решил использовать концепции традиционной культуры Китая, чтобы «бросить вызов западной школе модернизма».

Рис. 4. Гу Вэньда. Сюрреалистичный горизонт. 1981. Бумага сюаньчжи на деревянной доске, тушь. Размеры: 458 x 183 см. Выставка в мастерской Гу Вэньда в Ханчжоу

Fig. 4. Gu Wenda. Surreal horizon. 1981. Xuanzhi paper on wooden board, ink. Dimensions: 458 x 183 cm. Exhibition at Gu Wenda's studio in Hangzhou

В окружении художественного творчества «Новой волны 85» Гу Вэньда испытал трансформацию с точки зрения отношения и направления культурной критики: его интерес к модернизму перешёл от сюрреализма к дадаизму и взглядам Марселя Дюшана (1887–1968 гг.) и Фрэнсиса Бэкона (1909–1992 гг.). Художник вспоминает, что в 1984 году «помимо влияния Дюшана и дадаизма испытывал преклонение перед Фрэнсисом Бэконом; экспансия разрушений и жестокости, а также мистицизм стали моими основными сюжетами» [8, с. 102]. Если мы говорим о том, что сюрреализм открыл Гу Вэньда композиционное мышление для сверхъестественных сюжетов в области искусства, то Дюшан, дадаизм и Бэкон дали художнику ин-

струменты для отрицания и подрыва традиционных концепций.

Начиная с 1984 года, в работах Гу Вэньда появилось смешение иероглифов и пейзажной живописи шаньшуй, создав ощущение некоторой коллизии. Художник стремился использовать иероглифы как изображения, связанные с его ранними картинами «абстрактного шаньшуй». Такое соединение концептуально транслировало сомнения Гу Вэньда в интеллектуальных и мыслительных способностях человека. Иероглифы традиционно рассматриваются именно как проявление таких способностей, поэтому разрушая идеологию письменности, художник атаковал «авторитет» разума. В статье «Необъяснимые иероглифы» (非陈述的文字), опубликованной в 1986 году, Гу Вэньда пишет о том, что «концепция» и «объяснение» формируются при помощи речи и письменности, но «первое – это письмена размышлений и структуры, а второе – языковые письмена выразительности» [7]. По мнению художника, письмена, не имеющие предварительно выстроенной структуры, приближены к чистому искусству, а речь и письменность представляют собой особый эстетический процесс.

Для традиционной китайской живописи шаньшуй характерно, что, завершив картину, художник заполняет оставшиеся пустыми области, добавляя в них иероглифы: своё имя, поэтическую вставку, собственные воспоминания и иные повествовательные элементы, которые в совокупности называются ти-ба (题跋 – буквально «предисловие и послесловие»). Хотя такое проявление каллиграфии занимает значимое положение в истории китайской живописи, ти-ба не становится основным субъектом живописи, оставаясь лишь оттеняющим её дополнением. Однако в серии «Ликующий дух» (畅神) Гу Вэньда изменил эту практику, превратив иероглифы в эстетическую доминанту и центр живописи, полностью обновив визуальное впечатление от традиционной живописи шаньшуй. Термин «ликующий дух» впервые появился в трактате «Предупреждение к изображению гор и вод» (画山水序), написанном теоретиком живописи Цзун Бином (375–443 гг.) в период Южных династий. Первоначальный смысл фразы заключался в следующем: объект художественного творчества должен обладать жизненной силой, в основе которой находится средоточие воли субъекта. Взаимодействие субъекта и объекта помогает первому обрести истинное значение гуманизма и ценностей. Гу Вэньда ломает и заново перестраивает этот термин, размещая его на картине. Например, в произведении «Серия утерянных династий: созерцаемый мир» (рис. 5) иероглифы «ликующий дух» разбиты на множество частей и размещены на картине как элемент каллиграфии: читая упорядоченные и соединенные иероглифы в разных направлениях, зритель сталкивается

с разными смыслами. Всё произведение выполнено в технике монохроматической живописи тушью, фон с образами из ранней живописи в жанре «абстрактный шаньшуй» контрастирует с каллиграфическими иероглифами, которые становятся основным элементом этой работы. За счёт подобного контраста реализуется трансформация распределения власти между письменностью и пейзажем шаньшуй – таким образом художник критикует идеологию традиционной живописи шаньшуй.

Рис. 5. Гу Вэньда. Серия утерянных династий: созерцаемый мир. Каллиграфия и живопись в технике прерывистой туши; тушь, бумага сюаньчжи, свиток на шёлке. Каждая часть триптиха 280 x 178 см. 1984. Слева направо: «Построение иероглифов», «Соединение иероглифов», «Деконструкция иероглифов»

Fig. 5. Gu Wenda. Lost dynasties series: contemplated world. Calligraphy and painting in intermittent ink technique; ink, xuanzhi paper, scroll on silk. Each part of the triptych 280 x 178 cm. 1984. Left to right: "Construction of Hieroglyphs," "Joining of Hieroglyphs", "Deconstruction of Hieroglyphs"

После 1986 года Гу Вэньда приостановил своё творчество, соединяющее деконструкцию иероглифов с живописью шаньшуй, и перешёл к исследованию таких художественных проявлений, как перформанс и инсталляция. Однако он по-прежнему продолжал рассматривать «искажение» как полноценный эстетический конструкт, сформировав тяготеющий к скептицизму культурный авангард китайского современного искусства 80-х годов через концепции письменности и тяготеющее к мистицизму содержательное наполнение.

В далёком прошлом человечество начало использовать изображения или символы для ведения записей. И в основе множества элементов письменности лежат именно изображения, однако в силу того, что многие языковые семьи представлены агглютинативными языками, развитие получило фонетическое письмо. Китайский язык – один из немногих моносиллабических языков, поэтому редкое иероглифическое письмо, где «форма» направлена на «звучание», сохранилось в нём и по сей день, что также лежит в основе самобытности народов, использующих китайский язык [3, с. 179]. С давних времён письмо выступает в качестве формы воплощения китайских иероглифов. Каллиграфические почерки прошли путь от выгравированных на костях и бронзе знаков цзугуэнь и цзиньвэнь до выведенных тушью лишу и цаошу

и современных написанных шариковой ручкой и набранных на клавиатуре иероглифов. Письменность как будто совершенно отделилась от процесса письма «кистью», а традиционная практика письма осталась исключительно предметом технических обсуждений в плоскости использования инструментов. Возрождение живости письма и его философской составляющей стало важным вопросом, который Сюй Бин затрагивал в своей творческой практике в 1990-е годы.

После 1990 года Сюй Бин жил в США, и, хотя в тот период художественное движение «Новая волна 85» подошло к своему завершению, сформировавшееся в то время творческое направление, в рамках которого письменность использовалась как художественный медиум, сохранилось и по сегодняшний день. В период с 1994 по 1996 год Сюй Бин столкнулся с конфликтами в западной культуре и начал обдумывать и создавать систему письма, соединившую латиницу и китайские иероглифы. В работе «Основы квадратной английской каллиграфии» (英文方块字书法入门 – Square Calligraphy Classroom) художник использовал буквы английского алфавита как иероглифические графемы и ключи, сохранив эстетические особенности внешней формы китайских иероглифов. В отличие от «псевдо-иероглифов» в «Книге с небес», «квадратная английская каллиграфия» имела смысл и могла быть прочитана.

Экспонируя свою работу, Сюй Бин создал имитацию курса по базовому обучению каллиграфии, превратив выставочный зал в классную комнату с доской, партами и стульями, необходимыми письменными принадлежностями и наглядными пособиями. Художник также использовал учебник по «Основам квадратной английской каллиграфии», видеоплёнку с «Обучением квадратной английской каллиграфии» и используемую при изучении традиционной каллиграфии «Тетрадь по чистописанию». Посетители приходили на выставку, а оказывались в школе. Столкнувшись с абсолютно незнакомой «восточной каллиграфией английской культуры», участники обучения должны были концентрироваться на процессе письма как таковом, а не на содержании написанного. В действительности процесс подобного письма подчёркивал роль каллиграфии в развитии мышления: смотреть и читать недостаточно – только через практику самого «письма» можно сформировать философские взгляды на письменность.

Если нечитаемые «псевдо-иероглифы», использованные Сюй Бином в «Книге с небес», лишали автора власти, оставляя свободу трактовки читателю, то «Основы квадратной английской каллиграфии» через обучение читателей, напротив, наделяли автора властью. Такая перемена стала предвестником возвращения Сюй Бина от «псевдо-иероглифов» к истинной письменности.

После «квадратной английской каллиграфии» Сюй Бин начал исследовать связь между письменностью и изображениями, которые на Западе считаются кардинально различными и обособленными друг от друга, однако в Китае трансформация письменности в изображение может проходить весьма органично. Приёмы, используемые в традиционной китайской живописи шаньшуй, – штриховка косо поставленной кистью и точечная техника – напоминают графемы и ключи в иероглифах, образуя целостную форму через соединение различных элементов. Кроме того, работа над живописью и иероглифическим письмом очень близка с точки зрения движений. Поэтому каллиграфия создаёт условия для перерождения иероглифов в изображения.

В 1999 году Сюй Бин начал апробацию использования иероглифов в «живописи с натуры». В работе «Читая пейзаж – Гималайский этюд» (读风景—喜马拉雅写生 (рис. 6)) всё изображение создано письменными: иероглиф «гора» (山) непосредственно становится горой, а «трава» (草) – лугом. Используя густую и бледную краску и варьируя расстояние между иероглифами, художник выстраивает уровни и плоскости картины. В основе такого способа соединения письменности и изображений лежит идея о том, что «живопись и каллиграфия имеют один источник» (书画同源). Очень часто мы описываем взаимоотношения между этими видами искусства через призму техники работы кистью и создания живописи, однако в произведениях Сюй Бина связующим звеном является семиотика. Как говорил сам художник: «...в моём случае писать картину – то же самое, что писать текст, я создаю картину с использованием письменности и языка и, проходя через этот опыт, обнаруживаю свою связь с идеей китайского искусства о единстве источника живописи и каллиграфии» [10, с. 15].

Рис. 6. Сюй Бин. «Читая пейзаж». 2001. Тушь, непальская бумага; размер: 100 x 174 см. Частная коллекция
Fig. 6. Xu Bing. "Reading Landscape". 2001. Ink, Nepalese paper; size: 100 x 174 cm. Private collection

С одной стороны, иероглифы выступают в качестве структурных символов живописи, применяемых Сюй Бином для того, чтобы через изменение насыщенности цветов и размеров иероглифов выстраивать взаимодействие между цве-

тами: чёрным, белым и серым, а также формировать визуальные образы; с другой стороны, читаемые иероглифы дополняют содержание картины, помогая зрителю понять, где изображены горы, камни, травы, деревья и звери. Внимательно приглядевшись, можно заметить, что помимо иероглифов, описывающих изображённые объекты, на картине есть фразы-комментарии: например, река на краю картины изображена не многократным повторением соответствующего иероглифа (河), а словами «за нижней гранью тоже течёт река». Есть и другие фразы, описывающие пейзаж: «густой туман», «пошёл дождь», «белые облака окружают чёрные горы», и даже целое предложение, как будто взятое из истории: «говорит хозяйка этой земли, у неё есть два сына». Художник превратил услышанное и увиденное в текст и поместил письменные знаки на картину, поэтому иероглифы не только сформировали изображения, но и взяли на себя акустическую функцию: наслаждаясь видом иероглифов и читая их как содержательный текст, зритель оказывается в окружении звуков, пространства и литературы, создающих эффект присутствия в изображённом пейзаже. Подобный опыт выходит за рамки традиционного любования пейзажной живописью шаньшуй, пытаясь создать интертекстуальные отношения между письменным текстом и изображениями, а направленность иероглифов придаёт большую истинность духовным образам, воспринимаемым зрителем.

После «сталковых этюдов» Сюй Бин создал серию инсталляций, объединявших живопись шаньшуй и текст. Например, работа «Читая пейзаж – Письменный сад» (读风景—文字的花园) представляет собой тысячу пластмассовых пиктограмм, воспроизводивших и дополнявших пейзаж, находившийся за окном выставочного зала. Внутри помещения висели традиционные пейзажные картины шаньшуй, содержание которых Сюй Бин распространил на весь выставочный зал при помощи письменных текстов, превратив нарисованных птиц в пиктографических и позволив им вылететь за пределы картины, взаимодействуя с окружающим зрителя пространством. На этот раз, чтобы понять письмена, не требовалось специальное обучение; художника больше не занимали и различия между символами в разных культурах – наиболее важным вопросом стало понимание природы через используемые нами символы.

Письменные тексты, письменность и изображения являются неотделимыми друг от друга элементами живописи Сюй Бина. Такой творческий приём позволяет по-другому взглянуть на традиционную живопись. Заимствуя и критикуя части современного западного искусства, художник построил самобытную систему китайского современного искусства, а также внёс свой лингвистический и методологический вклад в развитие философии современного искусства Китая в контек-

сте будущей истории мирового современного искусства [11–15].

Выводы

«Новая волна 85» породила использование китайских иероглифов в качестве художественного медиума. Автор выделяет две причины появления этого феномена. Во-первых, начиная с 1950-х годов, многочисленные указания по «упрощению иероглифов», издаваемые правительством, привели к тому, что участились случаи хаотичного или ошибочного написания иероглифов. Создание и изменение письменности со стороны правительства закономерно оказало существенное влияние на деконструкцию иероглифов в искусстве с использованием письменности. Во-вторых, формы визуального проявления такого искусства были тесно связаны с тенденцией к использованию красного цвета в поощряемых государством дацзыбао периода культурной революции, а также с особой формой письменности, использовавшейся в дацзыбао.

С 1980-х годов по сегодняшний день в работах Гу Вэньда и Сюй Бина часто встречается художественное объединение традиционной живописи шаньшуй и китайских иероглифов. В данной работе была предпринята попытка заново осмыслить синтез традиционной китайской живописи и современного искусства через анализ того, как оба художника соединяли иероглифы с живописью шаньшуй и использовали разные формы выражения для общих сюжетов.

В своей ранней живописи Гу Вэньда пытался применять западные философские концепции и формы современного западного искусства (в особенности сюрреализма) для трансформации традиционных китайских пейзажей шаньшуй в абстрактную живопись. Осознав ограничения такой модели творчества, художник начал использовать иероглифы в качестве образов, вводя их в свои ранние абстрактные «пейзажи шаньшуй». Переворачивая, выворачивая и намеренно допуская ошибки в иероглифах, художник вступал в конфликт с живописью, разрушая сохранявшуюся с глубокой древности стандартную идеологию письменных текстов и шаньшуй. Хотя этот период творчества продолжался не очень долго, он авангардно бросил вызов консерваторам 1980-х годов.

В отличие от Гу Вэньда, концентрировавшегося на трансформации пейзажей шаньшуй, Сюй Бин с самого начала пришёл к творческой модели «псевдо-иероглифов», используя приём создания иероглифов, чтобы оспаривать идеологию власти. В 1990-е годы после переезда в США творчество художника начало смещаться в сторону того, чтобы использовать письменность с пользой для современной культуры. В этот период Сюй Бин соединил традиционную китайскую живопись интеллектуалов-литераторов с каллиграфией, погружаясь во взаимодействие письменности, каллиграфии и изоб-

ражений. Трансформация модели экспонирования также позволила произведениям Сюй Бина стать более публичными и функциональными: по словам самого художника, служить обществу и народу.

В содержательно глубокой художественной практике таких художников, как Гу Вэньда и Сюй Бин, наблюдалось стремление отойти от западоцентричной композиции и преодолеть дуализм «соперничества между Китаем и Западом» и «соперничества между древностью и современностью», что открыло китайскому искусству возможность создания современной структуры.

Литература

1. 苏培成,《简化汉字 60 年》,《语言文字应用》2009 年第 4 期,第 22 页.
2. 《国务院批转国家语言文字工作委员会关于废止<第二次汉字简化方案(草案)>和纠正社会用字混乱现象请示的通知》,《中华人民共和国国务院公报》,1986 年第 18 期,第 32 页.
3. 徐冰,《我的真文字》,中信出版集团,2015 年 11 月第 179 页.
4. 徐冰,惊天地,泣鬼神【Z】.日本 ICC《The Library of Babel》展览图录,1998,第 72 页.
5. 费大为主编:《'85 新潮档案 I》,上海:上海人民出版社,2007 年,第 668 页.
6. 费大为.向现代派艺术挑战——访画家谷文达.美术,1986,第 7 页.
7. 出自毛泽东手稿:《炮打司令部(我的第一张大字报)》,1966 年 8 月 5 日.第 1 页.
8. 谷文达,《我的水墨历程》,岭南美术出版社,2001 年 9 月第 72 页.
9. 李复兴,《听!那惹人议论的灵魂-十问谷文达》台湾《雄狮美术》1989 年第 6 期第 102 页.
10. 高名潞:《'85 青年美术之潮》,《文艺研究》,1986 年第 4 期,第 15 页.
11. 高名潞:《中国当代艺术史》,上海大学出版社,2021 年.
12. 华侨城当代艺术中心,何香凝美术馆编《水墨炼金术:谷文达的实验水墨》,岭南艺术,2010.
13. 魏祥奇《从现代水墨到当代水墨》,文化艺术出版社,2022 年 6 月第 1 版.
14. 吕澎,易丹《中国现代艺术史 1979-1989》,湖南美术出版社,1992 年 5 月第 1 版.
15. 鲁虹《中国当代水墨 1978-1999》,中国社会科学出版社,2017 年 2 月第 1 版.

Дэн Цзявэй – аспирант кафедры искусствоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), e-mail: 410158539@qq.com

Поступила в редакцию 17 апреля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250305

PSEUDO-HIEROGLYPHIC PAINTING AND LANDSCAPE PHILOSOPHY IN CHINA IN THE 1980S – USING THE EXAMPLES OF GU WENDA AND XU BING

J. Deng

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

The 1985 New Wave art movement became a key stage in the development of contemporary Chinese art in the 20th century. Although its name refers to 1985, this movement covers a broader temporal and cultural context – from 1985 to 1989 – and includes exhibitions, theoretical discourse, and individual artistic practices. The closure of China / Avant-Garde exhibition in 1989 symbolically marked the end of this period. 1985 New Wave, being the first avant-garde movement in China, opened the way to unprecedented creative freedom and had a profound impact on the philosophical foundations of contemporary Chinese art. A unique trend that emerged within this movement was the use of Chinese characters as an artistic medium. This article focuses on analyzing the creative strategies of Gu Wenda and Xu Bing, whose practices combine traditional shanshui landscape painting with the concept of pseudo-hieroglyphs. The study examines both the visual aspect of their work, and the deeper philosophical layers related to language, deconstruction of meaning, and criticism of ideological structures. It demonstrates how visual form and writing become tools for cultural transformation.

Keywords: 1985 New Wave, pseudo-hieroglyphs, Gu Wenda, Xu Bing, Chinese Shanshui painting, deconstruction of hieroglyphs, contemporary Chinese art.

References

1. Su Peicheng, Simplified Chinese Characters in 60 Years, *Applied Linguistics and Script*, 2009, Iss. 4. [P. 22]. (in Chinese)
2. Notice of the State Council of the People's Republic of China on the Approval of the National Committee on Language Work Regarding the Abolition of the Second Chinese Character Simplification Scheme (Draft) and the Correction of the Chaotic Use of Characters in Society, *Gazette of the State Council of the People's Republic of China*, 1986, Issue 18. [P. 32]. (in Chinese)
3. Xu Bing, Heaven Shaking, Ghost Crying, [Z], *The Library of Babel Exhibition Catalog*, ICC Japan, 1998. [P.72]. (in Chinese)
4. Fei Dawei (Ed.), *85 New Wave Archives I*, Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2007. [P. 668]. (in Chinese)
5. Mao Zedong, Fire at the Headquarters (My First Big Character Poster), Manuscript, August 5, 1966. [P. 1]. (in Chinese)
6. Fei Dawei, A Challenge to Modernist Art: Visiting the Painter Gu Wenda, *Fine Arts*, 1986. [P. 7]. (in Chinese)
7. Gu Wenda, *My Ink Painting Journey*, Lingnan Art Publishing House, September 2001. [P. 72]. (in Chinese)
8. Li Fuxing, Listen! The Controversial Soul: Ten Questions to Gu Wenda, *Lion Art*, Taiwan, 1989, Iss. 6. [P. 102]. (in Chinese)
9. Xu Bing, *My True Words*, CITIC Publishing Group, November 2015. [P. 179]. (in Chinese)
10. Gao Minglu, The Tide of Young Art in '85, *Studies in Literature and Art*, 1986, Issue 4. [P. 15]. (in Chinese)
11. Gao Minglu, *History of Contemporary Chinese Art*, Shanghai University Press, 2021. (in Chinese)
12. Overseas Chinese Town Contemporary Art Center, He Xiangning Art Museum (Eds.), *Ink Alchemy: Gu Wenda's Experimental Ink Painting*, Lingnan Art, 2010. (in Chinese)
13. Wei Xiangqi, *From Modern Ink Painting to Contemporary Ink Painting*, Culture and Art Publishing House, 1st Edition, June 2022. (in Chinese)
14. Lü Peng, Yi Dan, *A History of Chinese Modern Art: 1979–1989*, Hunan Fine Arts Publishing House, 1st Edition, May 1992. (in Chinese)
15. Lu Hong, *Chinese Contemporary Ink Painting: 1978–1999*, China Social Sciences Press, 1st Edition, February 2017. (in Chinese)

Jiawei Deng – Postgraduate Student in the Department of Art History, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg), e-mail: 410158539@qq.com

Received April 17, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дэн, Ц. Псевдоиероглифическая живопись и философия пейзажа в Китае 1980-х / Ц. Дэн // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 38–47. DOI: 10.14529/ssh250305

FOR CITATION

Deng J. Pseudo-hieroglyphic painting and landscape philosophy in China in the 1980s – using the examples of Gu Wenda and Xu Bing. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 38–47. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250305

СОВРЕМЕННОЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ XXI ВЕКА

Д. К. Жданова, О. Б. Терешина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматривается современное монументальное искусство в контексте богатого монументального наследия XX в. с точки зрения меняющихся традиций, новых пластических форм и смыслов, формирующихся в XXI в. Выявляются основные черты и характеристики современного монументального искусства, образные средства взаимодействия со средой и активного воздействия на зрителя. Раскрываются возможности монументального искусства в индивидуализации архитектурной среды, сохранении исторической памяти путем создания запоминающегося эмоционального образа городского мемориала. Исследуются тенденции в развитии традиционных видов и жанров монументального искусства, в формировании новых видов, связанных с использованием инновационных технологий.

Приведены примеры образно-пластического решения монументального произведения в современном мире, примеры новых форм композиционной и смысловой взаимосвязи монументального произведения с архитектурной средой. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что монументальное искусство развивается и адаптируется к современным условиям, становится платформой для обсуждения важных социальных вопросов, оставаясь при этом пластической и смысловой доминантой архитектурной среды. Процесс развития монументального искусства идет по двум направлениям: традиционному и инновационному, связанному с применением новых материалов и технологий. Это требует переосмысления определения монументальности и критериев классификации произведений монументального искусства.

Ключевые слова: монументальное искусство, монументальная скульптура, монументально-декоративное искусство, арт-объект.

Введение

Главным критерием классификации художественного произведения как монументального традиционно считается его тематика, общественная значимость созданного образа, воплощающего возвышенные идеи и большие смыслы. Идейное содержание монументального произведения ясно выражается и существует в синтезе с архитектурой, являясь пластической и смысловой доминантой архитектурной среды. Монументальность требует простоты и лаконичности формы, большой меры условности и обобщенности. Произведения монументального искусства, как правило, отличаются величественностью и масштабностью, обладают качествами «большой формы». Они не используются как элемент декорации, а заставляют задуматься о вечных ценностях и глобальных проблемах [1–3].

С конца 30-х годов XX в. намечается частичный переход от монументального к монументально-декоративному искусству, который характеризовался появлением новой «служебной» функции – декоративно организовывать и индивидуализировать однообразную застройку [4]. В современном мире часто забывается важная сторона монументального искусства – его содержание. Меняется и роль монументального искусства в городской среде, появляются новые виды, формы и технологии.

Обзор литературы

Научные исследования в области монументального и монументально-декоративного искусства можно разделить на несколько категорий.

Результатами таких исследований, в первую очередь, стали монографии и художественные альбомы, посвященные искусству определенного исторического периода или конкретных художников-монументалистов. Методической базой нашего исследования является литература, теоретически обобщающая результаты богатого монументального наследия XX в., формулирующая его главные характеристики и качества, затрагивающая вопросы синтеза искусств и перспектив развития монументального искусства [1–5].

Существует достаточно много исследований современного монументального искусства, посвященных анализу произведений отдельных авторов или регионов [6–13]. Интересны попытки теоретического осмысления новых видов монументального искусства, его особенностей, инновационных технологий и функций в архитектурной среде [14–24]. Нам представляется важным принять участие в этой научной дискуссии и сделать попытку комплексного исследования новых тенденций в монументальном искусстве XXI в.

Методы исследования

Для проведения исследования использованы методы, позволяющие анализировать произведения современного монументального искусства на основе исторически сложившейся классификации его видов с учетом современных подходов к формированию архитектурной среды. Методологической основой исследования являются методы универсального системно-типологического и традиционного историко-культурного анализа.

Результаты и дискуссия

Современное монументальное искусство можно охарактеризовать как динамичное и многообразное явление, отражающее актуальные проблемы, с которыми сталкивается современное общество. Художники стремятся к экспериментам с формами, материалами, концепциями, тем самым создавая новые тенденции в монументальном искусстве. Особое значение монументальное искусство приобретает в периоды глобальных социально-политических преобразований, во времена общественного подъема, интеллектуального и культурного расцвета. Вопрос исторической памяти в современном монументальном искусстве – один из самых устойчивых и востребованных, а проблема сохранения исторической памяти общества и ее возвращения приобрела небывалую актуальность [8].

Современность характеризуется новой концепцией городского мемориала, в которой важное значение имеет поиск новых архитектурных и композиционных решений памятников [23]. Главная цель синтеза архитектуры и искусства – индивидуализация среды, создание ее запоминающегося эмоционального образа [24]. Одним из выразительных примеров является мемориал жертвам Холокоста (рис. 1), созданный в Оттаве в 2017 г. известным архитектором Даниэлем Либескиндом, мастером деконструктивизма. Сверху памятник напоминает очертания вытянутой звезды Давида – символа иудаизма [15]. Бетонные грани организуют пространство внутри монумента, разделяя его на треугольные зоны. Памятник является примером синтеза искусств и образно раскрывает тему трагедии, силы духа и воли к жизни человека.

а) б)
Рис. 1. Национальный монумент Холокоста,
Оттава, Канада:
а – вид, б – план

Fig. 1. National Holocaust Monument, Ottawa, Canada:
a – general view, b – view from above

Современность диктует все более тесную взаимосвязь монументального искусства с пространственной средой. Характерной чертой работы над монументальным произведением всегда была его принадлежность среде, совместная работа архитектора и художника-монументалиста. На протяжении века наблюдается интересная тенденция – возникают образцы монументального искусства, в которых сложно определить границы между деятельностью

архитектора и художника-монументалиста [16]. Ярким примером служит совместное творчество французского художника Саши Сосно и архитектора Ива Баярда. Статуя квадратной головы «La Tête au Carré de Sosno» завершила в 2002 г. комплекс музея Современного искусства в Ницце, став местом расположения офисных помещений библиотеки. Объединив скульптурный бюст и модернистский семизэтажный кубический объем, художники создали функциональную скульптуру и монументальный образ современного искусства (рис. 2).

Рис. 2. Здание-скульптура «La Tête au Carré de Sosno»
г. Ницца, Франция

Fig. 2. The building is a sculpture «La Tête au Carré de Sosno»
Nice, France

Произведения монументального искусства, вступая в синтез с архитектурой и пейзажем, становятся пластической или смысловой доминантой пространства. Декоративные элементы фасадов и интерьеров, памятники и пространственные композиции отображают современные идеи и воплощают философские концепции [7]. Связь тематики и образов с социальными запросами и общественными потребностями позволяет монументальному искусству добиваться диалога со зрителем. Таковы скульптура Лоренцо Куинна, центральной фигурой творчества которого являются руки. Он обращается к рукам как к символу поддержки и опоры в нашей сложной жизни [9]. Поражает динамичная образность его работ, например, серии скульптур «Сила природы» (рис. 3). Его творчество ярко демонстрирует поиски равновесия и баланса, взаимодействия человека и живой природы. Скульптура «Поддержка» не только имеет неожиданное и контрастное по отношению к архитектуре Венеции художественное решение, но и служит опорой для уходящего под воду старинного здания (рис. 4).

Монументальное искусство опирается в своем развитии на богатый исторический опыт, продолжая формировать характер средовых пространств. Мозаичные панно из смальты имели особую популярность и востребованность в прошлом веке. Современная мозаика «Солнце Арктики» (рис. 5), выполненная Павлом Юдиным в 2024 г., – это ис-

торически важный этап в формировании региональной идентичности города Норильска. Произведение служит символом развития и обновления, демонстрирует богатство природы и связь поколений, нацеленность в будущее при сохранении своей истории и традиций [10].

Рис. 3. Скульптура из серии «Сила природы», Катар
Fig. 3. Sculpture from the series “The Force of Nature”, Qatar

Рис. 4. Скульптура «Поддержка», Венеция, Италия
Fig. 4. Sculpture “Support”, Venice, Italy

Рис. 5. Панно «Солнце Арктики», г. Норильск, Россия
Fig. 5. Panel “Sun of the Arctic”, Norilsk, Russia

Современное решение с точки зрения художественной концепции и материально-технического

исполнения мозаичного произведения демонстрирует скульптура «Золотая река» Марко Бравура (2013 г.). Поверхность скульптурных волн выполнена из фрагментов зеркального материала золотого цвета с вкраплением больших цветных элементов, являющихся отходами производства изделий из стекла на острове Мурано [11]. Золотые дуги-волны установлены на разных поверхностях и стремятся друг к другу, почти соприкасаясь в верхней точке (рис. 6). Эта скульптура была создана как разборная конструкция для выставки iSaloni19 в Милане и экспонировалась на разных площадках, что нехарактерно для произведений монументального искусства. Внеациональный характер эстетики и богатая образность совпали с запросом на паблик-арт-проекты для современного города и самого широкого зрителя [12].

Рис. 6. Скульптура «Золотая река»
Fig. 6. Sculpture “Golden River”

В настоящее время в архитектурном пространстве стали параллельно развиваться несколько направлений монументального искусства, наиболее распространенным из которых стал мурализм [17]. Еще одним направлением создания монументальных визуальных образов стала световая архитектура, способная форматировать отдельные части зданий и общественных пространств, а также полностью превращать архитектурный объект в медиаскульптуру [18]. Исследователи отмечают, что монументальная скульптура, прежде выполнявшая важную идеологическую миссию, в новых исторических условиях зачастую сводится к обслуживанию самых разных социальных запросов и превращается в арт-объекты, предлагающие новые варианты взаимодействия художественных произведений со средой и человеком [13, 19, 20]. Отмечается также проблема недостоверности воссоздаваемых образов, а также невысокий художественный уровень создаваемых произведений, зачастую объясняемый «авторским видением» [21]. Интерактивные и динамичные инсталляции могут стать тенденцией в современном развитии монументального искусства. Однако вопрос классификации световой архитектуры или кинетических арт-объектов как произведений монументального искусства остается пока открытым.

Выводы

Монументальное искусство развивается и адаптируется к современным условиям и вызовам времени, отличаясь от своего предшественника выбором тематики и подходами к созданию произведений. Монументальное искусство сохраняет свои исторические корни, при этом открыто для новых идей и технологий, что позволяет ему оставаться актуальным. Художники и архитекторы экспериментируют с формой, материалами и пространством. Появляются произведения, посвященные актуальным проблемам: экология, социальная справедливость, сохранение культурного наследия. Монументальное искусство становится платформой для обсуждения важных социальных вопросов.

Современная концепция городского памятника ориентирована на приближение скульптуры к среде и поиску новых пластических решений. Синтез архитектуры и искусства позволяет создавать запоминающийся образ архитектурной среды. Монументальное искусство продолжает не только служить визуальным выражением исторических и культурных событий, но и играть значительную роль в формировании общественного сознания. Важно продолжать исследовать, поддерживать и развивать этот вид искусства, играющего важнейшую роль в формировании культурно и социально значимой среды нашего обитания.

Литература

1. Бондарь, В. В. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева, О. Н. Маркова, Т. Ю. Юренева ; отв. ред. А. Н. Еремеева. – М. : Институт Наследия, 2022. – 168 с.
2. Лебедева, В. Е. Советское монументальное искусство шестидесятых годов / В. Е. Лебедева. – М. : Наука, 1973. – 235 с.
3. Швидковский, О. А. Гармония взаимодействия: Архитектура и монументальное искусство / О. А. Швидковский. – М. : Стройиздат, 1984. – 280 с.
4. Воронов, Н. В. Монументальное искусство вчера и сегодня / Н. В. Воронов. – М. : Знание, 1988. – 53 с.
5. Щедрина, Г. К. Советское монументальное искусство: Проблема интернационального и национального / Г. К. Щедрина. – Л. : Общество «Знание» РСФСР. Ленинградская организация, 1981. – 36 с.
6. Василенко, Е. В. Фреска в современном монументальном искусстве и дизайне / Е. В. Василенко, П. Г. Василенко, Т. В. Сичкарь // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2019. – Т. 10, № 4 (25). – С. 5–10.
7. Терещенко, Г. Ф. Монументально искусство в городской среде Краснодара в современный

период / Г. Ф. Терещенко // Теория и история искусства. – 2018. – № 2 (69). – С. 53–56.

8. Романова, Е. О. Тема исторической памяти в современном монументальном искусстве на примере творчества З. К. Церетели / Е. О. Романова // Новое искусствознание. – 2019. – С. 22–28.

9. Кораблев, П. А. Монументальное искусство Лоренцо Куинна / П. А. Кораблев. – Ростов-н/Д. : Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, 2022. – 6 с.

10. Василенко, П. Г. Современное монументально-декоративное искусство в формировании городской среды на примере мозаичного панно «Солнце Арктики» / П. Г. Василенко, Е. В. Василенко, В. С. Лопасова // Либерально-демократические ценности. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 1–11.

11. Маполис, А. Д. Монументальные проекты Марко Бравуры 2000-х годов. От византийских традиций к мультимедиа / А. Д. Маполис // Актуальные проблемы монументального искусства: сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. – С. 470–475.

12. Маполис, А. Д. «Золотая река» из Милана в Тарусу. К истории создания скульптурной композиции «Золотая река», худ. Марко Бравура, арх. бюро Speech Сергей Чобан и Сергей Кузнецов / А. Д. Маполис // Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2021. – С. 137–140.

13. Судакова, О. Н. Скульптурные образы российского купечества в городской среде: монументальная пластика или арт-объект? / О. Н. Судакова // Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2021. – С. 171–178.

14. Пойдина, Т. В. Монументально-декоративное искусство в контексте трансформации его функций / Т. В. Пойдина, С. Д. Бортников // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2 (27). – С. 284–287.

15. Хомяков, А. И. Мемориалы XXI века: смыслы, образы и средства выражения / А. И. Хомяков // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – М., 2020. – С. 69–71.

16. Истомина, В. Н. Новые тенденции монументального искусства в архитектурной среде / В. Н. Истомина // Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2020. – С. 37–42.

17. Маевская, М. Е. Особенности присутствия традиций монументального искусства в пространстве города XXI века / М. Е. Маевская // Современная архитектура мира. – 2022. – № 18. – С. 49–69.

18. Гончарова, Н. Г. Концепции монументального искусства в современном городе (на примере г. Новосибирска) / Н. Г. Гончарова // Актуальные проблемы монументального искусства: сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2020. – С. 285–292.

19. Прохоров, С. А. Инновационные технологии в монументально-декоративной живописи как новый художественно-визуальный язык создания современного образа архитектурной среды / С. А. Прохоров, А. В. Шадури, Н. С. Прохоров // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. Вып. 12. – С. 284–287.

20. Боева, Г. Н. О чем говорят новые памятники: идеологические акценты в ландшафте города / Г. Н. Боева // Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2021. – С. 403–409.

21. Романова, Е. О. Современное монументально-декоративное искусство: к вопросу о за-

казнике и востребованности / Е. О. Романова // Искусство Евразии. – 2019. – № 2 (13). – С. 173–184.

22. Лекус, Е. Ю. Современный художественный образ города: монументальная скульптура в контексте постистории / Е. Ю. Лекус // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 1 (117). – С. 87–99.

23. Базилова, Г. Д. Художественная коммуникация в монументальном искусстве / Г. Д. Базилова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – С. 132–134.

24. Беркович, Л. Г. Монументальное и декоративно-прикладное искусство в дизайне архитектурной среды / Л. Г. Беркович, В. И. Пименов // Актуальные проблемы монументального искусства : сборник научных трудов ; под ред. Д. О. Антипиной. – СПб. : СПбГУПТД, 2021. – С. 389–396.

Жданова Дарья Кирилловна – магистрант кафедры архитектуры, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: zhd.dariia@gmail.com. ORCID 0009-0008-4655-2077

Терешина Ольга Борисовна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры архитектуры, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: tereshinaob@susu.ru. ORCID 0009-0003-1762-8478

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250306

MODERN MONUMENTAL ART AS EXEMPLIFIED BY THE ANALYSIS OF THE WORKS OF THE XXI CENTURY

D. K. Zhdanova, O. B. Tereshina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines contemporary monumental art within the context of the rich monumental heritage of the 20th century, focusing on evolving traditions, new visual forms, and meanings emerging in the 21st century. It identifies the key features and characteristics of modern monumental art, as well as the expressive means of its interaction with the environment and active engagement with the viewer. The study explores the potential of monumental art in individualizing architectural spaces and preserving historical memories through the creation of emotionally resonant urban monuments. The article analyses the development trends of traditional genres and forms of monumental art in the emergence of new types influenced by innovative technologies.

Examples of visual and compositional solutions in contemporary monumental works illustrate new forms of structural and conceptual integration with the architectural environment. The study concludes that monumental art continues to evolve and adapt to modern conditions, serving as a platform to address pressing social issues while retaining its role as the visual and semantic focal point of architectural spaces. The development of monumental art follows two parallel paths: traditional and innovative driven by new materials and technologies. This requires a reevaluation of the definition of monumentality and the criteria for classifying works of monumental art.

Keywords: monumental art, monumental sculpture, monumental-decorative art, art object.

References

1. Bondar V.V., Ereneyeva A.N., Markova O.N., Yureneva T.Y. Gosudarstvennaya monumentalnaya politika: opyt. protivorechiya. perspektivy [State Monumental Policy: Experience, Contradictions, Prospects]; otv. red. A.N. Ereneyeva. Moscow: Heritage Institute, 2022. 168 p.
2. Lebedeva V.E. Sovetskoye monumentalnoye iskusstvo shestidesyatykh godov [Soviet Monumental Art of the Sixties]. Moscow: Science, 1973. 235 p.
3. Shvidkovskiy O.A. Garmoniya vzaimodeystviya: Arkhitektura i monumentalnoye iskusstvo [Harmony of Interaction: Architecture and Monumental Art]. Moscow: Stroyizdat, 1984. 280 p.
4. Voronov N.V. Monumentalnoye iskusstvo vchera i segodnya [Monumental Art of Yesterday and Today]. Moscow: Knowledge, 1988. 53 p.
5. Shchedrina G.K. Sovetskoye monumentalnoye iskusstvo: Problema internatsionalnogo i natsionalnogo [Soviet Monumental Art: The Problem of International and National]. Leningrad: The Society "Knowledge" of the RSFSR. Leningrad Organization, 1981. 36 p.
6. Vasilenko E.V., Vasilenko P.G., Sichkar T.V. Freska v sovremennom monumentalnom iskusstve i dizayne [Fresco in Contemporary Monumental Art and Design] // *Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsiy*. 2019. T. 10, № 4 (25). P. 5–10.
7. Tereshchenko G.F. Monumentalnoye iskusstvo v gorodskoy srede Krasnodara v sovremenny period [Monumental Art in the Urban Environment of Krasnodar in the Present Period] // *Teoriya i istoriya iskusstva*. 2018. № 2 (69). P. 53–56.
8. Romanova E.O. Tema istoricheskoy pamyati v sovremennom monumentalnom iskusstve na primere tvorchestva Z.K. Tsereteli [The Subject of Historical Memory in the Modern Monumental Art as Exemplified by Zurab Tsereteli's Art] // *Novoye iskusstvoznaniye*. 2019. P. 22–28.
9. Korablev P.A. Monumentalnoye iskusstvo Lorentso Kuinna [Monumental Art of Lorenzo Quinn]. Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninov, 2022. 6 p.
10. Vasilenko P.G., Vasilenko E.V., Lopasova V.S. Sovremennoye monumentalno-dekorativnoye iskusstvo v formirovani gorodskoy sredy na primere mozaichnogo panno «Solntse Arktiki» [Contemporary Monumental and Decorative Art in the Formation of the Urban Environment Using the Example of the Mosaic Panel "Sun of the Arctic"] // *Liberal'no-demokraticheskie tsennosti*. 2024. T. 8. № 1. P. 1–11.
11. Mapolis A D. Monumentalnyye proyekty Marko Bravury 2000-kh godov. Ot vizantiyskikh traditsiy k multimedia [Marco Bravura Monumental Art of the 2000-s Evolution of Style: from Byzantine Mosaics to Multimedia] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy*. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2020. P. 470–475.
12. Mapolis A. D. «Zolotaya reka» iz Milana v Tarusu. K istorii sozdaniya skulpturnoy kompozitsii «Zolotaya reka». khud. Marko Bravura. arkh. byuro Speech Sergey Choban i Sergey Kuznetsov [“Golden River” from Milano to Tarusa. Aspects of Creation of the Sculptural Composition “Golden River”, Marco Bravura and SPEECH Sergey Tchoban and Sergey Kouznetsov Architectural Buro] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy*. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2021. P. 137–140.
13. Sudakova O.N. Skulpturnyye obrazy rossiyskogo kupechestva v gorodskoy srede: monumentalnaya plastika ili art-obyekt? [Sculptural Images of Russian Merchants in the Urban Environment: Monumental Art or Art Object?] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy*. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2021. P. 171–178.
14. Poydina T.V., Bortnikov S.D. Monumentalno-dekorativnoye iskusstvo v kontekste transformatsii ego funktsiy [Monumental-Decorative Art from the Point of View of Transformation of its Functions] // *Mir nauki kultury obrazovaniya*. 2011. № 2 (27). P. 284–287.
15. Khomyakov A. I. Memorialy XXI veka: smysly obrazy i sredstva vyrazheniya [Memorials of the XXI Century: Meanings, Images and Means of Expression] // *Nauka. obrazovaniye i eksperimentalnoye proyektirovaniye*. 2020. P. 69–71.
16. Istomina V.N. Novyye tendentsii monumentalnogo iskusstva v arkhitekturnoy srede [New Trends in Monumental Art in Arhitekturnoy Environment] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy*. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2020. P. 37–42.
17. Mayevskaya M.E. Osobennosti prisutstviya traditsiy monumentalnogo iskusstva v prostranstve goroda XXI veka [Features of the Traditions of Monumental Art in the Space of the 21st Century City] // *Sovremennaya arkhitektura mira*. 2022. № 18. P. 49–69.
18. Goncharova N.G. Kontseptsii monumentalnogo iskusstva v sovremennom gorode (na primere g. Novosibirsk) [Concepts of Monumental Art in the Modern City (on the Example of Novosibirsk)] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy*. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2020. P. 285–292.

19. Prokhorov S.A., Shadurin A.V., Prokhorov N.S. Innovatsionnyye tekhnologii v monumentalno-dekorativnoy zhivopisi kak novyy khudozhestvenno-vizualnyy yazyk sozdaniya sovremennogo obraza arkhitekturnoy sredy [Innovative Technologies in Monumental-Decorative Painting as a New Artistic Visual Language to Create Modern Architectural Environment] // *Manuskript*. 2019. T. 12, № 12. P. 284–287.

20. Boyeva G.N. O chem govoryat novyye pamyatniki: ideologicheskiye aktsenty v landshafte goroda [What are the New Monuments Talking about: Ideological Accents in the Landscape of a City] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov*; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2021. P. 403–409.

21. Romanova E.O. Sovremennoye monumentalno-dekorativnoye iskusstvo: k voprosu o zakazchike i vostrebovanosti [Modern Monumental and Decorative Art: on the Issue of the Customer and Demand] // *Iskusstvo Evrazii*. 2019. № 2 (13). P. 173–184.

22. Lekus E.Y. Sovremennyy khudozhestvennyy obraz goroda: monumentalnaya skulptura v kontekste postistorii [The Modern Artistic Image of the City: Monumental Sculpture in the Context of Posthistory] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. 2024. № 1 (117). P. 87–99.

23. Baziyeva G.D. Khudozhestvennaya kommunikatsiya v monumentalnom iskusstve [Artistic Communication in Monumental Art] // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2020. P. 132–134.

24. Berkovich L.G., Pimenov V.I. Monumentalnoye i dekorativno-prikladnoye iskusstvo v dizayne arkhitekturnoy sredy [Monumental and Decorative-Applied Arts in the Design of the Architectural Environment] // *Aktualnyye problemy monumentalnogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov*; pod redaktsiyey D.O. Antipinoy. Saint Petersburg: SPbSUITD, 2021. P. 389–396.

Daria K. Zhdanova – Master's Degree Student of the Department of Architecture, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: zhd.dariia@gmail.com

Olga B. Tereshina – Cand. Sc. (Art of History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Architecture, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: tereshinaob@susu.ru

Received February 17, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жданова, Д. К. Современное монументальное искусство на примере анализа произведений XXI века / Д. К. Жданова, О. Б. Терешина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 48–54. DOI: 10.14529/ssh250306

FOR CITATION

Zhdanova D. K., Tereshina O. B. Modern monumental art as exemplified by the analysis of the works of the XXI century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 48–54. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250306

ИНДИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРОЦЕССЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЖИВОПИСИ БЕНГАЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. М. Логинова

*Екатеринбургский музей изобразительных искусств, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

На рубеже XIX и XX веков в Индии начинается процесс Бенгальского Возрождения, направленный на всестороннюю модернизацию общества и затрагивающий все сферы жизни населения страны. Зародившись в Калькутте, крупном культурном центре страны, а также столице Британской Индии до 1911 года, это явление нашло отражение в различных видах искусства, включая театр, музыку и литературу. Завершающим этапом поиска новой индийской культурной идентичности стало образование Бенгальской школы живописи – художественного движения и стиля, вобравшего в себя изобразительные традиции и художественные приемы как самой Индии, так и других стран Востока и Запада. Кроме того, в этот период в стране начинают работать различные творческие объединения и клубы. Одним из них стало Индийское общество восточного искусства, организованное художниками Абаниндранатом и Гаганендранатом Тагорами совместно с Эрнестом Бинфилдом Хавеллом, директором Калькуттской школы искусств. В статье рассматривается различная работа Индийского общества восточного искусства, как ключевого механизма, при помощи которого живопись Бенгальского Возрождения стала известна не только в Калькутте, но и по всей стране, а также в мире.

Ключевые слова: Бенгальская школа, Бенгальское Возрождение, искусство Индии, Индийское общество восточного искусства, живопись Индии.

Введение

Первая половина XX века – период коренных трансформаций в изобразительном искусстве Индии. В это время свое развитие получила Бенгальская школа¹ живописи во главе с художником Абаниндранатом Тагором. Живопись Бенгальского Возрождения была завершающим этапом Бенгальского Ренессанса, обширного процесса по модернизации всех сфер духовной и социальной жизни Индии, который часто трактуется как ответную реакцию на длительную колониальную политику Великобритании. Сердцем нового движения стала столица Британской Индии², Калькутта, именно там работали художники, писатели и поэты, задававшие направление движению по возрождению родной культуры [1]. Отличительной чертой изобразительного искусства Бенгальского Ренессанса стала ориентация на индийскую миниатюру, а также соединение приемов и техник живописи стран Западной Европы, Японии и Китая. Объединяя и переосмысляя изобразительные традиции разных культур, художники школы Абаниндраната Тагора создали новое течение, в котором органично переплетаются творческие поиски различных стран двух континентов [2].

Обзор литературы

Сегодня вопросы Бенгальского Ренессанса интересуют исследователей из разных областей науки. Литературоведы, социологи, историки и

искусствоведы рассматривают это явление, его предпосылки и процессы, повлиявшие на изменения индийского общества и культуры. Однако, несмотря на это, работы, посвященные путям популяризации Бенгальской школы живописи, остаются малочисленными. Деятельность различных сообществ Калькутты первой половины XX века рассматривается в работе Шептуновой Ирины Игоревны «Очерки истории эстетической мысли Индии в новое и новейшее время» [3], в которой в том числе описан культурный контекст страны в указанный период. Автором данной работы была опубликована статья «Журнал MARG как один из источников художественной жизни Индии 1930–1950 годов» [4], в которой рассматривается роль журнала Marg в процессе становления художественной критики, а также как одного из инструментов по распространению информации о работах художников региона. Деятельность отдельных объединений также была освещена в опубликованной в 2024 году кандидатской диссертации Кузиной Елизаветы Олеговны «Ключевые течения в изобразительном искусстве Индии 1940–1970-х годов: истоки, формирование, компоненты художественного метода» [5]. Однако видится, что на сегодняшний момент остаются малочисленными работы, посвященные непосредственно тому, при помощи каких инструментов живопись Бенгальского Возрождения стала известна не только в Калькутте, но и по всей стране [2]. Исследование процессов распространения и популяризации работ художников Бенгальского

¹ В данной статье понятия Бенгальская школа и живопись Бенгальского Возрождения выступают синонимами

² Калькутта была столицей Британской Индии до 1911 года.

Возрождения важно для понимания культурного контекста Индии первой половины XX столетия, а также позволит более углубленно изучить зарождение нового изобразительного языка региона, в русле которого зародилось искусство индийского модернизма.

Методы исследования

В настоящей статье применен историографический подход исследования, позволяющий проанализировать работу Индийского общества восточного искусства.

Результаты и дискуссия

В первой четверти XX столетия в Бенгалии начинают свою работу различные художественные клубы и объединения. Одним из первых подобных сообществ стало Индийское общество восточного искусства, организованное в 1907 году. Его основателями стали художники Абаниндрнат и Гаганендрнат Тагоры совместно с директором Калькуттской школы искусств Эрнестом Бинфилдом Хавеллом [6]. Одной из целей нового культурного сообщества стало изучение и пропаганда современного восточного искусства [3], в том числе новой бенгальской живописи.

Толчком для создания сообщества стали последовательные выставки А. Тагора в стенах Государственной художественной школы в Калькутте, а спонсорами выступили европейские ценители, любители живописи Бенгальского Возрождения, жившие в столице Британской Индии, заинтересованные в развитии нового направления искусства и интересующиеся произведениями Абаниндрната и Гаганендрната Тагоров, а также Нандалала Боса и Сурендрната Ганголи. В начале работы Общества в организацию, помимо основателей, входило 12 человек, а именно: лорд Горацио Герберт Китченер, калькуттские судьи Вундрофф, Рампини, Холмвуд и Ашутос Чаудхури, шведские коммерсанты Рюбосон и Мюллер, английский джутовый брокер К. Норман Блаунт, журналист и заминдар махараджа Джагадиндрнатх Рой, махараджаджираджа Биджай Чанд Махтаб, адвокат Дж. Чаудхури и Сурендрнат Тагор [2].

Главной работой Общества стало распространение и популяризация Бенгальской школы живописи – современного искусства региона. С этой целью организация вела активную деятельность по нескольким направлениям, ключевым из которых была организация выставок как в самой Калькутте, сердце Бенгальского Возрождения, культурном центре своего времени, так и по всей Индии и за ее пределами. Благодаря этому широкая общественность имела возможность познакомиться с работами художников школы Абаниндрната Тагора, что влияло на рост их популярности.

В качестве примеров знаковых проектов, способствующих популяризации нового искусства региона, можно назвать выставки в Лондоне 1911 года, в Париже 1914 года и 14-ю ежегодную вы-

ставку Индийского общества восточного искусства, проведенную в Калькутте в 1922 году. Так, уже упомянутая выставка в Лондоне, проведенная в рамках Фестиваля Империи, была важным шагом на пути распространения идей и произведений калькуттских художников. Фестиваль Империи был открыт 12 мая 1911 года в Хрустальном дворце и стал одним из мероприятий, посвященных коронации Георга V. На фестивале были представлены произведения искусства со всех территорий, подчиняющихся Короне, включая доминионы. В организации Индийской секции участвовало Индийское общество любителей востока, в частности Э. Б. Хавелл [7]. Пространство было поделено на четыре раздела: 1 – история Индии и ее жителей в разные периоды; 2 – повседневная жизнь людей; 3 – искусство Индии; 4 – прогресс в последнее время. В путеводителе по Индийской секции была опубликована статья Ананды Кумарасвами, посвященная картине Абаниндрната Тагора «Индийская школа», которая также была представлена на фестивале [7].

В каталоге выставки А. Кумарасвами говорил, что «работа современной школы индийских художников в Калькутте – это этап национального пробуждения» [8]. Автор кратко описывал сотрудничество Абаниндрната Тагора и Э. Б. Хавелла, а также деятельность Бенгальской школы, некоторых учеников и соратников художника: Нандалала Боса, Сурендрната Ганголи, Ишвари Прасада, Гаганендрната Тагора, Венкату Аппу – и «самых известных из младших студентов» [8], Асита Кумара Хайдара, Хакима М. Хана, Самарендрнатха Гупту [8]. При этом подчеркивалось, что вышперечисленные художники получили большую помощь от членов организации.

Важную роль в процессе знакомства мировой общественности с современным индийским искусством сыграла выставка 1914 года в Париже, организованная Индийским обществом восточного искусства. Проект стал первой выставкой индийского современного искусства на европейском континенте и познакомил западного зрителя с новым искусством региона. Среди экспонируемых произведений можно отметить работу Абаниндрната Тагора «Tissarakshita, Queen of Asoka» (рис. 1), которая на момент выставки уже хранилась в личном собрании королевы Марии [9]³.

Важное значение для популяризации живописи Бенгальского Ренессанса имела 14-я ежегодная выставка Индийского общества восточного искусства, открывшаяся в Калькутте 23 декабря 1922 года [10]. На ней были представлены картины учеников и учителей Баухауса [11], а также произведения художников Бенгальской школы: Абанин-

³ Королеве понравилась «Tissarakshita, Queen of Asoka» на выставке Индийского общества восточного искусства в Калькутте в 1911 году. После этого картина была подарена королеве Марии вице-королевой леди Хардиндж.

драната Тагора, Нандалала Боса, Гаганендраната Тагора и других [10]. Впервые работы европейских и индийских художников были выставлены в одном пространстве, вписаны в единую экспозиционную канву [2]. Проект имел большое значение как для последующего развития модернизма в регионе (выставка стала точкой отсчета этого движения [12]), так и для художественного диалога между Индией и Германией. Выставка привлекла внимание мировой общественности и не только познакомила широкую публику с произведениями художников региона, но и способствовала вписанию Бенгальской школы в общемировой художественный контекст.

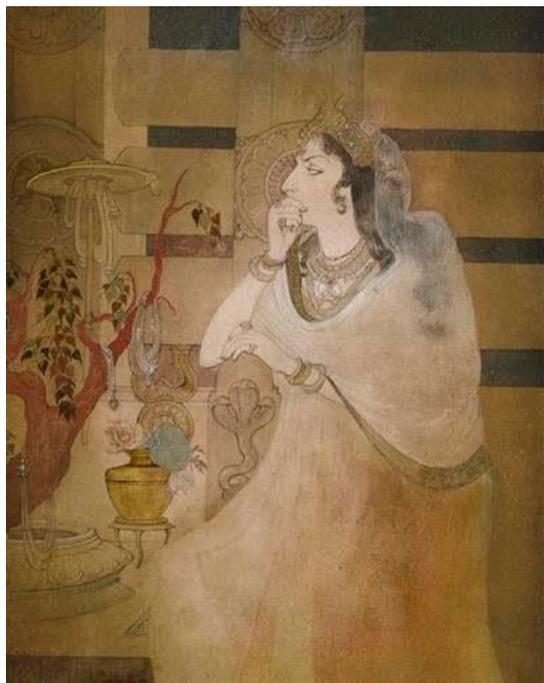

Рис. 1. Абаниндранат Тагор. Тиссаракшита, царица Ашоки. 29.12.1911. Royal collection trust
Fig. 1. Abanindranath Tagore. Tissarakshita, Queen of Asoka. 29.12.1911. Royal collection trust

Обзоры выставок Общества, выходявшие на страницах журналов *New India* и *The Statesman*, были призваны рассказать о движении по всей стране. Публикация обзоров на страницах *New India* происходила под патронажем организатора большинства выставочных проектов объединения, а также помощника редактора журнала доктора Джеймса Х. Казинсонсона. Авторами многих статей выступили ранее упомянутый сэр Джон Вунрофф и О. К. Ганголи, почетный секретарь, а после вице-президент организации.

Кроме того, Общество публиковало собственное издание – “*Journal of the Indian society oriental art*” (Журнал Индийского общества восточного искусства) (рис. 2), в котором также печатались статьи о современном искусстве Востока. “*Journal of the Indian society oriental art*” (Журнал Индийского общества восточного ис-

кусства) впервые вышел в свет в 1933 году. Редакторами издания стали Абаниндранат Тагор и историк искусств Стелла Крамриш. Подчеркнем, что популярности изданий способствовали англоязычные [12, 13] и немецкоязычные статьи Крамриш.

Еще одним изданием Объединения был ежеквартальный журнал “*Rupam*” (рис. 3), основанный в 1920 году⁴ [14]. Идея создания журнала была поддержана в 1919 году губернатором Бенгалии графом Рональдсей⁵, который учредил издательский грант от правительства для спонсирования “*Rupam*” и рекомендовал в качестве редактора Ордендру Кумара Ганголи. Как редактор, Ордендра Кумар писал вводную статью к каждому номеру журнала и отвечал за публикацию последних новостей из области искусства и культуры Востока. В каждом выпуске издания было минимум четыре статьи (некоторые из них могли представлять собой эссе) за авторством искусствоведов и исследователей [14]. Помимо этого, “*Rupam*” был площадкой для дискуссий и рассуждений художников Бенгальской школы, тем самым распространяя идеи мастеров и укрепляя положение творческого объединения как важного центра современного искусства страны.

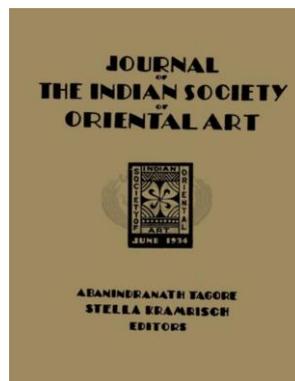

Рис. 2. Обложка Журнала Индийского общества восточного искусства. Vol. II, № 1. 1934
Fig. 2. Cover of the Journal of the Indian Society of Oriental Art. Vol. II, № 1. 1934

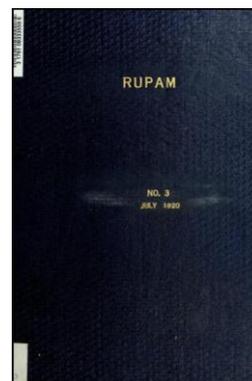

Рис. 3. Обложка журнала «Рупам». № 3. 1920
Fig. 3. Cover of the “Rupam”. № 3. 1920

Еще одним путем популяризации Бенгальской школы стала регулярная публикация работ современных художников в известных журналах “*Pravasi*” и “*The Modern Review*”. Помимо репродукций в изданиях помещались фотографии картин, которые были выполнены в первой и крупнейшей студии Калькутты – компании *Jonson&Hoffmann* (основана в 1882 году П. А. Джонстоном и Теодором

⁴ Журнал был закрыт в 1931 году.

⁵ Лоуренс Джон Ламли Дандас, 2-й маркиз Шетланд был губернатором Бенгалии с 1917 по 1922 год и государственным секретарем Индии с 1935 по 1940 год.

Джулиусом Хоффманном). Компания была под патронажем Общества, заинтересованного в качественной и точной передаче произведений, нюансов светотени и цвета [2]. Как отмечает Ордендра Кумар Ганголи [6], на ранних этапах работы по воспроизведению картин Общество обратилось к технике ксилографии («японский процесс окрашивания деревянных блоков» [6]). Среди воспроизведенных таким способом изображений можно назвать работы “Feast of Lamps” Абаниндраната Тагора (рис. 4), “Kartikea” Сурендраната Ганголи и опубликованную в японском издании “Kokka”, “Sati” Нандалала Боса. После этого опыта Общество при поддержке журналиста Рамананды Чаттерджи обратилось к методу воспроизведения изображений при помощи цветных пластин, однако местные фирмы не могли передать цвет работ художников Бенгальской школы, поэтому объединение обратилось к лондонским фирмам граверов Карла Хентхеля и Эмери Уокера, чьи способы воспроизведения изображений позволяли показать всю красоту индийской живописи. Так, среди опубликованных репродукций можно назвать ранее упомянутую “Tissarakshita, Queen of Asoka”, а также “Feed the Living God” кисти А. Тагора, “Chaitanya”, “Radha and Krishna” Кшитиндраната Мазумдара, а среди фотографий выделить “Jagai Madhai” (рис. 5), “The Choice of Damayanti”, “The Vow of Bhishma” Нандалала Боса.

Помимо организации выставок художников и популяризации их искусства при помощи прессы, сообщество открыло новую точку притяжения в Бенгалии – дом Индийского общества восточного искусства. Дом Общества включал в себя художественную школу, где ученикам преподавали живопись и скульптуру, а также выставочные залы. Руководителями школы стали основатели Индийского общества – Абаниндранат и Гаганендранат Тагоры, под их руководством Нандалал Бос и Кшитиндранатх Мазумдар обучали учеников живописи. В Доме регулярно проходили выставки учеников школы, а также состоявшихся художников Индии и других стран. Нередко в Доме выставлялись произведения самого Абаниндраната Тагора и художников его Бенгальской школы. Это делало выставочные залы дома Индийского общества важной и интересной площадкой, показывающей зрителям не только современную живопись Калькутты, признанных мастеров и молодых авторов, но и другие художественные школы и направления, ранее малоизвестные в Бенгалии [2]. Таким образом, дом Общества стал новым культурным центром Калькутты, транслирующим творческие поиски не только признанных мастеров, но и молодых художников, а также продолжал работу по популяризации современной живописи и возвращению нового поколения художников в русле Бенгальской школы.

Рис. 4. Абаниндранат Тагор. Фестиваль ламп. 1907. Christie's
Fig. 4. Abanindranath Tagore. Feast of Lamps. 1907. Christie's

Рис. 5. Нандалал Бос. Джагай-Мадхай. 1910. Sotheby's
Fig. 5. Nandalal Bose. Jagai Madhai. 1910. Sotheby's

Выводы

Индийское общество восточного искусства сыграло важную роль в процессе популяризации и распространения живописи и идей Бенгальского Возрождения. Благодаря их регулярной и планомерной работе было проведено множество выставок бенгальских художников по всей Индии, включая Бенарес, Лакхнау, Лахор, Бомбей, Мадрас, Бангалор и Цейлон. Помимо этого, Общество вело выставочную деятельность за рубежом, знакомя с современным индийским искусством миро-

вую общественность. Большую роль в процессе популяризации Бенгальской школы сыграли обзоры экспозиций в прессе, репродукции и фотографии произведений художников. Все это вместе позволило живописи Бенгальского Возрождения обрести известность за пределами Калькутты и стать открытием как для индийской, так и для мировой публики. Работа Общества стала основой для дальнейшего развития современного искусства в регионе [2]. Деятельность Индийского общества восточного искусства стала тем инструментом, который позволил художникам Бенгальской школы громко заявить о себе и своем искусстве на территории всей страны, а в дальнейшем и мира [2].

Литература

1. Шептунова, И. И. Живопись Бенгальского Возрождения / И. И. Шептунова. – М.: Наука, 1978. – 127 с.
2. Логонова, А. М. Роль Индийского общества восточного искусства в процессе популяризации живописи Бенгальского Возрождения / А. М. Логонова // Раздвигая границы ойкумены: от искусства Семи долин до Великого Шелкового пути : материалы Второй Международной научной конференции «Искусство Востока и Восток в искусстве» (ИВВИ / АЕЕА 2) ; сост. Н. В. Сафонова, В. В. Бачинский ; отв. ред. Д. В. Дубровская. – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2023. – С. 89–90.
3. Шептунова, И. И. Очерки истории эстетической мысли Индии в новое и новейшее время / И. И. Шептунова. – М.: Наука, 1984. 189 с.
4. Логонова, А. М. Журнал Marg как один из источников художественной жизни Индии 1930–1950-х гг. / А. М. Логонова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2024. – № 54. – С. 155–167.
5. Кузина, Е. О. Ключевые течения в изобразительном искусстве Индии 1940–1970-х годов: истоки, формирование, компоненты художественного метода : дис. ... канд. искусствоведения / Е. О. Кузина. – URL: <https://sias.ru/research/dissoverts/>.
6. Gangoly, O. C. Indian Society of Oriental Art: Its Early Days / O. C. Gangoly // Journal of the Indian Society of Oriental Art. Calcutta, November 1961. – URL: <https://criticalcollective.in/ArtistGInner2.aspx?Aid=292&Eid=291>.
7. Festival of Empire, 1911. The Open University. – URL: <https://www.open.ac.uk/researchprojects/makingbritain/content/festival-empire-1911>.
8. Hendley, T. H. The journal of Indian art and industry festival of Empire and imperial exhibition, 1911, Indian section. P. 140. – URL: <https://archive.org/details/dli.csl.7266/page/n139/mode/2up>.
9. Abanindranath Tagore. Tissarakshita, Queen of Asoka. Royal collection trust. – URL: <https://www.rct.uk/collection/themes/exhibitions/eastern-encounters/the-queens-gallery-palace-of-holyhoodhouse/tissarakshita-queen-of-asoka>.
10. Логонова, А. М. Первая выставка Баухауса в Калькутте как точка отсчета индийского модернизма / А. М. Логонова // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания : 6-й молодежный конвент УрФУ : материалы международной конференции. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2021. – С. 265–267. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/120757>.
11. Izquierdo de la Viña, S. Afinidades e intercambios: El encuentro entre la Escuela de Bengala y la Bauhaus a través de dos exposiciones (Calcuta 1922 – Berlín 1923) / S. Izquierdo de la Viña // Boletín de Arte-UMA. – 2018. – № 39. – P. 125–138. – URL: https://www.academia.edu/37492864/Afinidades_e_intercambios_El_encuentro_entre_la_Escuela_de_Bengala_y_la_Bauhaus_a_trav%C3%A9s_de_dos_exposiciones_Calcuta_1922_Berl%C3%ADn_1923_.
12. Mitter, P. The Triumph of Modernism: India's Artists and the Avant-Garde, 1922–1947 / P. Mitter. – Oxford University Press, 2007. – 271 p.
13. Kramrisch, S. The Aesthetics of Young India: A Rejoinder / S. Kramrisch // Rūpam: An Illustrated Quarterly Journal of Oriental Art. – 1922. – № 10. – P. 66–67.
14. Kramrisch, S. An Indian Cubist / S. Kramrisch // Rūpam: An Illustrated Quarterly Journal of Oriental Art. – 1922. – № 11. – P. 107–109.
15. Rupam Magazine / MAP Academy. An online resource for South Asian art histories. – URL: <https://mapacademy.io/article/rupam-magazine/>.

Логонова Арина Михайловна – старший научный сотрудник, Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург), e-mail: arinaloginova42@gmail.com

Поступила в редакцию 16 декабря 2024 г.

INDIAN SOCIETY OF ORIENTAL ART AS A KEY TOOL IN THE PROCESS OF POPULARIZING BENGAL RENAISSANCE PAINTING

A. M. Loginova

Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Ekaterinburg, Russian Federation

At the turn of the 19th and 20th centuries, the Bengal Renaissance began in India, aimed at a comprehensive modernization of society and affecting all spheres of life of the country's population. Originating in Calcutta, a major cultural center of the country and the capital of British India until 1911, this phenomenon was reflected in various forms of art, including theater, music, and literature. The final stage of the search for a new Indian cultural identity was the formation of the Bengal School of Painting, an artistic movement and style that incorporated the visual traditions and artistic techniques of both India and other countries of the East and West. In addition, during this period, various creative associations and clubs began to operate in the country. One of them was the Indian Society of Oriental Art, organized by artists Abanindranath and Gaganendranath Tagore together with Ernest Binfield Havell, director of the Calcutta School of Art.

The article examines the various activities of the Indian Society of Oriental Art as a key mechanism through which Bengal Renaissance painting became known not only in Calcutta but throughout the country and the world.

Keywords: Bengal school, Bengal Renaissance, art of India, Indian Society of Oriental Art, Indian painting.

References

1. Sheptunova I.I. Zhivopis' Bengal'skogo Vozrozhdeniya [Painting of the Bengal Renaissance]. Moscow: Science, 1978. 127 p.
2. Loginova A.M. Rol' Indiy'skogo obshchestva vostochnogo iskusstva v protsesse populyarizatsii zhivopisi Bengal'skogo Vozrozhdeniya [The Role of the Indian Society of Oriental Art in the Process of Popularization of Bengal Renaissance Painting] // *Razdvigaya granitsy oykumeny: ot iskusstva Semi dolin do Velikogo Shelkovogo puti: materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Iskusstvo Vostoka i Vostok v iskusstve"* (IVVI / AEEA 2); sost. N.V. Safonova, V.V. Bachinskiy; otv. red. D. V. Dubrovskaya. Moscow: RAS, 2023. 338 p.
3. Sheptunova I.I. Ocherki istorii esteticheskoy mysli Indii v novoye i noveysheye vremena [Essays on the History of Aesthetic Thought in India in Modern and Contemporary Times]. Moscow: Science, 1984. 189 p.
4. Loginova A.M. Zhurnal Marg kak odin iz istochnikov khudozhestvennoy zhizni Indii 1930–1950-kh gg. [Marg Magazine as One of the Sources of Artistic Life in India in the 1930s–1950s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*. 2024. № 54. P. 155–167.
5. Kuzina E.O. Klyuchevyye techeniya v izobrazitel'nom iskusstve Indii 1940–1970-kh godov: istoki, formirovaniye, komponenty khudozhestvennogo metoda [Key Trends in the Fine Arts of India in the 1940s–1970s: Origins, Formation, Components of the Artistic Method]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. URL: <https://sias.ru/research/dissovets/>.
6. Gangoly O.C. Indian Society of Oriental Art: Its Early Days // *Journal of the Indian Society of Oriental Art*. Calcutta, November 1961. URL: <https://criticalcollective.in/ArtistGInner2.aspx?Aid=292&Eid=291>.
7. Festival of Empire, 1911. The Open University. URL: <https://www.open.ac.uk/researchprojects/makingbritain/content/festival-empire-1911>.
8. Hendley T.H. The journal of Indian art and industry festival of Empire and imperial exhibition, 1911, Indian section. P. 140 URL: <https://archive.org/details/dli.csl.7266/page/n139/mode/2up>.
9. Abanindranath Tagore. Tissarakshita, Queen of Asoka. Royal collection trust. URL: <https://www.rct.uk/collection/themes/exhibitions/eastern-encounters/the-queens-gallery-palace-of-holyroodhouse/tissarakshita-queen-of-asoka>.
10. Loginova A.M. Pervaya vystavka Baukhauza v Kal'kutte kak tochka otscheta indiy'skogo modernizma [The First Bauhaus Exhibition in Calcutta as a Starting Point of Indian Modernism] // *Global'nyye vyzovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivy razvitiya sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: 6-y molodezhnyy konvent UrFU: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2021. P. 265–267. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/120757>.

11. Izquierdo de la Viña, S. Afinidades e intercambios: El encuentro entre la Escuela de Bengala y la Bauhaus a través de dos exposiciones (Calcuta 1922 – Berlín 1923) // *Boletín de Arte-UMA*. 2018. № 39. P. 125–138. 2018. URL: https://www.academia.edu/37492864/Afinidades_e_intercambios_El_encuentro_entre_la_Escuela_de_Bengala_y_la_Bauhaus_a_trav%C3%A9s_de_dos_exposiciones_Calcuta_1922_Berl%C3%ADn_1923_.
12. Mitter P. *The Triumph of Modernism: India's Artists and the Avant-Garde, 1922–1947*. Oxford University Press, 2007. 271 p.
13. Kramrisch S. The Aesthetics of Young India: A Rejoinder // *Rupam: An Illustrated Quarterly Journal of Oriental Art*. 1922. № 10. P. 66–67.
14. Kramrisch S. An Indian Cubist // *Rupam: An Illustrated Quarterly Journal of Oriental Art*. 1922. № 11. P. 107–109.
15. Rupam Magazine. MAP Academy. An online resource for South Asian art histories. URL: <https://mapacademy.io/article/rupam-magazine/>.

Arina M. Loginova – Senior Researcher, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg), e-mail: arinaloginova42@gmail.com

Received December 16, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Логинава, А. М. Индийское общество восточного искусства как ключевой инструмент в процессе популяризации живописи Бенгальского Возрождения / А. М. Логинава // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 55–61. DOI: 10.14529/ssh250307

FOR CITATION

Loginova A. M. Indian Society of Oriental Art as a key tool in the process of popularizing Bengal Renaissance painting. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 55–61. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250307

К ПРОБЛЕМЕ НЕГАТИВНОЙ АКСИОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ч. А. Горбачевский

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В данной статье в проекции взгляда представителей отечественной литературной и религиозно-философской критики рубежа XIX–XX вв. (в диапазоне от В. В. Розанова до А. Ф. Loseва) интерпретируется ряд образов персонажей художественного мира Ф. М. Достоевского с точки зрения различных аксиологических подходов и ценностей. Пристальное внимание уделено ложно понимаемой свободе, ее подмене своеволием / безграничной свободой рядом персонажей Ф. М. Достоевского: Раскольниковым из «Преступления и наказания», подпольным парадоксалистом повести «Записки из подполья» и персонажами романа «Бесы» Петром Верховенским, Шигалевым и Кирилловым. Рассматривается специфика каждой из этих подмен, истоки ее формирования, эволюция, связь с верой и атеизмом, парадоксальность и итоговые результаты подобной субституции. Неудавшиеся антропологические эксперименты героев Ф. М. Достоевского – это попытки выйти за границы человечности. В персонажах-своевольцах Ф. М. Достоевский показывает ужасающие пределы, к которым стремятся некоторые из его персонажей, вставших на путь бунта, самозванного деспотичного права или религиозного атеизма. Такой выбор часто обращается в пародию на свободу, а религиозный бунт превращается в карикатуру силы.

Ключевые слова: антропология, аксиология, идея, категория свободы, своеволие.

Введение

К аксиологическим проблемам и к осознанию субъективно-личностных начал в действиях персонажей художественных текстов обращались многие отечественные писатели в классический период русской литературы (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и др.). Особое место в этом ряду принадлежит творчеству Достоевского. Система ценностей в произведениях Достоевского уникальна и является одним из ключей к философскому и общему концептуальному пониманию художественных и публицистических текстов писателя.

Изучение аксиологии в художественном мире Достоевского представителями литературно-философской критики началось вместе с появлением «аксиологической традиции» в отечественной философии на рубеже XIX–XX столетий.

В поле нашего зрения попали такие представители литературно-философского духовного ренессанса, сделавшие предметом внимания ценностные категории в произведениях Достоевского (жизнь и смерть, добро и зло, смирение и гордыня, свобода и рабство (неволя), любовь и ненависть, вера и неверие, «сердечное веселие», молитва, истина и др.), как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, И. И. Лапшин, А. Ф. Loseв, Н. О. Лосский, Д. С. Мережковский, К. Мочульский, В. Ф. Переверзев, В. В. Розанов, Ф. А. Степун, Г. Флоровский, С. Л. Франк и др.

Целью статьи является анализ части аспектов негативной аксиологии ряда ключевых героев Достоевского сквозь философско-антропологическую призму взглядов представителей русского духовного ренессанса рубежа XIX–XX веков.

Обзор литературы

Широкое изучение аксиологии Достоевского, связанное с религиозной составляющей творчества писателя, началось на рубеже 1980–1990 гг. К исследованию аксиологии в различных ее аспектах у Достоевского в разные времена обращались самые разные исследователи (Антоний (Храповицкий), В. Г. Безносков, А. Л. Бем, В. В. Ерофеев, И. А. Есаулов, Иустин (Попович), Т. А. Касаткина, О. Н. Осмоловский, Г. С. Померанц, П. Е. Фокин, Е. П. Червинскене, О. фон Шульц и мн. др.).

Из последнего отметим лишь некоторые из работ, имеющие прямое отношение к системе ценностей Достоевского. В. В. Неганов отмечает христианскую аксиологию Достоевского, проявляемую посредством созерцания и рассудительного изучения «нравственного воспитания и преобразования» [1, с. 30]. Я. В. Кушнаренко акцентирует внимание на православной аксиологии в контексте творчества писателя [2]. Е. В. Кузнецова анализирует художественную аксиологию в романе «Идиот» [3]. О. Д. Кошелева исследует систему ценностей в «Дневнике писателя» [4]. Д. А. Богач интерпретирует аксиологию природы, справедливо утверждая, что аксиологическое изучение природы «помогает по-новому понять острые проблемы» романов Достоевского [5, с. 17]. А. Н. Кошечко пишет о религиозной и атеистической аксиологии в «Бесах» [6]. О. О. Барышникова затрагивает проблему женского идеала в контексте аксиологических аспектов писателя [7] и др.

Методы исследования

Безусловно важной составляющей в понимании художественного мира Достоевского является

система ценностей, представленная как целостно, т. е. во всем творчестве писателя в целом, так и отдельными составляющими его аспектами. Для реализации цели настоящей статьи мы использовали типологический и сравнительно-типологический подходы при анализе отдельных образов писателя в границах заданной аксиологической сферы, включающей в себя концепции, ключевые для понимания художественных и философских идей, представленных в ряде прозаических текстов Достоевского. Также к работе привлекались методические приемы (системный и проблемный), связанные с целостным анализом художественного произведения.

Результаты и дискуссия

Одной из основных ценностей в художественном мире Достоевского является свобода. Писатель понимал её необходимость, правду, но вместе с тем и трудность в жизненном воплощении.

Целенаправленное художественное осмысление категории свободы писатель начинает с «Записок из подполья». Свобода подпольного антигероя, намеревающегося выйти за собственные пределы и проверить возможность совершения преступлений во имя высших ценностей, не знает границ. Метафизика поступков подпольного парадоксалиста определяется неудержимым желанием быть и оставаться собой. В глубине его натуры просыпается вывернутое наизнанку шестое чувство, уничтожающее любое незыблемое положение и любую общепринятую формулу. В своевольном желании, по его мнению, человеческая индивидуальность не умирает, а темная иррациональная сила, обретаемая в человеческом сердце, и сознание личной свободы сильнее спокойного блаженства [8, с. 246]. Зачастую желание иррационального в любом его виде совершается по причине настоящей потребности утвердить свою волю, поскольку свободный человеческий путь берет начало в крайнем индивидуализме и бунте против внешнего устройства мира; получает развитие гипертрофированное самолюбивое подполье; становится видимым раскрывающий свою диалектику «подпольный человек» со всем набором недостатков и пороков [9, с. 128]. Этот внутренний тайный человек восстает против установленных порядков во имя принципа, отвергающего всяческие авторитеты. Он не принимает рациональной логики, отрицающей свободу в обусловленном мире, где несвободный человек более прост и понятен. Такая рациональная логика с деформированной системой свободы как, например, у Шигаева в «Бесах» и Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» составляют костяк диктаторских режимов всех времен.

Иррациональный подход подпольного человека к окружающему миру вскрывает парадоксы в его силлогизмах, в которых мысли опровергают друг друга, доказывая скрытую глубоко в челове-

ческой природе необходимость в бунте и своеволии. Произвол подпольного антигероя деградирует в направлении метафизического деспотизма и бессодержательной свободы.

Подпольный парадоксалист прячется от реальности в бездне собственных тайных претензий к ней, как в особую призрачную область, становясь жертвой неизвестной обусловленности. Он не смог успокоить внутренние конфликты, его субъективное сознание пошло на поводу у внутреннего, алогичного многоголосия. В «гипогенной» сущности произошел разлад между чувственным восприятием и логическим сознанием. Свобода оказалась далекой от цельности, не знающие границ своеволие и бунт привели подпольного человека к деградации свободы, трагическому распаду и разложению личности, мутировали во внутреннюю дезориентацию и в полное обезличивание человека [2, с. 13].

Структура повествования ряда произведений Достоевского пропитана образцами разнообразных проявлений своеволия, произвола и деспотизма: в диапазоне от курьезного Фомы Опискина до Великого инквизитора с его всеохватывающей практической программой всеобщей «правильной жизни», в которой «вместо всеобщей любви между людьми, все будут любить Инквизитора и его избранных» [10, с. 239].

Специфика свободы Петра Верховенского по ряду характерных признаков отличается от специфики своеволия подпольного парадоксалиста. Свободу духа Верховенский стремится обрести посредством «свежей кровушки» [11, т. 10, с. 325]. Петр Степанович – натура творческая и весьма активная, трактующая людей на манер «шашек в шахматном ходе» [12, с. 22]. В представлении о свободе Верховенский склоняется к самозваному деспотичному праву, разрешая себе любое бесчинство и безобразие. Понятая таким образом мораль вполне оправдывает его действия. Находясь в состоянии, связанном ложными этическими установками, Верховенский ищет удобный способ уничтожения не принимаемого им окружающего мира.

По мнению Д. Мережковского, Верховенский – личность пророческая, предварившая русских революционеров [8, с. 105]. А Ф. Степун в Верховенском видит всеобъемлющий образ темного провокатора [13, с. 317].

С социологических позиций вывернутую наизнанку свободу, связанную с известным положением «среда заела», критиковал В. Переверзев, утверждая, что Федька Каторжный из тех же «Бесов» сможет уважать чью-то личность только тогда, когда родится в другой среде [14, с. 579–580]. Очевидно, что подобная социологическая позиция вовсе не безупречна, но все же содержит и разумную основу. Достоевский утверждал в «Дневнике писателя», что положением «среда виновата»

можно оправдать самые жестокие преступления, совершаемые в порыве благородного протеста.

Верховенский мнит себя сверхчеловеком, имеющим право на убийства. Он последователен в мысли о том, что, чем больше мера своеволия, тем меньше этических границ и больше свободы [15, с. 383]. В действительности, отступив от собственного *я*, он превратился в бессодержательную единицу, попал в зависимость от стихийных внешних сил, вовлек в смертельный круговорот всех, связанных с ним [16, с. 185].

Художественная эволюция Верховенского, а вместе с ней эволюция его своеволия не закончились чем-то положительным, осознанием собственной неправоты, пагубности действий для окружающих. Напротив, демоническая активность, безумные намерения и помрачившееся сознание превратили его в невольника мрачных страстей, избавивших его от власти над собой.

Другой теоретик создания всеобщего счастья посредством насильственного обезличивания – Шигалев. В образе мироздания Шигалева абсолютная свобода и произвол являются звеньями одной нигилистической цепи, в которой свободная малая часть человечества имеет право принудить к рабству остальную, большую часть. По сути, та же арифметическая идея, что и у Раскольникова: одна никому не нужная смерть способна окупить сто полезных жизней. Свообразная диктаторско-абсолютистская система Шигалева издевается над демократией и свободой, утверждая отрицание общепринятых норм и становясь провозвестником «рабства под знаменем свободы» [17, с. 67].

В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский писал о недвусмысленных принципах нигилиста и революционера Нечаева, что организация (ассоциация, общество), в которой шпионят и доносят друг на друга, вправе прибегать ко лжи, убийству и обману для высшей цели и своей победы.

В рукописных редакциях к «Преступлению и наказанию» Достоевский говорит о безжизненном «механизме» как главной цели механического общества / социализма, называя такой процесс «китайщиной», в которой человек с живой душой попросту исчезает, устраняется.

Человеческий муравейник для Шигалева – необходимое итоговое звено в строительстве здания всеобщего благоденствия, в котором не останется места всевозможным чужакам, мешающим возводить идеальный социум. Форма общественного устройства Шигалева может позволить человеческому поголовью демократию, осчастливить его, и в этом смысле она позволит устроиться в муравейнике, но на своих правах. В этой свободе наизнанку все вперемешку: презираемые люди, муравейник превращаются в ступени одной лестницы, а своеволие и свобода тирана всего лишь видимость, в которой сам тиран – раб окружения, готового в подходящий момент устранить своего

хозяина [18, с. 418]. По мысли Сократа, тиран является рабом угодливости и страха, поскольку сходен со строем управляемого им государства [19, с. 734].

В образе Шигалева представлен исторический гностик, утверждающий, что абсолютная свобода кровно связана с деспотизмом избранных, «имеющих право» [20, с. 156]. И Шигалев, оправдывая эгоистическое своеволие, причисляет себя к числу право имеющих.

Идеал Шигалева соответствует идее Раскольникова о власти над общим муравейником и над каждой дрожащей тварью в отдельности. По сути, это тоже шигалевщина, но иначе выраженная. В шигалевщине Раскольникова есть отличие от таковой Верховенского. Отличие связано с сомнениями Раскольникова по поводу своей возможности «преступить». У Верховенского подобных вопросов никогда и не было.

Ничем не сдерживаемая свобода вместе с неограниченным деспотизмом являются квинтэссенцией изобретенной Шигалевым мрачной системы общественного порядка, основанного на утопических идеях достижения всеобщего блага.

Промежуточные выводы об эволюции негативной свободы, вместе с тем и об аксиологической проблематике, выглядят следующим образом. Если размышления подпольного человека свидетельствуют о глубинной потребности человека в бунте и подтверждают тезис о свободе как иррациональной силе, нуждающейся в контроле, то Шигалев и Верховенский обличие свободы находят в неуправляемом, нигилистическом возмущении («пожаре») в умах. При этом своеволие может быть выше личного благополучия и приводить персонажей Достоевского к трагедии – самоубийству.

Одной из краеугольных тем всего творчества Достоевского является проблема экзистенциального присутствия человека в мире. Проблему эту невозможно представить без проекции взгляда на свободу. В пределах этой проекции Достоевский рассматривал самоубийство как ключевую нравственную проблему человека.

На страницах самых разных текстов (художественных, подготовительных материалов к ним, публицистики) писатель приводит множество причин и примеров трагического сведения счетов с жизнью. В этом длинном ряду находится самоубийство Кириллова, совершённого по причине своеволия.

Алексей Кириллов в определенном смысле продолжатель логических построений подпольного антигероя. Он высказывается о необходимом существовании Бога, но вместе с тем утверждает, что Его нет. Такая антиномия лежит в основе запутанной метафизики самоубийства [21, с. 335]. Вместе с тем, противоречивые слова Кириллова о существовании Бога подтверждают двойственность его религиозной природы. Непостижимость

многих персонажей Достоевского в том, что его атеисты не безусловно неверующие [22, с. 379]. По словам В. Зеньковского, о тайне свободы могут знать не только богобоязненные, но и бунтующие против Него [23, с. 341]¹. Нигилистическое сознание Кириллова зрит себя в образе человекобога. Ему кажется, что он, как новый человек, способен сделать мир лучше. Нужно лишь при необходимости уметь переступить через этическую границу прежнего человека-раба [24, с. 23]. В Кириллове рождается логический самоубийца, пытающийся избавить человечество от Бога. После избавления он собирается добиться в земной жизни перерождения и стать двойником Христа [25, с. 19]. Кириллов словно уподобляется древнегреческим олимпийцам, использовавшим самоубийство для ухода от страха [26, с. 67].

Образ Кириллова отмечен идеей бунта как самоцели, ведущей к различным подменам: воли на своеволие, истинной свободы на свободу, ведущую к уничтожению себя [27, с. 64]. Идея, оторванная от жизни («беспочвенная») и становящаяся властителем личности, аннигилирует свободу личности, вместе с тем уничтожая всяческие разумные (если таковые имеются) границы надуманных идей [28, с. 90].

При всей ущербности теории Кириллова, она утверждает приоритетное мнение о необходимости свободы для человека, без которой любые теории не могут быть живыми и истинными. Древнеримский стоик Сенека утверждал, что дорога свободы становится невозможной, когда осуждается произвол над своей жизнью. Демосфен самоубийством умозрительно «узаконил» свободу Афин, а свобода Рима была оформлена самоубийством Катона Младшего, Брута и Кассия [26, с. 70]. Античный архетип свободы древних правителей обрел продолжателя в персонаже Достоевского, изобретателе идеи социального самообмана, низвергающего Бога и рождающего человекобога.

Кириллов вполне понимает, что за самоубийством последует не только ожидаемая свобода от жизни, но и безблагодатное небытие. Он хочет быть первым в достижении так странно понятой нирваны. Кириллов стремится получить адское наслаждение от собственной смерти, жаждет почувствовать головокружительную склонность заглянуть в бездонную пропасть и восхититься своей смелостью.

Кириллов получает в единоличное владение свое я и убивает себя, чтобы засвидетельствовать бунтарство и страшную свободу. При этом он осознает трагизм такой свободы, пытаясь его преодолеть самоубийством. Оголенное понятие свободы, превратившееся в идола, обратилось в иллюзию о сверхчеловеке, подменив христианское откровение

о свободе, связанной с Христом. Кириллов становится провозвестником нового пути в мире, создателем новой религии, в которой средством для достижения цели является не только Бог, но и автор идеи человекобога, т. е. он сам. Двойственность между идеями «да будет воля Твоя» и «да будет воля моя» приводит Кириллова к самоубийству.

Кириллов в определенном смысле предшественник Фридриха Ницше, поскольку тайное Кириллова становится явным у Ницше. У обоих культ я теряет всякие сдерживающие принципы. Индивидуализм Ницше, как и индивидуализм Кириллова, с общими идеями человекобога и сверхчеловека, противостоит стадности, противопоставляется пошлостью спокойствию «среднего человека», но вместе с тем вследствие отрыва и изоляции от ближнего, от общества приводит Кириллова к самоубийству, а Ницше к сумасшествию (разумеется, наряду с прочими сопутствующими причинами).

Выводы

Так, в своевольцах Достоевский показывает ужасающие границы, к которым стремятся его персонажи, выбравшие методологию бунта как самоцели, самозваного деспотичного права или религиозного атеизма. Такой выбор часто обращается в пасквиль на свободу, а религиозный бунт – в карикатуру силы.

В отношении религиозного безбожия Кириллова справедливо утверждение, что оно не так далеко отстояло от подлинной веры. Парадоксально и то, что самоубийство Кириллова совершено исключительно по религиозным основаниям.

Таким образом, неудавшиеся антропологические эксперименты героев Достоевского – это попытки на различный лад выйти за собственные пределы. Эти антропологические опыты не имеют однозначного толкования, но в ряде случаев можно говорить о подмене живой веры разумным анализом или проповедью перевернутой христианской свободы, не имеющей прочного фундамента.

Проблематика изучения аксиологии Достоевского через призму взглядов литературной и религиозно-философской критики рубежа XIX–XX веков требует дальнейшего изучения, поскольку тексты авторов, входящих в этот круг, в советский период практически не изучались, в настоящее время они также остаются недостаточно исследованными.

Литература

1. Неганов, В. В. Нескольких резюмирующих слов по итогам научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф. М. Достоевского / В. В. Неганов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2024. – Т. 13, № 2А. – С. 24–33.
2. Кушнарченко, Я. В. Православная аксиология Ф. М. Достоевского на примере рассказа «Кро-

¹ Парадокс в том, что художественные тексты Достоевского «существуют одновременно в нескольких смысловых измерениях» [6, с. 5].

- тка» / Я. В. Кушнарченко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaia-aksiologiya-f-m-dostoevskogo-na-primere-rasskaza-krotkaya/viewer>.
3. Кузнецова, Е. В. Художественная аксиология в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Е. В. Кузнецова. – URL: <https://www.disscat.com/content/khudozhestvennaya-aksiologiya-v-romane-fm-dostoevskogo-idiot>.
4. Кошелева, О. Д. В полемике с Л. Н. Толстым: аксиология Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» / О. Д. Кошелева. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100312/1/initium_2021_020.pdf.
5. Богач, Д. А. Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Богач. – Екатеринбург, 2017. – 22 с.
6. Кошечко, А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Кошечко. – Томск, 2014. – 480 с.
7. Барышникова, О. О. Женский идеал в системе аксиологических представлений Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук / О. О. Барышникова. – Орел, 2013. – 158 с.
8. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М. : Республика, 1995. – 624 с.
9. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. – М. : Высшая школа, 1993. – С. 107–223.
10. Thompson, D. O. The brothers Karamazov and the poetics of memory / D. O. Thompson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 345 p.
11. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
12. Булгаков, С. Русская трагедия / С. Булгаков. – М. : Республика, 1996. – С. 6–26.
13. Степун, Ф. Мысли о России / Ф. Степун. – М. : Книга, 1990. – Т. 1 (кн. 1). – С. 293–325.
14. Переверзев, В. Ф. У истоков русского реализма / В. Ф. Переверзев. – М. : Современник, 1989. – 750 с.
15. Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1997. – С. 208–431.
16. Мочульский, К. Бесы / К. Мочульский. – М. : Отчий дом, 1997. – С. 177–215.
17. Зиновьев, А. А. Почему мы рабы / А. А. Зиновьев. – М. : Политиздат, 1992. – С. 64–67.
18. Лосев, А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во полит. литературы, 1991. – С. 398–452.
19. Лосев, А. Ф. Примечания / А. Ф. Лосев // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 682–843.
20. Клеман О. Вопросы о человеке / О. Клеман. – М. : Столица, 1991. – С. 149–162.
21. Степун, Ф. А. Миросозерцание Достоевского / Ф. А. Степун. – М. : Книга, 1990. – С. 332–351.
22. Лапшин, И. И. Как сложилась легенда о великом инквизиторе / И. И. Лапшин. – М. : Книга, 1990. – С. 374–386.
23. Зеньковский, В. В. Наша эпоха / В. В. Зеньковский. – М. : Республика, 1997. – С. 308–345.
24. Булгаков, С. Н. Иван Карамазов / С. Н. Булгаков. – М., 1993. – Т. 2. – С. 15–45.
25. Евлампиев, И. И. Кириллов и Христос / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 1998. – № 3. – С. 18–34.
26. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
27. Иост, О. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и нигилизм / О. А. Иост, Л. В. Блескун. – Старая Русса, 1998. – С. 58–66.
28. Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского / Б. М. Энгельгардт. – М. ; Л. : Мысль, 1924. – С. 71–105.

Горбачевский Чеслав Антонович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheslavgor@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9145-7721

Поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.

TO THE PROBLEM OF NEGATIVE AXIOLOGY IN THE ARTISTIC WORLD OF F. M. DOSTOEVSKY

Ch. A. Gorbachevsky

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article projects the views of representatives of Russian literary and religious-philosophical criticism at the turn of the 19th–20th centuries. (ranging from V. V. Rozanov to A. F. Losev) a number of images of characters from the artistic world of F. M. Dostoevsky are interpreted from the point of view of various axiological approaches and values. Close attention is paid to the falsely understood freedom, its replacement by self-will / unlimited freedom by a number of characters of F. M. Dostoevsky: Raskolnikov from “Crime and Punishment”, the underground paradoxist of the story “Notes from Underground” and the characters of the novel “Demons” Pyotr Verkhovensky, Shigalev and Kirillov. The specifics of each of these substitutions, the origins of its formation, evolution, connection with faith and atheism, paradox and the final results of such substitution are considered. The failed anthropological experiments of F. M. Dostoevsky’s heroes are attempts to go beyond the boundaries of humanity. In his self-willed characters, F. M. Dostoevsky shows the terrifying limits to which some of his characters strive, having taken the path of rebellion, self-proclaimed despotic law or religious atheism. Such a choice often turns into a parody of freedom, and religious rebellion turns into a caricature of power.

Keywords: axiology, category of freedom, self-will, man-god, suicide.

References

1. Neganov V.V. Neskol’ko rezyumiruyushchikh slov po itogam nauchnogo issledovaniya o missionerskom smysle aksiologii F.M. Dostoevskogo [A Few Summarizing Words on the Results of Scientific Research on the Missionary Meaning of F.M. Dostoevsky’s Axiology] // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2024. T. 13, № 2A. P. 24–33.
2. Kushnarenko Y.V. Pravoslavnaya aksiologiya F. M. Dostoevskogo na primere rasskaza «Krotkaya» [Orthodox axiology of F.M. Dostoevsky on the Example of the Story “The Meek One”]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaya-aksiologiya-f-m-dostoevskogo-na-primere-rasskaza-krotkaya/viewer>.
3. Kuznetsova E.V. Khudozhestvennaya aksiologiya v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Artistic Axiology in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Idiot”]. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-aksiologiya-v-romane-fm-dostoevskogo-idiot>.
4. Kosheleva O.D. V polemike s L.N. Tolstym: aksiologiya F.M. Dostoevskogo v «Dnevnikе pisatelya» [In Polemics with L.N. Tolstoy: the Axiology of F.M. Dostoevsky in “The Diary of a Writer”]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100312/1/initium_2021_020.pdf.
5. Bogach D.A. Aksiologiya prirody v mirovozzrencheskom i tvorchestvom opyte F. M. Dostoevskogo [Axiology of Nature in the Worldview and Creative Experience of F.M. Dostoevsky]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2017. 22 p.
6. Koshechko A.N. Formy ekzistentsial’nogo soznaniya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Forms of Existential Consciousness in the Works of F.M. Dostoevsky]: dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2014. 480 p.
7. Baryshnikova O.O. Zhenskii ideal v sisteme aksiologicheskikh predstavlenii F.M. Dostoevskogo [The Female Ideal in the System of Axiological Ideas of F.M. Dostoevsky]: dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2013. 158 p.
8. Merezhkovskiy D.S. L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal satellites]. Moscow: Republic, 1995. 624 p.
9. Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky’s Worldview]. Moscow: High school, 1993. P. 107–223.
10. Thompson D. O. The brothers Karamazov and the poetics of memory. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 345 p.
11. Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: v 30 t. Leningrad: Science, 1972–1990.
12. Bulgakov S. Russkaya tragediya [The Russian Tragedy]. Moscow: Republic, 1996. P. 6–26.
13. Stepun Fedor. Mysli o Rossii [Thoughts about Russia]. Moscow: Book, 1990. T. 1 (kn. 1). P. 293–325.
14. Pereverzev V.F. U istokov russkogo realizma [At the Origins of Russian Realism]. Moscow: Contemporary, 1989. 750 p.

15. Frank S.L. Real'nost' i chelovek [The Reality and The Man]. Moscow: Republic, 1997. P. 208–431.
16. Mochul'skiy K. Besy [The Demons]. Moscow: Otchiy dom, 1997. P. 177–215.
17. Zinov'ev A.A. Pochemu my raby [Why are We Slaves]. Moscow: Politizdat, 1992. P. 64–67.
18. Losev A.F. Antichnaya filosofiya i obshchestvenno-istoricheskie formatsii [Ancient Philosophy and Socio-Historical Formations]. Moscow: Publishing house of politic literature, 1991. P. 398–452.
19. Losev A.F. Primechaniya [Notes] // *Platon. Sobranie sochinenii*: v 4 t. Moscow: Idea, 1990. T. 1. P. 682–843.
20. Kleman O. Voprosy o cheloveke [Questions about a Person]. Moscow: Capital, 1991. P. 149–162.
21. Stepun F.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [The Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Book, 1990. P. 332–351.
22. Lapshin I.I. Kak slozhilas' legenda o velikom inkvizitore [How the Legend of the Grand Inquisitor Came About]. Moscow: Book, 1990. P. 374–386.
23. Zen'kovskiy V.V. Nasha epokha [The Our Era]. Moscow: Republic, 1997. P. 308–345.
24. Bulgakov S.N. Ivan Karamazov [Ivan Karamazov]. Moscow, 1993. T. 2. P. 15–45.
25. Evlampiev I.I. Kirillov i Khristos [Kirillov and Christ] // *Voprosy filosofii*. 1998. № 3. P. 18–34.
26. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiyskoy literatury [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow: Science, 1977. 320 p.
27. Iost O.A., Bleskun L.V. F. M. Dostoevskiy: russkaya ideya i nigilizm [F.M. Dostoevsky: Russian Idea and Nihilism]. Staraya Russa, 1998. P. 58–66.
28. Engel'gardt B.M. Ideologicheskiy roman Dostoevskogo [The Dostoevsky's Ideological Novel]. Moscow; Leningrad: Idea, 1924. P. 71–105.

Cheslav A. Gorbachevskiy – Cand. Sc. (Phylology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheslavgor@gmail.com

Received February 18, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбачевский, Ч. А. К проблеме негативной аксиологии в художественном мире Ф. М. Достоевского / Ч. А. Горбачевский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 62–68. DOI: 10.14529/ssh250308

FOR CITATION

Gorbachevskiy Ch. A. To the problem of negative axiology in the artistic world of F. M. Dostoevsky. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 62–68. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250308

ФУНКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «КОСМОРАМА»)

Ю. С. Коробейникова, Ю. Г. Пыхтина

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

В данной статье рассматриваются функции художественного пространства в повести В. Ф. Одоевского «Косморама», относящейся к начальному этапу становления и развития русской фантастической прозы. Опираясь на классификации функций художественного пространства, разработанные отечественным литературоведением, мы описали жанрообразующую, психологическую, характерологическую и сюжетобразующую функции. Выделенную М. М. Бахтиным характерологическую функцию мы, вслед за Е. М. Букаты, разделили на характерологическую и психологическую, что позволило подробно рассмотреть способы влияния пространства на внутреннее состояние героев литературного произведения. Исследование показало, что наряду с признанными функциями художественного пространства (психологической, которая определяется образами дома и псевдодома; характерологической, создающей пространственные оппозиции «свое, безопасное – чужое, опасное»; сюжетобразующей, которая зависит от перемещения героев) специфику пространственной организации фантастической повести В. Ф. Одоевского «Косморама» определяет в наибольшей степени фантастический элемент, выполняющий жанрообразующую функцию и отвечающий за развитие сюжета, формирование типа героя и само образование пространства. Помимо этого, рассматривая функции художественного пространства в данной повести, мы обнаружили характерные особенности литературы ужаса, что позволяет нам определить данное произведение как фантастическую повесть с предпосылками жанра ужаса.

Ключевые слова: фантастическая литература, фантастическая повесть XIX века, пространственная организация, функции художественного пространства, литература ужасов.

Введение

Сегодня популярность фантастической литературы стабильно растет не только в России, но и во всем мире, и наличие литературных новинок жанра фэнтези (например, православное фэнтези Ю. Н. Вознесенской), литературы ужасов (роман Дэна Симмонса «Террор») на полках книжных магазинов, экранизации книг, создание фан-клубов тому подтверждение. Некоторые литературоведы связывают этот феномен с попыткой читателя уйти от обыденной действительности, погрузившись в мир мечтаний. Так, Е. В. Жаринов, исследуя жанры современной беллетристики, подчеркивает важность принципа эскапизма, т. е. «бегства от реальности», для фэнтези, хоррора и др. жанров фантастической литературы [1]. Погружение в воображаемый мир приключений, волшебства, необычных явлений и предметов позволяет читателю наполнить обыденность новыми смыслами, увидеть привычное с другой стороны, что расширяет представление о действительности.

Сам же термин *фантастика* в современном литературоведении не имеет единого определения. Т. А. Балашова и Л. И. Тимофеев, например, называют фантастикой специфический способ отражения действительности [2, 3]. В трудах И. В. Головачевой [4], Е. Н. Ковтун [5], Е. М. Неелова [6] и др. рассматриваются сюжетные, композиционные, идейно-тематические и другие особенности фантастической литературы. Огромный вклад в изучение фантастики внесли и зарубежные авторы [7–11].

Интерес к фантастике заставляет обратиться к начальному этапу ее формирования, который в современном литературоведении еще не исследован.

Цель данной работы заключается в рассмотрении функций художественного пространства в повести В. Ф. Одоевского «Косморама» (1839), написанной в период становления отечественной фантастической прозы. В ходе исследования решаются следующие задачи: 1) на основе анализа существующих классификаций функций пространства определить и описать ключевые функции в названной повести; 2) указать влияние этих функций на организацию художественного пространства в фантастической повести на этапе ее становления.

Обзор литературы

Художественное пространство, вслед за Ю. М. Лотманом [12], мы определяем как место действия литературных героев. В формировании художественного пространства могут участвовать, например, *пейзаж*, с помощью которого показана окружающая героя среда, *предметно-вещный мир*, представленный в роли какой-либо художественной детали, *пространственные образы*, например, дома, дороги, пути, леса, поля и др., а также *перемещение героя*, влияющее на сюжетно-фабульный уровень повествования. Подчеркнем, что в отдельном литературном произведении в организации художественного пространства автором может использоваться как один какой-то прием (к примеру, в пьесе Жана-Поля Сартра «За закрытыми

дверями» действия происходят в одной комнате), так и несколько (например, в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» пространство организуют и перемещение героя, и пространственные образы дороги, помещицкой усадьбы, провинциального города, и предметно-вещный мир). Помимо этого, названные приемы могут взаимодополнять друг друга: например, перемещение героя напрямую оказывается связанным с образами дороги, пути и дома как конечной цели путешествия.

Взяв за основу бахтинскую идею о том, что именно пространство определяет жанровую разновидность произведения, развивает сюжет и формирует образ героя [13], в нашем исследовании мы выделили и описали следующие функции художественного пространства:

- жанрообразующую, определяющую жанр художественного произведения;
- сюжетообразующую, организующую основные события повествования благодаря сюжетным перемещениям героев;
- характерологическую, участвующую в создании образа героя, описывая его действия, чувства и переживания.

Характерологическую функцию для точности анализа, вслед за Е. М. Букаты, мы разделили на психологическую, которая позволяет раскрыть внутреннее состояние и переживания литературных героев, и собственно характерологическую, закрепляющую конкретный тип пространства за отдельно взятым героем [14].

Методы исследования

В процессе рассмотрения функций художественного пространства в повести В. Ф. Одоевского «Косморама» используются описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы анализа.

Результаты и дискуссия

В начале XIX века в русской литературе начинает формироваться жанр фантастической повести, к которому, как пишет В. М. Маркович, читатель испытывал особый интерес [15]. Любой литературный жанр обладает своей историей и устойчивыми признаками, что не обошло стороной и жанр фантастической повести. О. И. Виноградова, исследуя фантастические повести А. Ф. Вельтмана 20–40-х годов XIX века, определяет следующие их жанровые особенности: 1) наличие двух взаимосвязанных миров; 2) небольшой объем произведения, посвященного истории героя, а не подробно-психологическому анализу персонажа; 3) реализация конфликтной ситуации по принципу двоемирия и некоторые другие [16]. Мы дополняем классификацию особенностей фантастической повести таким важным, на наш взгляд, отличительным жанровым признаком, как фантастический элемент.

Обратимся к сюжету произведения В. Ф. Одоевского. Герой повести, Владимир, в детстве полу-

чает необычный подарок от семейного доктора Бина – игрушку, показывающую будущее и потаенные мысли людей. Однажды Володя, пробравшись ночью тайком в комнату, достает игрушку и, заглянув в нее, видит сцену супружеской измены, виновницей которой становится его родная тетя: «...я увидел свою тетушку; возле нее стоял мужчина и горячо целовал ее руку, а тетушка обнимала дядюшку» [17, с. 186]. Позже эта сцена перейдет в реальный план повествования («Когда я пришел к дядюшке, у него сидели с одной стороны на креслах тетушка, а с другой мой белокурый офицер. Едва успел он сказать мне несколько ласковых слов, как я вскричал: / – Да я вас знаю, сударь!» [17, с. 188]), что определит положение героя между двумя мирами, видимым и невидимым, реальным и фантастическим.

По прошествии многих лет Владимир возвращается из Москвы в дядюшкин дом в качестве наследника и начинает вести светскую жизнь, наполненную шумом, пустыми разговорами и встречами. Однажды на балу Владимир знакомится с графиней Элизой Б., влюбляется в нее, и они начинают тайно от супруга встречаться. Супруг графини вскоре умирает, что дает возможность соединиться любящим сердцам. Однако покойник возвращается из потустороннего мира, чтобы забрать с собою в ад неверную жену. Накануне Нового года графиня с детьми и вернувшимся мертвецом погибают при пожаре, возникшем внезапно и уничтожившем всех его жильцов: «...ночью в доме у него сделался пожар; все сгорело: он сам, жена, дети, дом – как не бывали» [17, с. 229]. Узнав о смерти любимой, Владимир теряет рассудок и связь с реальностью, постепенно погружаясь в мир сновидений и мечтаний.

Сюжет повести постоянно держит читателя на грани между двумя мирами, реальным и фантастическим, однако не позволяет ему окончательно выбрать ту или иную сторону. На эту особенность указывает в том числе эпиграф из неоплатоников «Что снаружи, то и внутри». Фантастическое настолько становится неотъемлемой частью жизни героя повести, что он даже «не мог вполне оценить всю странность своего положения» [17, с. 184], отсюда определяется зыбкость границы между двумя мирами, которые представляют собой единое целое. Немаловажным для нас является то, что повествование ведется от первого лица, что внушает читателю доверие к герою повести, хотя доля сомнений остается: «...пораженный всем мною виденным, будучи решительно не в состоянии отличить действительность от простой игры воображения, я до сих пор не могу отдать себе отчета в моих ощущениях» [17, с. 184]. Таким образом, прием «двойной мотивировки», который также встречается в повестях А. С. Пушкина «Пиковая да-

ма» и М. Ю. Лермонтова «Штосс», уравнивает в повести В. Ф. Одоевского два повествовательных плана, реальный и фантастический, второй из которых становится для автора предпочтительнее.

Жанрообразующая функция пространства напрямую связана с фантастическим элементом, который влияет на развитие сюжета, на тип героя и организацию художественного пространства. Таким фантастическим элементом в повести В. Ф. Одоевского является космосама, принадлежащая двум мирам, реальному и фантастическому, как игрушка, которая ничем не примечательна для остальных, кроме главного героя, и как предмет, имеющий необыкновенные свойства: «...в ящике было круглое стекло, сквозь которое виднелся свет; оглянувшись, чтобы посмотреть, не идет ли тетюшка, я приложил глаз к стеклу и увидел ряд прекрасных, богато убранных комнат, по которым ходили незнакомые мне люди...» [17, с. 186]. Здесь фантастический план оживает, становится реальным для героя повести.

Фантастический элемент также определяет тип главного героя, обладающего «сверхъестественными» способностями, которые позволяют ему видеть будущее и скрытые от посторонних глаз чужие мысли и желания: «...я старался понять, отчего в ее образах я видел то, что действительно случилось, и прежде, нежели случилось» [17, с. 190]. Фантастический план, таким образом, неотделим от главного героя повести, события которой предстают перед читателем через призму личных впечатлений, отраженных в дневниковых записях Владимира.

Психологическая функция художественного пространства позволяет увидеть внутренний мир героя, его чувства и переживания. Перед нами стоит задача посмотреть, как то или иное место действия влияет на поведение, мысли и чувства героев. К примеру, по приезде из Москвы Владимир знакомится с девушкой Соней, чистота и добродушие которой приводят героя в смущение, заставляя осознать свою испорченность светом. Оказавшись в комнате Сони, он «додумывает» себе образ этой девушки: «С этой минуты я смотрел на Соню другими глазами: ничто нас столько не знакомит с человеком, как вид той комнаты, в которой он проводит большую часть своей жизни, <...> переиначить старинную поговорку: “Скажи мне, где ты живешь, – я скажу, кто ты”» [17, с. 197]. Итак, место становится отражением внутреннего мира героя, что подчеркнуто самим рассказчиком, напомнившим читателю старую поговорку, заключающую в себе народную мудрость и наблюдательность. Главный герой признается, что лишь тогда он по-настоящему познакомился с девушкой, когда увидел собственными глазами место, где она проводит большую часть времени, где она прячется от посторонних

глаз, тем самым комната становится неким автопортретом героя.

Психологическая функция пространства в повести также связана с описанием дома главного героя. Есть дом, в котором Владимир провел свое детство, – дом его покойного дяди: «...вошедши в дядюшкин дом, который сделался моим, я ощутил чувство неизъяснимое. Надобно пройти долгую, долгую жизнь, мятежную, полную страстей и мечтаний, горьких опытов и долгой думы, чтоб понять это ощущение, которое производит вид старого дома, где каждая комната, стул, зеркало напоминает нам происшествия детства» [17, с. 189]. Этот дом становится местом защиты от внешнего мира, прошлых тревог, оставшихся за его стенами. Так реализуется основная функция данного образа – получение крова и защиты. Одновременно он становится замкнутым пространством, отграниченным от мира внешнего и опасного.

Основная трагедия героя разворачивается в доме его возлюбленной, овдовевшей графини Элизы Б. Дом графини становится сосредоточением греха, рокового искушения, которому поддается Владимир, забыв о моральных и этических установках. Этот дом теряет основную функцию защиты, что позволило проникнуть за его стены силам ада – из потустороннего мира возвращается муж графини. Мотив ожившего мертвеца, роковая страсть, атмосфера страха и напряжения задают образ псевдодома, который также оказывает влияние на душевное состояние героев, ввергая их в отчаяние и сбивая с пути спасения: «Едкий горячий смрад задушал меня, заставлял закрывать глаза, – я слышал, как во сне, вопли людей, треск разваливающегося дома...» [17, с. 228]. Став сосредоточением греха, человеческих пороков и сил зла, дом графа и графини Элизы Б. сгорает дотла, не оставив после себя никаких признаков жизни, будто его никогда и не было: «ночью в доме сделался пожар; все сгорело: он сам, жена, дети, дом – как не бывали ...» [17, с. 229].

Отсюда вытекает следующая функция пространства – *характерологическая*, закрепляющая тип пространства за конкретным персонажем. Мы видим, что и внутреннее состояние героев, их чувства и мысли определяют тип пространства (например, псевдодом как чужое, опасное пространство), и само место способны изменить героя (дом как свое, освоенное, безопасное пространство). В рассматриваемой повести в роли чужого, опасного типа пространства выступает дом графини Элизы Б., а в качестве освоенного, безопасного типа пространства – дом дядюшки Владимира, где он вырос и куда он вернулся после долгих скитаний.

Помимо этого, тесно взаимосвязанные между собой реальный и фантастический планы повест-

ования постепенно расширяют характерологическую функцию пространства. Персонажи, взаимодействующие с главным героем, показаны как с положительной, так и с отрицательной стороны. К ним относятся реальные люди, живущие в обыденной действительности (тетушка, Роль), и мистические, перенесенные в космос (доктор Бин, Соня, Эльза, граф). Поэтому мы можем говорить о реализации мотива двойничества, в соответствии с которым также определяется пространство повести.

Последняя функция – *сюжетообразующая*, связана с действиями героев, включая их перемещения, поступки, переживания, что способствует установлению / стиранию пространственных границ. Впервые мы встречаем героя в доме дяди, где он получает космос, открывшую ему потаенный мир будущего и внутренний мир других героев. Так, будучи представителем мира видимого, реального, главный герой вмещает в себя фантастический мир за пределами обыденной действительности. Граница между этими мирами становится шаткой и по ходу повествования постепенно стирается, поскольку Владимир окончательно теряет связь с реальностью: «...я, жилец здешнего мира, принадлежу к другому, я поневоле там действитель...» [17, с. 233]. Здесь же немаловажную роль играет мотив сна, который образует пространство сновидений. Оказавшись во власти своих желаний, герой теряет рассудок и начинает путать свои сны с событиями, происходящими в реальности. Таким образом, пространство, влияющее на состояние героя, способствует развитию сюжета произведения.

Рассмотрев функции пространства, мы обнаружили в данной повести предпосылки такого современного жанра фантастической литературы, как литература ужасов. К таким предпосылкам мы отнесли следующие приемы:

1) прием террора, связанный с нагнетанием страха (применен при неожиданном воскресении мертвого графа, вернувшегося из потустороннего мира);

2) прием хоррора, который вызывает эффект потрясения, используется автором при изображении горящего дома графа и графини: «...синеватое пламя побегало по всем членам мертвеца... посреди кровавого блеска обозначились его кости белыми чертами... Платье Элизы загорелось <...> “Дети! Дети!” – вскричала Элиза отчаянным голосом. “И они с нами!” – отвечал мертвец с громким хохотом...» [17, с. 228];

3) прием отвращения, используемый при описании оживших мертвецов: «...лицо пепельного цвета, по которому прорезывались тонкою нитью багровые губы; волосы белые, свернувшиеся клубком <...> она и дети побледнели – лицо, как у от-

ца, сделалось пепельного цвета, губы протянулись багровой чертою, в судорожных муках они потянулись к отцу и обвивались вокруг членов его...» [17, с. 231].

Современные литературоведы определяют эти приемы как жанрообразующие для литературы ужасов [1, 18].

Выводы

Итак, в формировании художественного пространства в фантастической повести В. Ф. Одоевского «Космоса» участвуют общие функции пространства – жанрообразующая, психологическая, характерологическая и сюжетообразующая. Особенность пространственной организации данной повести определяется фантастическим элементом, который влияет на сюжет, тип героя и на само пространство, тем самым выполняя его жанрообразующую функцию. Психологическая функция в данной повести определяется образами дома, псевдодома, указывая на внутреннее состояние героев, их переживания и чувства. Характерологическая функция позволяет увидеть пространственную оппозицию «свое, безопасное – чужое, опасное», которая создается благодаря тем же образам дома и псевдодома, связанным с конкретными героями повести. Сюжетообразующая функция зависит от перемещения героев, что способствует установлению / стиранию границ между различными типами пространства (реального / фантастического; своего / чужого и др.).

Помимо этого, исследование функций пространственной организации повести позволило увидеть в данном произведении предпосылки такого жанра современной фантастической литературы, как литература ужаса, что позволяет нам определить повесть В. Ф. Одоевского «Космоса» как фантастическую повесть с предпосылками жанра ужаса.

Литература

1. Жаринов, Е. В. «Фэнтези» и детектив – жанры современно англо-американской литературы: монография / Е. В. Жаринов. – М. : Международная академия информатизации, 1996. – 128 с.

2. Балашова, Т. А. Художественные особенности серьезно-смеховой фантастики: на материале научно-фантастического романа Великобритании : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Балашова. – М., 2003. – 188 с.

3. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

4. Головачева, И. В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы: монография / И. В. Головачева. – СПб. : Петрополис, 2014. – 412 с.

5. Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки,

утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е. Н. Ковтун. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

6. Неелов, Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики / Е. М. Неелов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 198 с.

7. Austin, P. M. The exotic prisoner in Russian romanticism / P. M. Austin // *Russian Literature*. – 1984. – Vol. 16, Iss. 3. – P. 217–274.

8. Brooks, J. The Gothic Tradition in Russian and Early Soviet culture / J. Brooks // *Russian Literature*. – 2019. – Vol. 106. – P. 11–32.

9. Cranston, M. Romanticism and revolution / M. Cranston // *History of European Ideas*. – 1993. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 19–30.

10. Leighton, L. G. Romanticism, Marxism-Leninism, Literary Movement / L. G. Leighton // *Russian Literature*. – 1983. – Vol. 14, Iss. 2. – P. 183–219.

11. Shookman, E. Fantasies on the fringe: Romantic concepts of nationalism in utopias set at the edges of nineteenth-century Europe / E. Shookman // *History of European Ideas*. – 1993. – Vol. 16, Iss. 4-6. – P. 647–654.

12. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. –

М. : Просвещение, 1988. – 352 с.

13. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–408.

14. Букаты, Е. М. Поэтика художественного пространства в прозе В. П. Астафьева : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Букаты. – Томск, 2002. – 26 с.

15. Маркович, В. М. Дыхание фантазии / В. М. Маркович // *Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.) : сборник произведений*. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – С. 5–47.

16. Виноградова, О. И. Фантастические повести А. Ф. Вельтмана в контексте русской прозы 20-х – 40-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Виноградова. – Белгород, 2013. – 203 с.

17. Русская фантастическая повесть эпохи романтизма / сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин ; худож. В. Юрлов. – М. : Советская Россия, 1987. – 368 с.

18. Шафиков, С. Г. Философская фантастика Станислава Лема : монография / С. Г. Шафиков. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2020. – 288 с.

Коробейникова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет (Оренбург), e-mail: yulyakorobeynikova@mail.ru. ORCID 0000-0002-3276-406X

Пыхтина Юлиана Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет (Оренбург), e-mail: pyhtina-2008@mail.ru. ORCID 0000-0002-2492-9039

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250309

ARTISTIC SPACE FUNCTIONS IN THE RUSSIAN FANTASY PROSE OF THE 19th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF *COSMORAMA* NOVEL BY V. F. ODOEVSKY)

Y. S. Korobeynikova, Y. G. Pyhtina

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

This article examines artistic space functions in *Cosmorama* novella by V. F. Odoevsky, which belongs to the initial stage of the formation and development of Russian fantasy prose. Based on the classifications of artistic space functions developed by Russian literary criticism, we described genre-forming, psychological, characterological, and plot-forming functions. Following E. M. Bukaty, we divided the characterological function highlighted by M. M. Bakhtin into characterological and psychological, which allowed considering in detail the ways the space influences the inner state of the characters in the literary work. The study showed that the specifics of spatial organization in *Cosmorama* fantastic story by V. F. Odoevsky is defined not only by the recognized functions of artistic space (psychological, which is determined by the images of home and pseudo-home; characterological, which creates spatial oppositions “one’s own, safe – someone else’s, dangerous”; plot-forming, which depends on the movement of characters),

but also by the fantastic element that performs a genre-forming function and is responsible for the development of the plot, the formation of the type of hero, and the very formation of space. Besides, when considering artistic space functions in this story, we discovered the characteristic features of horror literature, which allows classifying this story as a fantasy novel with horror genre elements.

Keywords: fantastic literature, fantasy novel of the 19th century, spatial organization, artistic space functions, horror literature.

References

1. Zharinov E.V. «Fentezi» i detektiv – zhanry sovremenno anglo-amerikanskoy literatury [Fantasy and Detective Fiction are Genres of Modern Anglo-American Literature]: monografiya. Moscow: International Academy of Informatization, 1996. 128 p.
2. Balashova T.A. Hudozhestvennye osobennosti ser'ezno-smehovoy fantastiki: na materiale nauchno-fantasticheskogo romana Velikobritanii [Artistic Features of Serious-Comic Fantasy: Based on the Material of the British Science Fiction Novel]: dis. ... kand. filol. Nauk. Moscow, 2003. 188 p.
3. Timofeev L.I. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Education, 1974. 509 p.
4. Golovacheva I.V. Fantastika i fantasticheskoe: poetika i pragmatika anglo-amerikanskoy fantasticheskoy literatury [Fantasy and the Fantastic: Poetics and Pragmatics of Anglo-American Fantasy Literature]: monografiya; Saint-Petersburg: Petropolis, 2014. 412 p.
5. Kovtun E.N. Poetika neobychnogo. Hudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropejskoy literatury pervoy poloviny XX veka) [Poetics of the Extraordinary. Artistic Worlds of Fantasy, Fairy Tale, Utopia, Parable and Myth (Based on European Literature of the First Half of the Twentieth Century)]. Moscow: MSU Publishing House, 1999. 308 p.
6. Neelov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [The Magical and Fabulous Roots of Science Fiction]: dis. ... d-ra filol. nauk. Leningrad, 1986. 200 p.
7. Austin P.M. The Exotic Prisoner in Russian Romanticism // *Russian Literature*. 1984. Vol. 16, Iss. 3. P. 217–274.
8. Brooks J. The Gothic Tradition in Russian and Early Soviet Culture // *Russian Literature*. 2019. Vol. 106. P. 11–32.
9. Cranston M. Romanticism and revolution // *History of European Ideas*. 1993. Vol. 17, Iss. 1. P. 19–30.
10. Leighton L.G. Romanticism, Marxism-Leninism, Literary Movement // *Russian Literature*. 1983. Vol. 14, Iss. 2. P. 183–219.
11. Shookman E. Fantasies on the Fringe: Romantic Concepts of Nationalism in Utopias Set at the Edges of Nineteenth-Century Europe // *History of European Ideas*. 1993. Vol. 16, Iss. 4-6. P. 647–654.
12. Lotman Y.M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' [At the School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. M.: Education, 1988. 352 p.
13. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Questions of Literature and Esthetics. Research of Different Years]. Moscow: Artistic Literature, 1975. P. 234–408.
14. Bukaty E.M. Poetika hudozhestvennogo prostranstva v proze V.P. Astaf'eva [Poetics of Artistic Space in the Prose of V.P. Astafiev]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2002. 26 p.
15. Markovich V.M. Dykhanie fantazii. Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.) [Breath of Fantasy. Russian Fantastic Prose of the Romantic era (1820–1840)]: sbornik proizvedeniy. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1991. P. 5–47.
16. Vinogradova O.I. Fantasticheskie povesti A.F. Vel'tmana v kontekste russkoy prozy 20-kh – 40-kh godov XIX veka [Fantastic Stories by A.F. Veltman in the Context of Russian Prose of the 20s – 40s of the XIX Century]: dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2013. 203 p.
17. Russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma [A Russian Fantasy Novel of the Romantic Era]; sost., vstup. st. i primech. V.I. Korovin; khudozh. V. Yurlov. Moscow: Soviet Russia, 1987. 368 p.
18. Shafikov S.G. Filosofskaya fantastika Stanislava Lema [Philosophical Fiction by Stanislaw Lem]: monografiya. 2-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2020. 288 p.

Yulia S. Korobeynikova – Assistant of the Department of Russian Philology and Methods of Russian Language Teaching, Orenburg State University (Orenburg), e-mail: yulyakorobeynikova@mail.ru

Yuliana G. Pykhtina – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Methods of Russian Language Teaching, Orenburg State University (Orenburg), e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

Received February 17, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Коробейникова, Ю. С. Функции художественного пространства в русской фантастической прозе XIX века (на примере повести В. Ф. Одоевского «Косморамма») / Ю. С. Коробейникова, Ю. Г. Пыхтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 69–75. DOI: 10.14529/ssh250309

FOR CITATION

Korobeynikova Y. S., Pykhtina Y. G. Artistic space functions in the Russian fantasy prose of the 19th century (on the example of Cosmorama novel by V. F. Odoevsky). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 69–75. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250309

МОСКВА В ПАРАДИГМЕ ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ. СТАТЬЯ 1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МОСКВЫ В ЭКРАННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В. В. Королева¹, Е. М. Гуделева²

¹*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация*

²*Независимый исследователь, г. Владимир, Российская Федерация*

В статье рассматривается понятие «городского текста» применительно к экранному континуму, определяется его генезис и аналитическая парадигма, исследуется образ мегаполиса в современной экранной публицистике на примере Москвы. Трансформация образа Москвы и его вариативность на экране исследуются на материале русскоязычных произведений, снятых в различных жанрах кино-, теле- и веб-документалистики: документальном кино, телевизионных передачах, телефильмах, киноочерках, интернет-роликах и репортажах. Утверждается, что образ Москвы проявляется в двух вариантах: как материально-предметный мир и как идея о городе, возникающая в сознании и образном мышлении людей. При этом образ города рассматривается не только как самостоятельное знаково-символьное поле – исследование пытается углубить образ мегаполиса, а также дополнить представление о поэтике урбанизма на документальном экране. Выделяются исторические образы Москвы на документальном экране: дореволюционный город-открытие, город-машина 1920-х, город, стремящийся к будущему, город-герой, город-утопия, соляный город коллективного порядка 1960–1980 гг., мрачный город перестройки, столица андеграунда, уличной культуры. Кроме того, отмечается, что современная Москва расширяет свое семантическое поле и предстает как культурная столица, роковая женщина, ребенок, мистический город, город-аэропорт, машина времени, город возможностей и «странноприимный дом».

Ключевые слова: городской текст, документалистика, знаково-символьное поле, публицистика, художественный образ, экранная культура.

Введение

Урбанистическая тема – одна из самых важных и интересных тем мировой литературы и экранной культуры. С одной стороны, большой город – это место действия, декорация, формирующая мировоззрение и характеры своих обитателей, с другой – мифологема с собственной логикой развития.

С появлением кинематографа появилась возможность перенести образ города со страниц литературы и видовых открыток на экраны и сделать мегаполис «универсальным символом государства», метафорой отношений человека с культурой, обществом и властью [1, с. 3]. Мировая литература подарила экранной культуре бесчисленные образы мегаполиса, и новое мощное искусство кино на протяжении второго столетия уже самостоятельно меняет «облик столицы, навязывая (вменяя) городу различные, порой неожиданные роли» [2].

Многие отечественные кинокартины прошлого и настоящего, любой выпуск новостей включает упоминание о столице. Несмотря на частоту транслирования и узнаваемость образа Москвы, проводилось довольно мало специальных исследований целостного образа этого города в экранной публицистике или целостного анализа его знаково-символьного поля в кинодокументах, т. е. специфика именно документального кинотекста Москвы изучена недостаточно, что делает эту проблему актуальной.

Цель данной работы – выявить этапы и характерные особенности формирования образа Москвы в экранной публицистике XX–XXI вв., а также проследить его вариативность.

Под экранной публицистикой в данной статье понимается совокупность документальных произведений, размещенных в интернете и на телевидении. Речь идет о различных жанрах кино-, теле- и веб-документалистики, где актуальные проблемы и явления освещены на материале «съемки подлинных событий» [3, с. 128]. Таким образом, публицистика экрана включает в себя понятие «документальное кино», а также журналистику на телевидении и в интернете.

Новизна исследования состоит в попытке посмотреть на динамику документального образа Москвы в исторической перспективе и определить авторское видение современной столицы на документальном экране, так как понимание механизма формирования образа Москвы позволяет понять общую логику развития образов городов на публицистическом экране – в «зеркале действительности», «слепке» с лица реального мира [4, с. 55].

Обзор литературы

Образ Москвы глубоко изучен в отечественной филологической мысли. Понимание о существовании в гипертексте литературы, а именно в ее «городском тексте», отдельного «московского текста» возникло еще в первой половине XX века на основании исследований художественных про-

изведений, в которых Москва является центральным образом-топосом [5, с. 26]. Тем не менее, в отличие от «петербургского текста», прочно вошедшего в научный обиход благодаря трудам В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана и их последователей, а также благодаря изучению построенных по этой модели «лондонского», «итальянского», «крымского» и «северного» текстов литературы, вопрос о существовании отдельного «московского» долго оставался открытым. Одна из причин – отсутствие в нем эсхатологического мифа и наличие солярной составляющей – «пространства преобразования» [6]. В. Н. Топоров выделяет две концептуальные схемы восприятия Москвы: душевная, естественная русская и «хаотичная, беспорядочная, противоречащая логике, полуазиатская деревня» [7, с. 268].

В конце XX – начале XXI в. в рамках дискуссии о Москве как гипертексте был написан ряд работ (И. С. Веселова, И. Б. Ничипоров, Г. С. Кнабе, Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгина, Н. Е. Меднис, С. М. Телегин, Л. Ф. Алексеева и др.), благодаря которым понятие «московский текст» обрело статус научного термина. Исследователи определяют критерии знаково-символьного поля Москвы: слова с семантикой цвета, вкуса, запаха, звука; экспоненты православной культуры; московская топонимика; специфика ландшафта, строящаяся на контрасте (закоулки – проспекты). Мифологемами Москвы выступают «град Божий», «город на крови», «сердце России», «Феникс, возрождающийся после пожаров», «город-лес» и «город-женщина». В образ Москвы включаются топологические параллели («Москва – третий Рим», «Москва – град Китеж», «Москва – новый Иерусалим», «Москва – новый Вавилон»), особый тип героя – праведника в миру или духовного странника, образ толпы, а также поэтика урбанизма (индустриальные пейзажи, названия-аббревиатуры, пространственная антитеза старый город / новые районы).

В современной науке образ столицы рассматривают с точки зрения литературоведения (М. В. Селеменова), истории кино (Л. М. Будяк, В. П. Михайлов), а также фотоискусства (М. В. Добренькая). В фокусе ученых – какой-либо аспект образа города или кинокартины конкретного исторического периода, куда включены пейзаж и сюжеты столицы, а также основные урбанистические константы, формирующие концепты «улица», «дом», «толпа» (работы Н. П. Баландиной, В. В. Виноградова, Г. С. Прожико, М. И. Туровской). Изыскания об образе Москвы в дискурсе документалистики фрагментами включены в книги В. П. Михайлова, О. Л. Булгаковой, а также диссертацию Н. А. Бояршиновой об игровых картинах XX века – базы, на которой строится образно-смысловой ряд «московского кинотекста» и которая, безусловно, коррелирует с хроникально-документальной репрезентацией столицы [1]. Однако, если исследова-

тельница целенаправленно изучает в игровых кинолентах сюжетный и смысловой уровни образа Москвы, в нашей работе, анализирующей документалистику, внимание смещено к тематике произведения и звуко-зрительному ряду как основным элементам формирования публицистического образа.

Методы исследования

В исследовании был использован комплекс сравнительно-исторического, структурно-описательного, мифопоэтического и аналитического методов. В процессе обработки эмпирического материала – более 100 источников хроникально-документальной кинематографии и современной экранной публицистики – применялся контент-анализ, который позволил осмыслить особенности узнаваемости и степень значимости аудиовизуальных явлений, связанных с упоминанием о Москве. Описание и типология произведений экрана выстроены хронологически.

Результаты и дискуссия

Москва была впервые запечатлена на камеру еще в 1896 г. – в фильме-репортаже компании братьев Люмьер «Коронация государя императора Николая II Александровича». В 1920-е гг. она стала одним из ведущих киногородов мира. В дореволюционном кинематографе России классический документальный образ Москвы принадлежит французскому кинооператору Жоржу Мейеру, работавшему в российских представительствах иностранных кинофирм и снявшему для Пате немую зарисовку «Москва в снежном убранстве» / “Moscou sur la neige” (1908) – набор шаблонов и локусов «русскости», до сих пор используемых в СМИ как обобщенный, классический образ столицы. За семь с половиной минут перед зрителем предстают панорамы, общие и дальние планы Кремля, Кремлевской набережной, Красной площади, Ивановской площади, Кузнецкого моста, откуда «моды к нам, и авторы, и музы...» («Горе от ума», явл. I, д. 4), оживленных лавок с торговцами в Охотном Ряду, лыжных и пеших прогулок в Петровском парке, открываются виды с Успенской звонницы. Москва в зарисовке француза представлена городом, с одной стороны, культивирующим концепты наследия, древности, с другой, – захваченным потоком жизни: неторопливый мир городских пейзажей полон экипажей, спешащих и занятых делом людей – это открытое пространство «инаковости» в противовес замкнутому миру деревни и домашнего очага.

Известный «монтажный фильм» из фрагментов царской хроники «Падение династии Романовых» Эсфири Шуб (1927) не просто переосмысливает кинодокументы на основе нового мировоззрения, превращая в «агитку» [8, с. 97], но и демонстрирует зависимость образа от социально-исторической действительности: в фильме появляются кадры «дистанций огромного размера» старой Москвы со знатью, парадными экипажами,

толпами зевак на контрасте с «тишь да гладь» провинциальных городов; также это охваченный суетой и работами, бурлящий после 1913 г. город.

Кинематографический авангард окончательно ломает дореволюционный статичный образ Москвы, выстроенный в стиле открытки или фотографии. Теория «киноглаза» Дзиги Вертова учитывает метод скрытого наблюдения, «быстроту смен изображений и крупные планы» [9, с. 45], а также построение «киновещи» на «интервалах», готовящих зрителя к восприятию большой кинематографической метафоры.

Если первая лента хроникеров-«киноков» М. Кауфмана и И. Копалина «Москва – пробег киноглаза» (1927) сочетает образы старого («мейеровского») и нового («постреволюционного») города, обозначая его контрасты в период НЭПа, то бессюжетный фильм-эксперимент «Человек с киноаппаратом» (1929) дает совсем иной образ – это город-гигант, оглушающий человека. В течение нескольких лет режиссер и его брат Михаил Кауфман «врасплох» снимали на улицах крупных городов молодого Советского Союза (Москвы, Киева, Одессы, Харькова) и представили на экране то, что несколькими годами ранее О. Шпенглер назвал «душой города» [10, с. 88–107]. Систематизация массива урбанистических реалий в рамках теории «киноглаза» как «высшей математики фактов» [9, с. 108] позволила Вертову создать художественный образ города как социально-культурного организма.

Город в «Человеке с киноаппаратом» неразрывно связан с людьми. В начале картины он просыпается (рассвет над Москвой); все приходит в движение, превращается в огромный механизм спешащих людей и машин. Перед нами быстро меняющийся визуальный ряд – бездомные, бродячие собаки, дым заводов, винно-водочные гастрономы, толпа, транспорт, рабочие, матери и дети, регулировщик и семафор на Кузнецком мосту, витрины Мосторга, знаменитые трамваи на Тверской, Бахметьевский автобусный парк с лужами на переднем плане и суматоха как отдельный герой. Кульминацией напряжения в фильме становится комбинированный кадр разлома Государственного академического Большого театра СССР – метафора чувств человека, оглушенного большим городом.

Следует отметить, что на советском экране образ Москвы отвечает всем стандартам государственного заказа. 1930-е гг. предлагают образ столицы, подсказанный самой жизнью, в свете «концепции кино как синтетического искусства» [3, с. 180–181], – это город, стремящийся к будущему. Он сформирован в контексте перехода к тоталитаризму и значительных изменений: научно-технических (появление звуковых фильмов и разработка теории звуко-зрительного образа), социально-политических (индустриализация, коллек-

тивизация, строительство), культурных (зарождение соцреализма, первый Московский международный кинофестиваль 1935 г.). Образ мегаполиса эпичен – это столица социалистического порядка, основывающаяся на достижениях, новаторстве и коллективном духе «великих работ» (фильм из шести частей «Есть метро!» (1935) Л. Степановой). В фильме Э. Тиссе и Р. Кармена «Москва – Кара-Кум – Москва» (1933), рассказывающем об автопробеге через Советский Союз к пескам Каракум, через закольцованность композиции и закадровый текст вводится мотив солипсизма. Движение автоколонны возвращается к «сверкающему асфальту» столицы, воспринимаемой как связующее звено и генератор прогресса – он «заставит реки вернуться в пустыню и превратит пустыню в цветущий край».

В 1940-е гг. образ Москвы предстает в свете кинохроники исторических событий, а в 1950-е гг. – «теории бесконфликтности». Последовавшая за ними «оттепель» [11, с. 98, 100; 12, с. 202] сформировала образ Москвы как города-героя и города-утопии. Великая Отечественная война и послевоенное восстановление страны – основные темы публицистики того периода: «Союзкиножурнала», «Новостей дня», фронтовых киновыпусков, киножурналов, короткометражных и полнометражных хроникально-документальных фильмов. Фильм «Разгром немецких войск под Москвой» (1942) Л. Варламова и И. Копалина запечатлел трудности, с которыми сталкивалась столица, «день и ночь ковавшая оружие для победы». Киноочерк «Москва – столица СССР» (1947) Л. Степановой и Ф. Киселева изображает город как духовный центр социалистического будущего – «неутомимое сердце Родины», где сосредоточено «все, из чего делается жизнь». Знаково-символьное поле Москвы включает в себя, с одной стороны, монументальные собирательные образы прогресса, труда, культуры, с другой – описание повседневного уклада жителей столицы, образы людей мирных профессий («На стройках Москвы», 1951; «О Москве и москвичах», 1956). Центральная проблема «оттепельных» фильмов о Москве 50-х гг. – «изображение героя и эпохи, раскрытие их взаимосвязи» [12, с. 409], хроникально-документальная камера охватывает пространство Подмосковья: «На окраинах Москвы» (1951); «Путь новой жизни» (1957). К. Э. Разлогов определяет стилистику этого периода словосочетанием «между хроникой и эксцентрикой»: ключевыми факторами влияния на образ становятся национальная самобытность и обусловленность развитием всего мирового искусства [8, с. 71, 79–80].

Москва в документалистике 1960–1980-х гг. видовая, открыточная. Из знаково-символьного поля города практически исключен человек как личность, но присутствует коллективный герой и собирательный образ жителя столицы. Названия

и синопсисы большинства советских документальных фильмов на ютуб-канале Гостелерадиофонда включают следующие элементы «московского текста»: история и памятные места (здесь и далее курсив наш – В. К., Е. Г.): «Москва, о которой думаешь...» (1965), циклы фильмов «Чуден град Москов» (1989) и «Путешествие по Москве» (1981–1987); старое и новое: «Советская Москва. К 50-летию образования СССР» (1972), «Вперед, “Москвич”! АЗЛК» (1986); будни и отдых: «Аттракцион» (1972), «Весенний этюд. Москва» (1974), «День отдыха». (1985); акватория Москвы – порта пяти морей: «День на канале» (1976), «Путешествие по Москве-реке» (1983); люди, построившие город: «Наверху – Москва. Фильм о первых строителях Московского метрополитена» (1977). Если в игровом кино этого периода происходит попытка персонифицировать душу города путем лично-центрированных сюжетов и авторской стилистики, то в документальном – попытка разделить образ города на составные части, обладающие своим визуальным кодом.

С концом советской власти уходит миф о Москве как о непоколебимой столице первого в мире социалистического государства – солнечного и дружелюбного города. Игровое кино данного периода исследователи характеризуют в категориях деконструктивизма, фантастического и сатирического [1, с. 9, 24]. Документальный образ постсоветской Москвы теряется в богатом интертексте постмодернизма, стилистике абсурда и личных режиссерских трактовках.

В документальном телефильме Э. Филатьева «Площадь Пушкина» (1990), созданном творческо-производственным объединением «Союзтелефильм», на примере нескольких минут из жизни Пушкинской площади авторы показывают атмосферу периода перестройки в России: уличные дебаты, выплеснувшаяся на прилавки ранее недоступная литература, очереди за продуктами, табаком, билетами, новые веяния: Макдоналдс, кока-кола, политические фракции, разговоры о моде, реклама американского кинематографа. Метафорой перестроечного – абсурдного – города становится рискованный переход людей по мосту, снабженному табличкой «Опасная зона. Проход запрещен» – то ли безрассудство, то ли отчаяние. Изменение мира подчеркнуто и лингвистически, звуковым рядом, когда в русскую речь внедряются заимствования, и визуальным контрастом: очереди в знаменитый фастфуд – очереди за продуктами, мода, одетая пестро, только-только из «секонда» – аккуратно одетые старички с советскими «авоськами», микроскопический серп и молот – гнездящийся над ним огромный логотип Макдоналдса.

Документальный фильм музыканта Юрия Гусинского и выпускницы кафедры журналистики ВлГУ Евгении Башуриной «ПАНКИ90Х» (2016), снятый Goosin home production и размещенный

в интернете, посвящен московской панк-сцене девяностых годов. С помощью интервью участников фильма и архивных кадров выступлений создается образ андеграундной Москвы 90-х гг. XX века, которая от окраин до центра была «оккупирована» неформалами. Панки собирались на Красной площади, рядом с музеем Ленина, на обозрение жителей столицы и ее гостей. Место их сосредоточения говорит о том, что Россия после развала Советского Союза обрела относительную свободу самовыражения.

В фильме создается неформальный образ столицы. В хроникальных вставках и сознательно отобранных режиссером декорациях для синхронных нет привычных зрителю визуальных маркеров столицы: ни классического Кремля, ни Москвы-реки, ни современных небоскребов. Нет даже места почитателей рок-музыки – «стены Цоя». Зато есть обитатели сквотов и бункеров на станции «Китай-город», жители окраин от Ясенево до Люберец, люди, которые, будучи подростками, своими глазами видели штурм Белого дома, музыканты однодневных панк-групп.

Таким образом, в 90-е гг. на документальном экране появляется образ абсурдного и творческого города, характеристикой которого становятся случайность, индивидуальность, постоянные изменения и сложность существования в нем.

Экранная публицистика нулевых годов и эпохи современности – это сложная поликультурная и политекстуальная площадка, на которой используется несколько наиболее узнаваемых образов столицы, а также создаются новые образы, что создает современной Москве репутацию постмодернистского «города-трансформера».

«Москва туристическая» регулярно появляется в программах о путешествиях и тревел-блогах – это визуализированный набор клише из списка портала «Яндекс Путешествия». Являясь старшей столицей России, Москва – второй по популярности город для туристов, что обусловлено следующими факторами: древнее и советское наследие столицы; ее культурная и архитектурная составляющая; клубная и творческая жизнь, отразившаяся в песнях современных отечественных исполнителей; гастрономическое разнообразие Москвы, начиная с дорогих ресторанов и заканчивая блинными и пельменными. В описаниях города постоянно фигурируют такие слова, как богатая, древняя, великая, белокаменная, первопрестольная, Третий Рим, величайшая, элитная, престиж, пафос. Образ столицы показывается с двух ракурсов – для бедных туристов и для богатых. Только одни увидят ее из окон самого дорогого отеля, а другие во время пешей прогулки.

Цикл передач «Пешком по Москве» (2012–2013) Романа Русина с ведущей Натальей Логиновой на канале «365 дней ТВ», рекомендованный Московским домом национальностей [13], отсыла-

ет к традиционному жанру путевого очерка, а документальный фильм Сергея Бритвина «Остоженка – 30 лет архитектуры Москвы» (2020), снятый частной московской студией «Киносвод», ретранслирует советский образ утопического города будущего. Фильм об одном из старейших архитектурных бюро «Остоженка» состоит из интервью его работников и архитектурных образов современной столицы: от офисных зданий до жилых кварталов «будущего», напоминающих кадры футуристических кинолент. Москва показана как готовый шаг в будущее мегаполис. Идея фильма подчеркивается в выразительно-изобразительном строе: панорамами, съемкой с движения, цветовым решением (переходом от черно-белого к цветному), наложением планов, «приведением к статике». Первопрестольная в изображении режиссера и операторов – живая структура, которая впитывает в себя знания и стили различных эпох.

Совсем другой образ Москвы, безразличной и глухой к своим обитателям, зритель может наблюдать во многих современных произведениях экрана. Например, документальный фильм Алены Атаевой и Галины Асиной «Москва. Неизвестное метро» (2007) из серии «Городские легенды», снятый в характерной для ТВ-3 стилистике, изображает «подземку» как особый мир, где соединяются мистика и реальность. Режиссер выражает отчужденность и суматоху столицы через ее жителей, их хмурые отрешенные лица, которые наполняют поезд метрополитена, через беготню по переходам, кадры набитых до отказа вагонов метро. Этот образ восходит к вертовскому шаблону города-машины, способного оглушить человека: «Мы открываем души машин» [9, с. 47]. Тематика фильма (станции-фантомы, поезд-призрак, истории бесследного исчезновения людей в «подземке») вписывает город в зыбкое постмодернистское пространство таинственности и обреченности и наделяет привычные локусы двусмысленностью – столица скрывает в своих недрах некое квазипространство, «кошмарный» подземный город, на котором лежит печать смерти.

Известный видеоблогер и москвовед Александр Усольцев, лауреат премии «Путеводная звезда», в своих пятничных дайджестах «Прогулки по Москве» (с 2017 г. на ютубе, а также на телеграм-канале «MoscowWalks») освещает столичные новости с точки зрения, максимально приближенной к дружеской и обывательской: здесь информация о бесплатных выставках, необычных местах, Москва в праздничном убранстве, технические и бытовые улучшения, флешмобы, акции и чудачества современных москвичей, памятные даты и легенды (рубрика «Московские старости»). В фокус публициста неизбежно попадают и сложности жизни в столице, тревожность и нестабильность как часть собирательного образа города: новые способы мошенничества, повышение тари-

фов за проезд, услуги ЖКХ, штрафов за нарушение ПДД, платные дороги и «адлеризация» (термин журналиста – В. К., Е. Г.) – бесконечная застройка исторических районов (Замоскворечье, Кутузовский проспект).

Благодаря блогерам регулярно пополняется сюжетами о Москве интернет-пространство. Коренные жители мегаполиса, а также люди, переехавшие в столицу, в своих роликах, блогах и стримах выносят на обозрение аудитории особенности, которые раздражают их в городской жизни, например, «Минусы Москвы» (2022) Евгения Скворцова, «Реальная Россия» (2021) ютуб-канала «Onliner», «Стоит ли переезжать в Москву – Плюсы и минусы большого города» Никиты Назаренко, «9 минусов Москвы от москвича. Кому не стоит переезжать?» Вада Ильина и т. п.

В сюжетах блогеров Москва предстает перед зрителями в виде аэропорта. С одной стороны, это энергия роста, движения, новизны, с другой – бездушный и деловой город, где многие находятся лишь временно, выполняя четко поставленные перед собой задачи. Центр города теперь не населен людьми. За свою историю, репутацию и расположение старые московские дома стали пригодны лишь для вложения капитала, а не для жилья. Все в Москве, по мнению авторов, делается ради денег. Из-за высоких цен на жилплощадь многие люди вкладывают финансы в покупку машин либо покупают жилье на окраине. Из-за обилия транспорта на дорогах устанавливается «мертвое время» – постоянные пробки, которые вводят столицу в состояние вечной комы.

Самое главное в репортажах – то, что Москва все больше отдаляется от своих корней, у нее нет единения с предками. Пенсионеров выселяют на окраины, оставляя центр города на растерзание приезжим, из-за которых в народе она уже давно прозвана Нерезиновском, Москвабадом, Понаеховском. Но эти приезжие не останутся здесь надолго, выполнив поставленные перед собой задачи, они уедут, уступая места новым покорителям Москвы. И только коренные москвичи останутся в городе – им просто не повезло родиться в этом аэропорту с банковскими ячейками, где они уже не могут чувствовать себя как дома.

Белорусский блогер Бродяга Фишай на одноименном ютуб-канале посвящает Москве отдельный выпуск «Новый год в Москве» (2015). Автор создает неожиданный образ столицы с помощью ее жителей, приезжих и коренных. Москва, повиная литературной традиции реализма и модернизма, подвергается четкому разделению, но теперь не на бедных и богатых, а на приезжих и русских. «Москва приезжая» (Москва мигрантов) предстает перед зрителем добрым и отзывчивым городом, «странноприимным домом», готовым помочь бедствующему путешественнику деньгами или хлебом. Она не делит людей по цвету кожи,

национальности, принадлежности к полу или по какому-либо другому признаку. Зритель видит, что приезжие стоят горой друг за друга и стараются держаться вместе, чтобы дать отпор любой опасности. «Москва русских» – полная противоположность. Это холодный город без «русской души». Он погряз в стереотипах, не боится жестких высказываний, легкости и обмана. Люди знакомятся и радостно улыбаются, обмениваются контактами и тут же забывают друг о друге. Показательным является эпизод знакомства Фишая с очаровательной девушкой на Красной площади и чтение стихотворения «Это правда – то, что у нас внутри...».

Совершенно с другой стороны демонстрирует Москву зрителю Алексей Пантелеев в мотивационном документальном произведении «Москва-Питер. В поисках счастья!», вышедшем в российский прокат в 2014–2015 гг. Для создания фильма режиссер взял интервью у различных представителей столицы. Среди них известные музыканты, бизнесмены, художники, деятели кино. В фильме Пантелеева появляются отсылки к высказыванию Н. В. Гоголя, что Москва – женщина, удивляющая самобытностью: «печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете» [14, с. 177]. Но, если Гоголь олицетворяет Москву со старой простоватой домоседкой, то в фильме Пантелеева она – роковая женщина, которую следует добиваться. Москва знает себе цену. Она не любит паразитов, которые приезжают к ней с целью нажиться за счет других, удачно выйти замуж или проверить какую-нибудь финансовую аферу. Таким людям столица не дает шансов остаться. К тем, кто приехал сюда с четко поставленной целью получить хорошие результаты, долго и упорно работая, Москва благосклонна.

Своим быстрым темпом жизни столица принуждает людей к действию, помогая им строить жизнь. Москва начинает ассоциироваться с городом возможностей. Этот же образ культивирует в своем 33-минутном ролике «Плюсы и минусы жизни в Москве. Переезд в Москву» (2022) актриса и телеведущая Алена Олькина на ютуб-канале «Глазами Алены». Интересно, что по сюжету романа в стихах «Евгений Онегин» Татьяну Ларину тоже привозят в город возможностей – Москву – на ярмарку невест, то есть в Благородное собрание на Большой Дмитровке, где проводились балы, происходили встречи молодых людей, устраивались их судьбы. Там Татьяна встречает своего будущего мужа, генерала 1812 года.

Укоренившийся в обществе стереотип о Москве как официальной столице России на контрасте с другой – культурной – столицей пытался развеять в своей еженедельной авторской передаче «Пешком...» (2012–2025) на телеканале «Культура» журналист и краевед Михаил Жебрак [15]. Из выпуска в выпуск он демонстрировал зрителям

культурные места Москвы, ее памятники, церкви, старинные особняки, музеи, придерживаясь эстетики неспешных променадов.

Москва в изображении Жебрака – культурная столица и машина времени. Ее улицы хранят в себе память о различных эпохах. Каждый может погрузиться в атмосферу Серебряного века или попасть во времена «оттепели», главное – знать нужные адреса. Москва Жебрака целиком и полностью состоит из зданий, построенных в разное время. Именно они несут в себе историю города.

Москва разнообразна. Она содержит в себе черты различных национальностей, которые оставили свой след в истории города. В выпусках «Москва еврейская», «Москва армянская», «Москва грузинская», «Москва британская» и «Москва восточная» зритель может наблюдать, какое разнообразие культур сосредоточено в столице России. Здесь и синагоги, и армянские кладбища, и памятники известным грузинским деятелям – все мирно уживается в архитектурном пространстве столицы. Разнообразие и единство Москвы передается через наложение архитектурных стилей в выпусках «Москва деревянная», «Москва авангардная», «Москва серебряная», «Москва готическая». В программе «Москва львиная» зрителям демонстрируют наиболее известные здания, украшенные львами, и памятники львам. Лев – символ власти, именно поэтому его образ часто используется в архитектуре столицы. В выпуске Жебрака «Москва женская» появляется образ Москвы-женщины, который создается также через архитектуру – с помощью здания Московских высших женских курсов, дома на Ордынке, где останавливалась Анна Ахматова, приезжая в Москву, женских монастырей.

Отличительной чертой образа Москвы в программе Жебрака является то, что она практически лишена людей. Это самодостаточный организм, чей образ складывается не из быта ее обитателей, а через ее улицы, дома, памятники архитектуры.

Выводы

Таким образом, документальная камера делает город «плацдармом» пространственно-временных и идейных экспериментов. Образы Москвы в современной экранной публицистике эволюционируют в соответствии с требованиями времени и режиссерским видением. В исторической перспективе каждая эпоха создавала свою Москву на документальном экране: дореволюционный город-открытка («Москва в снежном убранстве»), город-машина 1920-х («Человек с киноаппаратом»), город, стремящийся к будущему, в 1930-х («Есть метро!»), город-герой 1940-х («Разгром немецких войск под Москвой») и город-утопия 1950-х («Москва – столица СССР»), соляный город коллективного порядка 1960–1980-х гг., мрачный город перестройки («Площадь Пушкина»), столица андеграунда, уличной культуры и экспе-

риментальной музыки («ПАНКИ90х»). Кинотекст Москвы XX – начала XXI в. предлагает зрителю образ постмодернистского мегаполиса-трансформера, который, сохраняя статус исторического и туристического центра, способен превратиться в мистический, обреченный город («Москва. Неизвестное метро»), город-аэропорт (стилистика ютуба), огромный «странноприимный дом» («Новый год в Москве»), машину времени («Пешком...»), город возможностей («Москва-Питер. В поисках счастья!»), а также примерить маску культурной столицы, роковой женщины и ребенка.

Современные документальные произведения и публицистика цифровой реальности по-новому обыгрывают семантическое наполнение «московского текста» и создают новые экранные коды Москвы, тем не менее доминанта образа в ленте времени практически не меняется – столица всегда остается городом, где люди отходят на второй план, уступая место либо концептам и идеям, либо безразличию и суете. Современный кинотекст Москвы – это сложная полифоническая структура, где, с одной стороны, ретранслируются закрепившиеся в советском кино традиционные образы, с другой – это деконструктивный по отношению к стилям прошедших эпох постмодернистский текст, где множатся и сливаются в монтажном калейдоскопе новые образы.

Специфика формирования образа Москвы в индивидуально-авторском сознании и репрезентация образа города в текстах культуры – довольно широкая тема, предполагающая изучение в аспекте литературы, журналистики и кинематографа. Кроме того, в статье можно проследить перспективы изучения образа Москвы в парадигме гипертекстуальности: образ Москвы в литературе, в игровом кино, связь условного и документального образов на экране. Актуален сюжет человека в большом городе, взаимоотношения приезжих и коренных жителей столицы, собирательный образ горожанина.

Литература

1. Бояршинова, Н. А. Формирование образа Москвы в отечественном кинематографе : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Н. А. Бояршинова. – М., 2015. – 27 с.
2. Левченко, Я. С. Кинематограф разрушает Москву, чтобы она развивалась / Я. С. Левченко. –

URL: <https://www.hse.ru/news/communication/172203704.html> (дата обращения: 03.01.2025).

3. Кино : энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. – М. : Советская энциклопедия, 1986. – 637 с.

4. Базен, А. Что такое кино? : сборник статей / А. Базен ; пер. с фр. ; вступ. статья И. Вайсфельда. – М. : Искусство, 1972. – 383 с.

5. Селеменова, М. В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) / М. В. Селеменова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2009. – № 2. – С. 20–27.

6. Гурьянова, А. Москва в кино. Как менялась Москва в фильмах с 1960-х по 2000-е. / А. Гурьянова // Афиша Daily. – 2016. – URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/1118-moskva-v-kino-kak-menyalas-stolica-na-ekrane-s-1960-h-po-2000-e> (дата обращения: 03.01.2025).

7. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров. // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

8. Разлогов, К. Мировое кино. История искусства экрана / К. Разлогов. – М. : Эксмо, 2011. – 687 с.

9. Вертов, Д. Статьи. Дневники. Замыслы / Д. Вертов. – М. : Искусство, 1966. – 320 с.

10. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. [с нем., вступ. ст. и примеч.] И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – Т. 2. – 611 с.

11. Баженова, Л. М. Мировая художественная культура. XX век. Кино, театр, музыка / Л. М. Баженова, Л. М. Некрасова, Н. Н. Курчан, И. Б. Рубинштейн. – М. : Питер, 2008. – 425 с.

12. Краткая история советского кино. 1917–1967 / ред. В. Ждан. – М. : Искусство, 1969. – 615 с.

13. Москва на экране. – URL: <https://mdn.ru/tuzizm/moskva-na-ekrane> (дата обращения: 03.01.2025).

14. Гоголь, Н. В. Петербургские записки 1836 года / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений : в 14 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8. – С. 177–190.

15. Жебрак, М. «Пешком...» / М. Жебрак // Сетевое издание «Смотрим». – 2025. – URL: <https://smotrim.ru/brand/21865> (дата обращения: 03.01.2025).

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир), e-mail: queenvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-7608-9772

Гуделева Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь (Владимир), e-mail: gudelena@yandex.ru. ORCID 0000-0001-9028-4091

Поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.

MOSCOW IN THE PARADIGM OF HYPERTEXTUALITY. ARTICLE 1. FEATURES OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF MOSCOW IN SCREEN JOURNALISM

V. V. Koroleva¹, E. M. Gudeleva²

¹Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

²Independent researcher, Vladimir, Russian Federation

The article discusses the concept of “urban text” in relation to the screen continuum, defines its genesis and analytical paradigm, and examines the image of a megalopolis in modern screen journalism using the example of Moscow. The transformation of the image of Moscow and its variability on the screen is studied on the basis of Russian-language works shot in various film, television and web documentary genres: documentaries, TV programs, TV movies, film sketches, Internet videos and reports. It is alleged that the image of Moscow is manifested in two ways: as a material and objective world, as well as an idea about a city arising in the minds and imaginative thinking of people. At the same time, the image of the city is not only considered as an independent symbolic field; the research also attempts to extend the image of the metropolis, as well as complement the idea of the poetics of urbanism on the documentary screen. It is concluded that the image of modern Moscow expands its semantic field and appears as a cultural capital, a femme fatale, a child, a mystical city, an airport city, a time machine, a city of opportunities, and a “hospitable house”.

Keywords: urban text, documentaries, symbolic field, journalism, artistic image, screen culture.

References

1. Boyarshinova N.A. Formirovanie obraza Moskvy v otechestvennom kinematografe [The Formation of the Image of Moscow in Russian Cinema]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 2015. 27 p.
2. Levchenko Y.S. Kinematograf razrushayet Moskvu, chtoby ona razvivalas' [Cinema Destroys Moscow So That It Can Develop]. URL: <https://www.hse.ru/news/communication/172203704.html> (date of accessed: 03.01.2025).
3. Kino [Cinema]: entsiklopedicheskiy slovar' Moscow: Soviet encyclopedia, 1986. 637 p.
4. Bazen A. Chto takoe kino? Sbornik statey [What Is Cinema? Collection of Articles]; vstupitel'aya stat'ya I. Vaysfel'da. P. 3–38. Moscow: Art, 1972. 383 p.
5. Selemenova M.V. «Moskovskiy tekst» v russkoy literature XX v. (na materiale khudozhestvennoy prozy 1910–1950kh gg.) [The “Moscow Text” in Russian Literature of the XX Century (Based on the Fiction of the 1910s–1950s)] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnal-istika. 2009. № 2. P. 20–27.
6. Gur'yanova A. Moskva v kino. Kak menyalas' Moskva v fil'makh s 1960-kh po 2000-e [Moscow in the Cinema. How Moscow Changed in Films from the 1960s to the 2000s] // Afisha Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/1118-moskva-v-kino-kak-menyalas-stolica-na-ekrane-s-1960-h-po-2000-e> (date of accessed: 03.01.2025).
7. Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury» [Petersburg and the Petersburg Text of Russian Literature] // Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. 624 p.
8. Razlogov K. Mirovoe kino. Istoriya iskusstva ekrana [World Cinema. History of Screen Art]. Moscow: Eksmo. 2011. 687 p.
9. Vertov D. Stat'i. Dnevnik. Zamysly [Articles. The Diaries. The designs]. Moscow: Art, 1966. 320 p.
10. Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii [The Decline of the West]: v 2 t. Moscow: Ayris-press, 2003. Vol. 2. 611 p.
11. Bazhenova L.M., Nekrasova L.M., Kurchan N.N., Rubinshteyn I.B. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. XX vek. Kino, teatr, muzyka [World Art Culture. XX century. Cinema, Theater, Music]. Moscow: Piter, 2008. 425 p.
12. Kratkaya istoriya sovetskogo kino. 1917–1967 [A Brief History of Soviet Cinema]. Moscow: Art, 1969. 615 p.
13. Moskva na ekrane [Moscow on the Screen]. URL: <https://mdn.ru/turizm/moskva-na-ekrane> (date of accessed: 03.01.2025).

14. Gogol' N.V. Peterburgskie zapiski 1836 goda [Petersburg Notes of 1836] // *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy*: v 14 t. Moscow; Leningrad: AS USSR Publishing House, 1937–1952. Vol. 8. P. 177–190.

15. Zhebrak M. «Peshkom...» [“On foot...”] // *Setevoe izdanie «Smotrim»*. URL: <https://smotrim.ru/brand/21865> (date of accessed: 03.01.2025).

Vera V. Koroleva – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University (Vladimir), e-mail: queenvera@yandex.ru

Elena M. Gudeleva – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Independent Researcher (Vladimir), e-mail: gudelena@yandex.ru

Received February 10, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Королева, В. В. Москва в парадигме гипертекстуальности. Статья 1. Особенности формирования образа Москвы в экранной публицистике / В. В. Королева, Е. М. Гуделева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 76–84. DOI: 10.14529/ssh250310

FOR CITATION

Koroleva V. V., Gudeleva E. M. Moscow in the paradigm of hypertextuality. Article 1. Features of the formation of the image of Moscow in screen journalism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 76–84. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250310

МЕДИАСОБЫТИЕ КАК МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТЕЛЕПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ЭРМИТАЖ. 260» НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»)

О. А. Разина^{1,2}

¹АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию»

(Телеканал «Санкт-Петербург»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются конвергентно-интеграционные процессы в телевизионной сфере и медиaprостранстве музея на примере телепроекта «Эрмитаж. 260», отражающего трансформацию телевизионных жанров. Просветительская и организаторская функции телевидения проявляются в репрезентации темы культуры через характерный композиционно-содержательный подход к созданию контента – телевизионный конструкт культурного события, базирующийся на комплексе творческих решений и инструментов телевидения, включая прямой эфир. Одним из обоснований устойчивости данной модели может служить ее ассоциативность с теорией телевизионных церемониальных событий Э. Каца.

Цель исследования – рассмотреть сложносоставную телевизионную модель культурно-просветительской телепрограммы, выходящую за рамки стандартных для журналистики жанров, как медиасобытие (англ. Media Event), а также проанализировать некоторые событийные коммуникации как приемы, формирующие впечатление аудитории в телевизионном эфире и в музее.

Методы кейс-стади, сравнения, обобщения приводят к заключению, что телевидение детализирует и масштабирует культурное событие, объединяя в целостной структуре разножанровые материалы и используя прямой эфир в качестве инструмента для новых драматургических решений в сфере тележурналистики и для реализации просветительской функции телевидения.

Ключевые слова: телевидение, медиасобытие, культурно-просветительские программы, событийные коммуникации, трансформация жанров, прямой эфир, функции телевидения, Государственный Эрмитаж.

Введение

В условиях глобального значения коммуникаций в медиасфере, получившего определение «коммуникативного поворота» [1], творческий процесс создания программ о культуре развивается интегративно, инструменты телевидения суммируются с возможностями и задачами культурных институций, таких как музеи. В результате подобных экспериментов формируются модели программ, позволяющие фиксировать системность и эффективность складывающихся медиаформ для телевизионной отрасли.

Развитие жанрово-структурных моделей демонстрирует, что телевидение не только освещает культурные и музейные поводы, используя традиционные информационные и художественные жанры тележурналистики [2, с. 31–43], но и создает собственные репрезентации тем, в которых просветительская и организаторская функции телевидения по-новому проявляются в создании программы, в том числе под влиянием фактора потребления контента, не ограничивающегося линейным телесмотрением, а предполагающего множество экранов [3, с. 90].

Практика создания исследуемых нами телепрограмм-репрезентаций на темы юбилейных дат культуры или крупных выставок, которые называются блокбастерами, началась в 2019 г. с восьми-

часовой трансляции в прямом эфире, посвященной Дню Эрмитажа (на официальном телеканале Санкт-Петербурга). Творческие решения, реализованные в данном проекте, многократно использовались в дальнейшем, уточнялись и приобрели системный характер (создано более 10 подобных конструктов, включая «Эрмитаж: рождение нового искусства. Коллекция С. И. Щукина», «Гавриилу Державину. Поэту и министру», «Эрмитаж. Натюрморт. Гимн жизни», «Пушкин. Лицей. Продолжение» и др.). Подобная телевизионная форма типологизируется автором как телевизионный конструкт культурного события [4]. Производство телепроектов выходит за рамки съемок, монтажа, трансляции программы, актуализирует организаторскую функцию телевидения и соизмеряется с теорией и практикой культурных индустрий [5].

Целью данной статьи автор видит анализ модели телевизионного конструкта как медиасобытия: рассматривая двойственность в понимании термина «медиасобытие» [6], мы проводим анализ значений термина и коммуникативных возможностей подхода. Здесь же мы касаемся просветительской и организаторской функций телевидения и ключевого фактора – прямого эфира – как момента «сборки» события, кульминации, формирующей его самообытность и коммуникативную эффективность.

Обзор литературы

Для анализа обоснованности использования термина «медиасобытие» в отношении масштабных телепроектов о культуре на основе прямых трансляций мы обращаемся к словарям и основополагающим исследованиям, использующим данное понятие. Вслед за Е. Г. Ним отметим, что несмотря на широкое употребление термина, его однозначное понимание отсутствует, что усложняет его анализ, идентификацию, вариативность прочтений и адекватность его критериев [7]. Кроме того, интегрированность медиа во все сферы жизни, медиатизация общества и всех социальных институтов способствовали выходу термина из научного тезауруса в практическое поле, где он используется с различной степенью правомерности, и как сказано в «Отечественной теории медиа» под редакцией Е. Л. Вартановой, «почти не пересекается с исходными разработками зарубежных специалистов и максимально упрощен» [6].

Наиболее распространенным является использование «медиасобытия» в значении отражения и моделирования реальности в медиа (например, крупные исследования ведутся в Пермском университете: К. И. Белоусов, Д. А. Баранов, Н. Л. Зелянская, Н. Ф. Пономарев, К. В. Рябинин); Е. Г. Ним, анализируя «медиасобытия», опирается на проект фундаментальных исследований «Медиа и социокультурные изменения: критический анализ трансформативных эффектов медиатизации» НИУ ВШЭ [7]). Мы в своей работе не касаемся лингвистической сферы бытования понятия «медиасобытия» в медиатексте как «модуса социальной реальности» [8], «механизма когниции и культуры» [8].

Текущая ситуация создает предпосылки для уточнения и актуализации значений «медиасобытия»; уже выявлена перспективность его анализа как «трансформативного» [7] жанра, лиминального (переходного) пространства. Мы же фокусируемся на «медиасобытии» как на функциональном методе преобразования телевизионных жанров, а также сопоставляем производство телепрограммы с организацией специального события, в котором проявляются событийные коммуникации [9].

Словарь «Отечественная теория медиа» определяет медиасобытие как «публичное мероприятие, изначально спланированное для широкого освещения в медиа» [6]. Данное обозначение правомерно для практики телевидения и принципиально соотносится с подходом к созданию телеконструкта культурного события.

Базовой теорией для нашего исследования являются исследования ученого и первого директора израильского телевидения [10] Элиху Каца (Elihu Katz), начатые в середине XX в. Программные мысли были обобщены им в соавторстве с Дэниэлом Дайяном в работе «Медиасобытия: прямая трансляция истории» (англ. «Media Events: The

Live Broadcasting of History», 1992) [11] и имеют ряд преданных последователей и критиков, поскольку речь идет о телевидении, которое, с одной стороны, прерывает рутину [11, с. 5] и дарит людям праздник, а с другой – укрепляет представление о сакральности власти.

В поле анализа медиасобытий превалирует политический дискурс, и медиасобытие в широком смысле понимается как медиаверсия происходящего или возможность озвучить и сделать значимой определенную тему, запрограммированным образом представить участников, их имидж и статус. По мнению Д. Бурстина, сформулированному еще в 1960-х гг., медиасобытие – это «псевдособытие» (англ. pseudo event), которое позволяет политикам получить широкое медийное внимание и предстать не столько общественными деятелями, сколько «звездами» [6].

Укорененность подобного негативного, манипулятивного смысла медиасобытия подтверждается и статьей в авторитетном Англо-русском толковом словаре концепций и терминов, составленном Л. М. Земляновой, где понятия «медиасобытие» и «псевдособытие» (англ. media events, pseudo-events) даются через запятую, как синонимичные [12]. Их характеризует создание реальности с опорой на медиажанры, логику медиа и с учетом задач и требований медиарынка или идеологических установок. В тексте фиксируется и более емкое и образное восприятие медиасобытия – «мыльный пузырь» [12]. Следовательно, в понимании зарубежных исследователей медиасобытия превалируют его возможности в фабрикации представленной аудитории.

Однако мы полагаем, что это не исключает возможности использования инструментов медиасобытия как модели церемониального события Э. Каца в просветительских целях, которые преследуют создатели культурно-просветительских телепрограмм и медиапроектов о культуре.

Методы исследования

Эмпирическим материалом для анализа телепроекта как медиасобытия в сфере культуры нами выбран специальный эфир «Эрмитаж. 260», реализованный в декабре 2024 года на официальном региональном телеканале «Санкт-Петербург» (юридическое название – АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию», АО «ГАТР»), далее – Телеканал. Партнером медиапроекта выступил Государственный Эрмитаж – далее Музей, Эрмитаж или ГЭ).

Общей стратегией для Телеканала и Музея при создании проекта являлось представление культурного наследия России и роль ГЭ в российской культуре, формировании идентичности, влиянии на институты культуры, задачи просвещения. 260 лет Эрмитажа как культурной институции определены датой приобретения Екатериной Второй коллекции Гоцковского, день 7 декабря счита-

ется Днем Эрмитажа в связи с днем Святой Екатерины, в православной традиции покровительницы императрицы, начавшей формирование крупнейшего в России собрания западноевропейского искусства, которое стало впоследствии, по определению генерального директора Эрмитажа, академика М. Б. Piotровского, «энциклопедией мировой культуры, написанной на русском языке» [13].

Значительная дата в истории Государственно-го Эрмитажа нашла отражение в комплексе материалов на телеканалах федерального и регионального значения (ВГТРК «Россия-Культура», «78» (МИЦ «Известия»), «НТВ» и др.) и преимущественно выражалась в информационных репортажах, документальных проектах о коллекциях и зданиях Эрмитажа; в эфир вышли интервью с генеральным директором Государственного Эрмитажа М. Б. Piotровским, его авторские программы об Эрмитаже [14].

Специальный телепроект «Эрмитаж. 260» [15], отличающийся многосоставностью разножанровых элементов в композиции и пролонгированным эффектом, занял обособленное место в информационном поле и был включен в программу Дней Эрмитажа [9], что интегрирует телевизионное производство в официальную событийную повестку музея и обосновывает конвергентные качества телепродукта.

Кульминацией проекта стал прямой эфир из Государственного Эрмитажа 7 декабря 2024 года, который первоначально прошел в официальных интернет-аккаунтах телеканала и Эрмитажа, а затем был показан в вечерний прайм-тайм в телевизионном эфире телеканала «Санкт-Петербург» и одновременно через сайт и интернет-аккаунты телеканала.

Содержательно и композиционно проект представлял собой драматургически выстроенное аудиовизуальное произведение (АВП) в прямом эфире, включающее сквозное действие – диалоги с экспертами из нескольких локаций в музее, в которое интегрировались подготовленные репортажи, портретные очерки, зарисовки, опросы, монологи известных людей – медийных личностей, прямые включения, графические элементы. Технологически проект обеспечила ПТС «Нева» (передвижная телевизионная станция АО «ГАТР»). Продолжительность проекта без учета рекламных блоков составила 2 часа 22 минуты.

Гипотезой исследования является предположение, что подобный телепродукт, который мы композиционно-содержательно охарактеризовали как телевизионный конструкт культурного события, в организационном, коммуникативном, жанровом аспектах может быть дифференцирован как медиасобытие (Media Event). Это определение уточняет основной подход к созданию телепрограммы не только как к производству АВП, но и как к организации события со своеобразной

режиссурой [9], где способом вовлечения акторов (например, экспертов) и аудитории (в эфире, интернете и непосредственно в музее) является медиа, в частности, телевидение и телевизионная трансляция, которая становится «током», «движущей силой» масштабирования информационного повода. Кроме того, мы последовательно разделяем мысль Элиху Каца, поддерживаемую Пэди Скэннелом, что прямая трансляция усиливает величие события [10].

Результаты и дискуссия

Разрабатывая тему медиасобытий, Э. Кац сформулировал ряд их основных признаков, а именно:

- прямая телевизионная трансляция;
- состоятельность события и без фактора медиа: трансляция важна, но событие произойдет и без нее;
- эмоциональность и символичность, выраженные в драматических и ритуальных проявлениях;
- точный план;
- участие в событии ярких личностей как основных действующих лиц;
- контекст ключевых для общества социальных взглядов, обеспечивающих необходимость внимания аудитории к событию [6].

Э. Кац и Д. Дайян имели в виду, в первую очередь, возможности медиасобытия как особого жанра телевидения, который масштабирует – начиная с анонсирования, рекламирования трансляции [11] – происходящие церемонии, спортивные состязания или парады – значительные или буквально исторические события, такие как высадка первого человека на Луну, Олимпийские игры или визит президента Египта Анвара Садата в Иерусалим (1977), которые состоялись бы и без телевидения.

Создатели проекта об Эрмитаже, пользуясь крупной датой, полностью смоделировали под телевизионный эфир специальное событие [9], чтобы привлечь внимание к Государственному Эрмитажу как к феномену культуры, достоянию страны, значимому для каждого гражданина России. Сценарий и композиция проекта «Эрмитаж. 260» были разработаны творческой группой для репрезентации культурно-просветительских смыслов, которые закладывают музейные специалисты в экспозиции, выставочные проекты, юбилейные мероприятия и с учетом драматургии телевизионной программы в прямом эфире.

Информационный повод – юбилейная дата, и ее ожидание, «подогреваемое» анонсированием, – отсылает нас к указанной выше хрестоматийной работе Э. Каца и Д. Дайяна о медиасобытиях. Ключевыми положениями теории являются три типа медиасобытий: «завоевание», «состязание» и «коронация» (англ. Contest, Conquest, Coronation) [11], каждый из которых имеет формализованные критерии [11]. Проект из Эрмитажа тяготеет к типу «коронация», поскольку связан с укреплением в обществе традиций – уважения

к истории, культуре. Эту главную мысль поддерживает церемониальность ряда эпизодов, их ассоциированность с выразительными примерами национального достояния, наличием собственной статусной символики. Эти образы нашли отражение в телепрограмме: например, в начале был показан торжественный видеоклип на песню «Атланты» А. Городницкого, считающуюся гимном Эрмитажа. Финалом проекта стало не менее символическое, в определенном смысле ритуальное действие завода часов «Павлин», на которое в Павильонном зале собирается большое количество публики.

С «коронацией» проект связывает и характерная для данной категории дифференциации обращенность в прошлое, знания о котором укрепляют современные общественные связи.

Многие из предлагаемых критериев и характеристик медиасобытия Каца-Дайяна соотносятся со сценарием программы «Эрмитаж. 260». Прямой эфир «собрал» в драматургически выстроенное аудиовизуальное произведение в строгом планетайминге программы несколько десятков созданных с учетом когнитивных и эмоциональных значений эпизодов. В эфире участвовали известные и выдающиеся деятели современности, лидеры мнений: М. Б. Пиотровский, Б. Я. Эйфман, Н. И. Явейн, К. А. Райкин и другие; прозвучали мнения популярных артистов: А. Ковальчук, А. Иванова, Т. Булановой, И. Ожогина, которые по стратегии создателей позволили привлечь внимание аудитории к менее узнаваемым экспертам, специалистам и более сложным темам музея и истории.

Прямой эфир относится к тем категориям медиасобытий по Дайяну и Кацу, универсальность которых подвергается критике [7] из-за существенно изменившегося медиаландшафта, однако мы полагаем, что именно технология прямого эфира, или стрима (в техническом понимании новых медиа), независимо от того, на какие экраны транслируется событие – в интернет, или в телевизионный эфир, – является важнейшим фактором, который определяет *свершенность* (курсив наш) медиасобытия, концентрирует и укрупняет его смыслы. А в таких синтетических жанровых формах как телевизионный конструкт культурного события собственно факт трансляции становится событием, формирующим своеобразный коммуникативный очаг, эпицентр, который позволяет формировать и продолжительное время удерживать внимание к теме. Данный подход развивает «способ вещания» [16, с. 36], вошедший в теорию телевизионной журналистики как телемарафон, форма «впечатляющая масштабностью и временной протяженностью действия» [16]. Однако мы полагаем, что сложившееся восприятие «эстафетности» и некоторой монотонности указанной формы не соответствует своеобразию телеконструкта культурного события и медиасобытия, поэтому намеренно избегаем указанного названия.

Характерными особенностями телевизионного конструкта культурного события является ряд способов производства и набор разножанровых эпизодов, составляющих в момент прямого эфира единое целое АВП, раскрывающее творческий замысел создателей. В комплексе сюжетов заложены архетипические модели и используется современный визуальный язык, что перспективно, поскольку, по мнению А. М. Шестериной (2020, 2021, 2022), которое мы разделяем, позволяет видеоматериалам быть неожиданными и в то же время «апеллировать к фоновым знаниям аудитории и опираться на знакомые ей фреймы» [17], включая зрителя в развитие телевизионного сценария как в кульминационном показе всей программы в эфире, так и при просмотре в сети отдельных эпизодов. Целью авторов «Эрмитаж. 260» была репрезентация значения ГЭ в исторических, предметных, биографических, смысловых, церемониальных и других проявлениях.

Параллельной задачей являлось построение коммуникаций с аудиториями: в телевизионном эфире, в интернете, с аудиториями Телеканала и Музея, включая посетителей сайтов и интернет-аккаунтов.

В рамках данной статьи, где телепрограмма в форме конструкта культурного события рассматривается как медиасобытие, обратимся к специфическим коммуникативным стратегиям – событийным. Событийные коммуникации (СК) являются частью социокультурных коммуникаций и, по мнению Е. А. Кавериной, являются актуальной технологией: событийные коммуникации, «используя различные форматы и характеры взаимодействия инициаторов и аудиторий, могут выступать сегодня конструктивными способами построения социокультурной реальности» [18]. Рассматривая в цитируемой статье ряд примеров событийных коммуникаций и специальных событий, исследователь обращает внимание на нестандартные сценарии, ambient-технологии, средовые контексты, перформативность.

Эти инструменты коммуникаций могут быть проявлены и в новых формах культурно-просветительских программ. Например, выбор места для студии в конструкте культурного события «Эрмитаж. 260» был обоснован не только содержательным фоном: Угловой зал (зал № 248) в Новом Эрмитаже, где размещены шедевры Гольциуса из первой купленной Екатериной коллекции. Для выбора центральной для эфира студии имела значение и планировка зала с тремя входами для публики, ведущими в Зимний дворец, в залы голландской живописи и в залы фламандской живописи. Таким образом, пространство студии находилось на пересечении маршрутов посетителей музея. Через зал, где происходили ключевые по содержанию программы диалоги – интервью с генеральным директором Эрмитажа М. Б. Пио-

тровским, экспертами, непрерывно шли люди, «прохожие», которые попадали в кадр. Для зрителей, которые смотрели программу через интернет или в эфире, эти случайные люди в синтетически созданном кадре экрана создавали ощущение подлинности, «дыхания» текущей независимо от телеэфира жизни Музея. Для самих посетителей ГЭ неожиданная встреча с телевизионной студией, творческим процессом становилась дополнительной акцией, которая усиливала впечатления от посещения музея: они останавливались, фотографировали, и это интегрированное в экспозицию публичное действие акцентировало для них значение Музея, нарушало рутинность продолжительного путешествия по залам и анфиладам.

Событийные коммуникации расширяют аудиторию телепрограммы и создают эксклюзивность специального события для Музея и его аудитории, что также позволяет обратить внимание на актуализацию таких функций телевидения, как интегративная, культурно-просветительская, организаторская. Если в начале 2000-х годов исследователи отмечали новоявленность и главенствующую роль экономической функции телевидения (С. Н. Ильченко) [19], то актуальные формы программ о культуре позволяют осмысливать перспективность ренессанса организаторской функции телевидения, например, в сфере создания культурных событий.

Выводы

Трансформация телевизионных жанров на фоне глобальной медиатизации общества и самих медиа [20], включая телевидение, ориентирует производство контента не только на решение информационных и творческих задач, но и на выстраивание коммуникативных стратегий с аудиториями.

Новые формы культурно-просветительских телепрограмм, комплексно раскрывающих информационный повод через построение модели события или темы с использованием комплекса разножанровых материалов, которые собираются в единое целое в строгом тайминге прямого эфира, позволяют проводить параллель между телевизионной программой и медиасобытием (по Э. Кацу).

Прямой эфир как является признаком телевизионности, медийности события, так и влияет на его эксклюзивный, исключительный статус, укрупняет значение темы. Восприятие содержания и эмоциональное впечатление обостряют сопричастность с происходящим в прямом эфире – здесь и сейчас, даже если это запись того, как это было в прямом эфире.

Развитие теории и критериев медиасобытия Дайяна и Каца на рассмотренном примере выражается в том, что в основе подобных проектов может не быть исходного праздничного действия или церемонии, но в то же время в прямом эфире и из специально подготовленных элементов собирается цельный образ, сопоставимый с жанрами «коронации», «завоевания» или «состязания» –

телевизионный конструкт культурного события. Также мы уточняем, что продуктивной моделью медиасобытия являются не только политические, но и культурно-просветительские поводы, идеи и темы.

Творческие решения в создании телевизионных конструктов культурных событий коррелируют с событийными коммуникациями, обращаясь к сопоставимым технологиям и практикам нестандартного выбора пространств, неожиданных перформансов, которые порождают чувство сопричастности зрителей, что влияет на расширение аудитории и выполнение культурно-просветительской функции телевидения.

Литература

1. Dugin, E. A. “communicative turn” in the theoretical and methodological substantiation of the media system and journalism / E. Dugin // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. – 2024. – № 3. – P. 5–19.
2. Вакурова, Н. В. Типология жанров современной экранной продукции : учебное пособие / Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин. – М., 1997. – 61 с.
3. Полуэхтова, И. А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) / И. А. Полуэхтова // *Знание. Понимание. Умение*. – 2022. – № 3. – С. 90–107. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1627> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Ильченко, С. Н. Трансформация культурно-просветительских программ в телевизионном эфире в условиях пандемического контекста (на примере проекта «Русский музей. 125 лет») / С. Н. Ильченко, О. А. Разина // *Неофилология*. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 144–153.
5. Разина, О. А. Производство культурно-просветительских программ и культурные индустрии: к вопросу о подходах к анализу телевидения / О. А. Разина // *Неофилология*. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 701–710.
6. Отечественная теория медиа: основные понятия : словарь / под ред. Е. Л. Вартаковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. – 246 с.
7. Ним, Е. Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? / Е. Г. Ним // *Социологический журнал*. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 28–37.
8. Белоусов, К. И. Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты / К. И. Белоусов, Д. А. Баранов, Н. Л. Зелянская, Н. Ф. Пономарев, К. В. Рябинин // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2021. – № 2. – С. 5–26.
9. Каверина, Е. А. Создание событий в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е. А. Каверина. – СПб, 2012. – 47 с.

10. Scannell, P. The life and times of media events: A tribute to Elihu Katz / P. Scannell // *Nordic Journal of Media Studies*. – 2024 (1). – P. 118–133.
11. Dayan, D. *Media Events: The Live Broadcasting of History* / D. Dayan, E. Katz. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992. – 305 p.
12. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
13. Слово директора. Академик Михаил Пиотровский: Эрмитаж – это энциклопедия мировой культуры, написанная на русском языке // Государственный Эрмитаж. – URL: <https://www.hermitagemuseum.org/news/directors-blog/blog-post?id=88&lng=ru> (дата обращения: 25.01.2025).
14. Михаил Пиотровский. Фильм об отце. Авторы – Михаил Пиотровский и Алексей Чачба // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/news/mikhail_pirotrovskii_film_ob_ottse?lng=ru; <https://smotrim.ru/video/2905485> (дата обращения: 25.01.2025).
15. Праздничная трансляция «День Эрмитажа на телеканале «Санкт-Петербург» // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/news/news_428_24?lng=ru0123456765 (дата обращения: 25.01.2025).
16. Шестеркина, Л. П. Методика телевизионной журналистики : учебное пособие для студентов вузов / Л. П. Шестеркина, Т. Д. Николаева. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 224 с.
17. Шестеркина, А. М. Модификация архетипических сюжетов в современных аудиовизуальных медиа / А. М. Шестеркина // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. – 2020. – Т. 39 (2). – С. 169–177.
18. Каверина, Е. А. Событийные коммуникации в координатах современности / Е. А. Каверина // *Международный журнал исследований культуры*. – 2017. – № 2 (27). – URL: <https://old.culturalresearch.ru/ru/archives/109--227-> (дата обращения: 25.01.2025).
19. Ильченко, С. Н. Основы журналистской деятельности / С. Н. Ильченко. – М. : Юрайт, 2020. – 311 с.
20. Коломиец, В. П. Медиатизация медиа / В. П. Коломиец. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. – 256 с.

Разина Ольга Александровна – заместитель генерального директора по производству тематических программ и специальных проектов, АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию» (Телеканал «Санкт-Петербург»), старший преподаватель кафедры телерадиожурналистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: o.a.razina@yandex.ru. ORCID 0009-0007-5963-1383

Поступила в редакцию 2 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250311

MEDIA EVENT AS A MODEL OF CULTURAL AND EDUCATIONAL TV PROGRAMS (AS EXEMPLIFIED BY “THE HERMITAGE. 260” PROJECT ON ST. PETERSBURG TV CHANNEL)

O. A. Razina^{1,2}

¹*City Agency for Television and Radio Broadcasting JSC (St. Petersburg TV Channel), Saint Petersburg, Russian Federation*

²*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

The article analyzes convergent integration processes in the television sphere and the museum media space using the example of “The Hermitage. 260” TV project reflecting the transformation of television genres. The educational and organizational functions of television are manifested in the representation of the topic of culture through a characteristic compositional and content-based approach to content creation – a television construct of a cultural event based on a set of creative solutions and television tools, including live broadcast. The stability of this model can be justified by its associativity with E. Katz’ theory of television ceremonial occasions.

The purpose of the study is to consider the complex television model of a cultural and educational television program going beyond the genres, which as standard for journalism, as a media event, as well as to analyze some event communications as tools shaping the audience impression on television and in the museum.

The methods of case studies, comparisons, and generalizations allow concluding that television details and scales up a cultural event, combining multi-genre materials in an integral structure and using live broadcasting as a tool for new dramatic solutions in television journalism and for the implementation of the educational function of television.

Keywords: television, media event, cultural and educational programs, event communications, transformation of genres, live broadcast, functions of television, State Hermitage.

References

1. Dugin E. A. “Communicative Turn” in the Theoretical and Methodological Substantiation of the Media System and Journalism // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2024. № 3. P. 5–19.
2. Vakurova N.V., Moskovkin L.I. Tipologiya zhanrov sovremennoy ekrannoy produktsii [Typology of Genres of Modern Screen Production]: uchebnoe posobie. Moscow, 1997. 61 p.
3. Polujehtova I.A. Praktiki mediapotrebleniya rossiiskoy molodezhi v cifrovom obshchestve (po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya) [Media Consumption Practices of Russian Youth in the digital Society (based on the Results of an Empirical Study)] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2022. № 3. P. 90–107.
4. Ilchenko S.N., Razina O.A. Transformatsiya kul'turno-prosvetitel'skikh programm v televizionnom efire v usloviyah pandemicheskogo konteksta (na primere proekta «Russkii muzei.125 let») [Transformation of Cultural and Educational Programs on Television in a Pandemic Context (on the Example of the Project “Russian Museum. 125 years”)] // *Neofilologiya*. 2022. T. 8, № 1. P. 144–153.
5. Razina O.A. Proizvodstvo kul'turno-prosvetitel'skikh programm i kul'turnye industrii: k voprosu o podkhodakh k analizu televideniya [Production of Cultural and Educational Programs and Cultural Industries: on the Issue of Approaches to the Analysis of Television] // *Neofilologiya*. 2024. T. 10, № 3. P. 701–710.
6. Otechestvennaya teoriya media: osnovnye ponjatiya [Domestic media Theory: basic Concepts]: slovar' / pod red. E.L. Vartanova. Moscow: Moscow University Publishing House, 2019. 246 p.
7. Nim E.G. «Mediasobytiya»: teorija, konca kotoroj net? [Media Events: a Theory with no End?] // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2019. T. 25. № 4. P. 28–37.
8. Belousov K.I., Baranov D.A., Zelyanskaya N.L., Ponomarev N.F., Ryabinin K.V. Kognitivno-informacionnoe modelirovanie social'noy real'nosti: koncepty, sobytiya, priority [Cognitive-Information Modeling of Social Reality: Concepts, Events, Priorities] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2021. № 72. P. 5–26.
9. Kaverina E.A. Sozdanie sobytii v sovremenном sotsiokul'turnom prostranstve [Creation of Events in the Modern Socio-Cultural Space]: avtoref. dis. d-ra filos. nauk. Saint Petersburg, 2012. 47 p.
10. Scannell P. The Life and Times of Media Events: A Tribute to Elihu Katz // *Nordic Journal of Media Studies*. 2024 (1). P. 118–133.
11. Dayan D., Katz E. Media Events: The Live Broadcasting of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 305 p.
12. Zemlyanova L.M. Kommunikativistika i sredstva informatsii [Communication and Media]: anglo-russkii tolkovyy slovar' kontseptsii i terminov. Moscow: Moscow University Publishing House, 2004. 416 p.
13. Slovo direktora. Akademik Mikhail Piotrovskiy: Ermitazh – eto entsiklopediya mirovoy kul'tury, napisannaya na russkom yazyke [Word of the Director. Academician Mikhail Piotrovsky: The Hermitage is an Encyclopedia of world Culture, written in Russian] // *State Hermitage*. URL: <https://www.hermitagemuseum.org/news/directors-blog/blog-post?id=88&lng=ru>.
14. Mikhail Piotrovskiy. Fil'm ob ottse [Mikhail Piotrovsky. A Film about a Father] // *State Hermitage*. URL: https://www.hermitagemuseum.org/news/mikhail_piotrovskii_film_ob_ottse?lng=ru; <https://smotrim.ru/video/2905485>.
15. Prazdnichnaya translyatsiya «Den' Ermitazha na telekanale «Sankt-Peterburg» [Festive Broadcast “Hermitage Day on the St. Petersburg TV channel”] // *State Hermitage*. URL: https://www.hermitagemuseum.org/news/news_428_24?lng=ru0123456765.
16. Shesterkina L.P., Nikolaeva T.D. Metodika televizionnoy zhurnalistiki [Methods of Television Journalism]: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moscow: Aspect Press, 2012. 224 p.
17. Shesterina A.M. Modifikatsiya arkhietipicheskikh syuzhetov v sovremennykh audiovizual'nykh media [Modification of Archetypal Plots in Modern Audiovisual Media] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2020. T. 39 (2). P. 169–177.
18. Kaverina E.A. Sobytiynye kommunikatsii v koordinatakh sovremennosti [Event Communications in the Coordinates of modern Times] // *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2017. № 2 (27). URL: <https://old.culturalresearch.ru/ru/archives/109--227->.

19. Ichenko S.N. *Osnovy zhurnalistiskoy deyatel'nosti* [Fundamentals of Journalistic Activity]. Moscow: Yurayt, 2020. 311 p.
20. Kolomiets V.P. *Mediatizatsiya media* [Mediatization of Media]. Moscow: Moskow University Publishing House, 2020. 256 p.

Olga A. Razina – Deputy General Director for the Production of Themed Programs and Special Projects, City Agency for Television and Radio Broadcasting JSC (St. Petersburg TV Channel), Senior Lecturer at the Department of Television and Radio Journalism, St. Petersburg State University (Saint Petersburg), e-mail: o.a.razina@yandex.ru

Received February 2, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Разина, О. А. Медиасобытие как модель культурно-просветительских телепрограмм (на примере проекта «Эрмитаж. 260» на телеканале «Санкт-Петербург») / О. А. Разина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 85–92. DOI: 10.14529/ssh250311

FOR CITATION

Razina O. A. Media event as a model of cultural and educational TV programs (as exemplified by “The Hermitage. 260” project on St. Petersburg TV channel). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 85–92. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250311

РЕКЛАМА В ВОЕННОЙ СФЕРЕ: АНАЛИЗ СУЩНОСТИ, СОДЕРЖАНИЯ И ОСОБЕННОСТЕЙ РЕКЛАМЫ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО

В. М. Струговец

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы рекламы контрактной службы в Вооруженных силах России, анализируются ее сущность, содержание, цель, особенности с учетом проводимой Специальной военной операции на Украине. На конкретных примерах выделяются основные акценты контекста рекламы: психологический, патриотический, материальный, используемые образы, заголовки, слоганы. Отмечается особая грань рекламной кампании, построенная на исторических личностях, посылах и параллелях, в том числе с учетом опыта Великой Отечественной войны. Отдельно изучается проблематика эффективности рекламной коммуникации военной службы по контракту, оценка различных ее видов: телевизионная реклама, радиореклама, реклама в печатных СМИ, интернет-реклама, агитационные плакаты и листовки. Ранжирование рекламных коммуникаций показало существенный перевес эффективности рекламы, основанной на материальных стимулах влияния на человека, а не «лозунговой», пропагандистской. В основе материала проведенное автором исследование среди руководителей пунктов отбора на военную службу по контракту, непосредственных организаторов и участников рассматриваемой рекламной кампании в 46 регионах всех 8 федеральных округов страны.

Тема может быть интересна активным участникам рекламных коммуникаций, организаторам рекламных кампаний, так как позволит сосредоточить основные ресурсы деятельности на наиболее эффективных видах и каналах коммуникации.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, военная служба по контракту, специальная военная операция (СВО), эффективность рекламы, морально-нравственные ценности.

Введение

В рамках реализации принципов формирования российской армии на основе профессионализации военной деятельности значимость рекламы контрактной службы в Вооруженных силах РФ возрастает. Начало Специальной военной операции на Украине (далее – СВО) и необходимость выполнения указов Президента Российской Федерации 2022, 2023 и 2024 годов об увеличении штатной численности Вооружённых Сил Российской Федерации [1–3] потребовали от Минобороны России активных действий по привлечению кандидатов на военную службу по контракту, совершенствованию методов, способов, технологий рекламных коммуникаций. Несмотря на многочисленность научных трудов по проблематике военной службы по контракту, вопросам рекламы контрактной службы в Вооруженных Силах России, по данным Научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru, на январь 2025 г. посвящено только семь работ, шесть из которых написаны до начала Специальной военной операции на Украине В. И. Кандаловым, Э. Ф. Кочеваткиной, А. М. Первовой, В. П. Лушниковым, А. А. Телегуз и др. [4–12]. Единственное современное исследование С. Б. Калининой «Особенности социальной рекламы службы по контракту в период проведения Специальной военной

операции на Украине» посвящено психологическим основам рекламы военной службы по контракту [13]. Таким образом, тематика эффективности рекламы контрактной службы в Вооруженных Силах России не изучена, и предлагаемое исследование, в ходе которого рассмотрен и проанализирован ряд важнейших составляющих рекламы – заголовки и слоганы, используемые образы, основной контент, каналы коммуникаций и др. – устраняет указанный пробел. Объект исследования – реклама военной службы по контракту после начала СВО, предмет исследования – эффективность рекламы в целом и рекламных коммуникаций в частности. Оценка эффективности рекламы, как результат исследования, позволит грамотно спланировать рекламную кампанию и выбрать оптимальные способы продвижения рекламы.

Обзор литературы

Автор солидарен с позицией коллеги по Военному университету имени князя Александра Невского Минобороны РФ В. И. Кандаловым, что реклама военной службы по контракту – это «...вид деятельности... направленный на повышение привлекательности военной службы по контракту, имиджа военнослужащего по контракту, а также на формирование и развитие у различных групп населения положительной мотивации по от-

ношению к военной службе по контракту» [8]. С. Б. Калинина в своем исследовании отметила, что «такая реклама призвана решить две задачи:

- информирование граждан об особенностях и преимуществах военной службы по контракту;
- создание реалистического представления о военной службе и о том, что она может дать в будущем» [13].

Методы исследования

В ходе работы использовались эмпирические методы исследования (анализ, наблюдение, опрос), теоретические (классификация, конкретизация), количественные – для выявления причинно-следственных связей (контент-анализ) и качественные (экспертные и глубинные интервью, фокус-групповые дискуссии).

Для детального изучения проблематики особенностей и перспектив совершенствования рекламных коммуникаций о контрактной службе в ВС РФ после начала СВО автором проведено социологическое исследование в форме анкетирования, экспертные и глубинные интервью, фокус-групповые дискуссии с 90 руководителями пунктов отбора на военную службу по контракту, представляющих 46 регионов всех федеральных округов страны. Исследование позволило ранжировать эффективность рекламы в различных видах традиционных и новых СМИ (телевидение, радио, печатные и интернет-СМИ), наружной и печатной рекламы.

Результаты и дискуссия

В исследуемой рекламной кампании основной психологический акцент делается на том, что это «достойный выбор патриота» и «настоящая мужская работа». В рациональной плоскости контрактную службу рекламируют как реальную возможность получать высокую зарплату, решить жилищную проблему, обеспечить себя и своих близких родственников (супругу, детей, родителей) определенными социальными льготами, в том числе в получении высшего образования (рис. 2). Таким образом, кандидатам на контрактную службу предоставляется возможность повысить свой социальный статус, что послужит основой для дальнейшей карьеры.

В ходе рекламной коммуникации используют различные формы продвижения – телевидение, радио, печатные СМИ, интернет, наружную рекламу в виде плакатов и билбордов, печатную рекламу (брошюры, листовки и др.), что делает информацию о военной службе по контракту очень доступной.

Реклама построена на морально-нравственных принципах формирования и поддержания патриотизма, выдвигая на первый план образ Родины: «Быть с Родиной, жить ее судьбой, побеждать вместе с ней!»; «За нами – правда, за нами – Россия!»; «На защиту Родины по зову сердца!» Эти слоганы – прямое продолжение известного призыва 1941 г.: «Родина-мать зовёт!» (рис. 1а)

В этих же целях используются патриотические высказывания известных российских исторических личностей: М. И. Кутузов: «Нет выше чести, чем носить русский мундир»; Дм. Донской: «Не пощадим жизни своей за землю Русскую» (рис. 1с).

Особенность исследуемой рекламной кампании – краткие, но яркие, запоминающиеся заголовки текстов и слоганы: «Мы умеем побеждать!»; «Вперед, к победе!»; «Наше дело правое! Победа будет за нами!», что опять напрямую связано с героической историей страны (рис. 1d).

Используются и развернутые слоганы, не только призывающие к изменению поведенческой модели, но и объясняющие зачем необходимо это сделать: «За что мы воюем? Да как всегда – за наших! Мы вступились за слабых и беззащитных: за стариков и детей, за ветеранов, за десятки тысяч убитых и раненых жителей Донбасса»; «За что мы сражаемся? Да как всегда – за правду! Мы восстанавливаем справедливость!».

Основой рекламы стал слоган «Присоединяйся к СВОим». В нем эффективно использовано удачное совпадение аббревиатуры Специальной военной операции «СВО» и первого слога в местоимении «сво-им». А «свой» имеет заведомо позитивное звучание. Этот слоган несёт необходимую смысловую нагрузку, призывая к участию в СВО; эмоционально окрашен (призывает присоединиться к единомышленникам по духу, образу мыслей, морально-нравственным ценностям); легко запоминается.

В базе кампании по выбору контрактной военной службы не только патриотизм и морально-нравственные принципы. Большое внимание уделяется размерам денежного довольствия и различных дополнительных выплат военнослужащим. Указанные суммы кратно превышают доходы основной части населения в столице и регионах (рис. 2). В ходе анкетирования, углубленного собеседования и фокус-групповых дискуссий эксперты назвали этот приём очень эффективным. «Мы живём в век потребления, немалая часть населения обременена различными финансовыми и имущественными обязательствами. Поэтому именно финансовая составляющая, а не патриотическая, чаще всего основа для решения о подписании контракта с Минобороны» (капитан Иван С.). Свое мнение эксперты поясняют тем, что периоды перестройки и девяностых годов прошлого века нанесли значительный ущерб престижу военной службы. Неприязнь к армии была сформирована у представителей нескольких поколений. При этом участники исследования отдают должное тому, что сейчас, в последние 3–5 лет, для развития любви к Родине, патриотизма, повышения престижа военной службы делается многое: снимаются художественные фильмы, музыкальные клипы, аналитические телепередачи. Военнослужащие всё чаще появляются на телеэкранах, сидят на передних

рядах в концертных залах. Президент Российской Федерации с новогодним поздравлением обращается к нации в окружении военнослужащих, в неофициальной обстановке общается с ними за чайным столом после вручения государственных наград. Однако «молниеносно идеологию, общественное мнение не сформировать и «не отредактировать». Нужно время» (майор Петр К.). Поэтому финансовую составляющую «на первом плане» рекламных коммуникаций эксперты сочли «очень уместной и эффективной» (старший лейтенант Виктор М.).

Российские ученые выделяют различные критерии оценки эффективности рекламы. В исследовании предлагается применить критерии, показанные в работах Э. Н. Фетисова, С. Б. Калмыкова [14], Л. М. Дмитриевой и др. [15], как наиболее близкие к исследуемой проблеме.

В первой части экспертного опроса участникам предложили оценить критерии эффективности рекламных коммуникаций контрактной военной службы по пятибалльной шкале (табл. 1). Отметим, что в функциональные обязанности руководителей пунктов отбора на контрактную службу, среди которых и проводилось исследование, входит уточнение у кандидатов источников получения информации.

Таблица 1
Оценка эффективности рекламных коммуникаций
Table 1
Evaluation of advertising communication effectiveness

Критерии эффективности	Инструменты рекламы	Оценка
Способность привлечь и удержать внимание	Печатные СМИ	3
	ТВ	5
	Радио	2
	Интернет	5
	Наружная и печатная реклама	5
Понятность	Печатные СМИ	3
	ТВ	4
	Радио	2
	Интернет	5
	Наружная и печатная реклама	4
Узнаваемость и запоминаемость	Печатные СМИ	4
	ТВ	4
	Радио	2
	Интернет	4
	Наружная и печатная реклама	5
Убедительность мотивации	Печатные СМИ	4
	ТВ	4
	Радио	2
	Интернет	5
	Наружная и печатная реклама	5

Наиболее эффективными инструментами рассматриваемой рекламной кампании, по мнению почти 90 % участников исследования, являются наружная реклама (плакаты, билборды), печатная реклама (листовки, брошюры) и реклама в сети Интернет.

Высокую эффективность плакатов и листовок участники исследования пояснили возможностью их повсеместного размещения. В качестве наиболее значимых определены «места ожидания» – кассы магазинов, операционные залы МФЦ и бан-

ков, служебные помещения государственных, медицинских учреждений и т. д., где в поле зрения человека определенное время находится различная рекламная информация. Также эффективно размещение рекламных баннеров вдоль улиц или автотрасс («Когда человек по одной и той же улице едет или идет как минимум дважды в день – на работу и обратно, он через пару недель наизусть знает информацию на размещенном плакате», – отметил старший лейтенант Петр А.).

70 % участников исследования убеждены в эффективности листовок и брошюр, представляющих собой технологию «отложенного интереса»: потенциальный кандидат на контрактную службу может изучить информацию в удобное для него время, что невозможно, например, с теле- и радиорекламой, технология которых «здесь и сейчас». Принцип «отложенного интереса», считают 65 % экспертов, эффективен и в интернет-рекламе, которая не ограничена временем, как на телеканалах и радиостанциях, и объемом, как в печатных СМИ. «Свою позитивную роль играют гиперссылки, позволяющие «углубляться» в тему», – подчеркнул капитан Сергей К.

По мнению практически половины экспертов, главный недостаток ТВ-рекламы – «приукрашенная действительность». А радиореклама плохо воспринимается на слух («...лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», – констатировал капитан Сергей А.).

Предложения по совершенствованию рекламных коммуникаций в военной сфере

Во второй части экспертного исследования участникам предложили определить основные пути совершенствования рекламных коммуникаций по контрактной службе. По мнению почти 90 % опрошенных, наиболее эффективно применение территориально сегментированной рекламы. «На плакатах, в видеороликах героями должны быть жители конкретного региона, узнаваемые друзьями, коллегами, соседями» (майор Алексей А.). Свыше 60 % экспертов предложили информирование конкретного региона о деятельности частей, сформированных именно в этом регионе, об условиях службы в них. Такая обратная связь, убеждены почти 70 % участников исследования, будет способствовать формированию в публичном региональном пространстве позитивного образа своего, местного контрактника («благодарность родителям за воспитание солдата, приветственный адрес семье отличившегося контрактника» (капитан Дмитрий Р.)).

Другое предложение экспертов касается семейной ориентированности рекламной коммуникации: «... решение о готовности к контрактной службе мужчина, как правило, принимает, посоветовавшись с родственниками, которые должны знать о предоставляемых государством социальных льготах, перечень которых в большинстве регионов весьма значимый» (майор Алексей Д.). Та-

ким образом, необходимы подготовка, формирование и реализация целенаправленной рекламной кампании для новой целевой аудитории – членов семей кандидатов на военную службу по контракту.

Следующее направление, предложенное почти 80 % экспертов, касается увековечения памяти погибших военнослужащих, контрактников, добровольцев. «В учебных заведениях, в которых они учились, должны появиться мемориальные доски, барельефы, что способствует развитию у учащихся эмоционального интеллекта, эмпатии и формированию чувства народной поддержки в сложной жизненной ситуации у членов семей погибших», – уверен старший лейтенант Дмитрий К. «Важно содействие региональных или муниципальных администраций, например, по организации строительства в городских парках, скверах мемориальных комплексов, аллей памяти погибших / отличившихся во время Специальной военной операции», – дополнил коллегу капитан-лейтенант Виктор Н. «То, что в рамках страны является статистикой, на муниципальном уровне становится живой историей, которую нужно легализовать и рассказывать, по принципу «знайте, каким он парнем был...». «Города и села должны быть все в табличках и в памятных досках, должен появиться культ героя – защитника страны. Как красные звезды на домах и квартирах ветеранов Великой Отечественной войны, которые устанавливали тимуровцы», – уверен полковник Вячеслав Г.

Отдельно 65 % экспертов упомянули рекламу для иностранных граждан, целью которых является получение гражданства России. По их мнению, сегодня необходима реклама на языках народов постсоветского пространства, что позволит расширить территорию информационного воздействия интернет-рекламы. Также в особой рекламе, скорее всего печатной и радишной, нуждается спецконтингент, находящийся в местах лишения свободы. Лица, осужденные по нетяжким преступлениям, должны иметь возможность реабилитироваться в глазах общества и начать жизнь с чистого листа. Более того, рекомендуется привлечение к этой грани рекламной кампании самих бывших осужденных, с которых за участие в СВО снята судимость и которые были награждены государственными наградами и получили значимые социальные льготы («...покажем, что после участия в боевых действиях можно выйти на свободу не только “с чистой совестью”, но и заслуженным орденосцем, в новом социальном статусе», – подчеркнул капитан Виктор П.).

Особенно важно, по мнению опрошенных, установление единых по всей стране выплат при заключении контракта, что уравнивает все регионы. На сегодняшний день актуальна проблема переезда кандидатов в «богатые» регионы, где выплата существенно, порой в 5–10 раз, выше местной. Не менее важное значение имеет обеспечение кон-

трактника всеми видами обмундирования и экипировки, что опять-таки различается по регионам.

Более половины участников исследования отметили проблемы с финансированием размещения рекламы на телевидении, в печатных СМИ и на радио. По их мнению, реклама военной службы по контракту, как государственная задача, особенно во время боевых действий, должна размещаться безвозмездно и на государственных, и на частных ТВ-каналах и радиостанциях. Остро стоит проблема обновления рекламных материалов, размещаемых в пунктах отбора, которые не обладают собственными финансовыми средствами для разработки и производства агитационных материалов, а также их размещения в популярных в регионе местах. А именно местные особенности публичного пространства играют решающую роль в эффективности рекламы. Именно масс-медиа должны способствовать консолидации общества, вызвать эффект вовлечения.

Еще одна грань рекламы – творческая. «До сих пор практически нет профессиональных песен, художественных фильмов о Специальной военной операции», – констатировал майор Игорь В. Песня «Священная война» («Вставай страна огромная...») появилась на второй день войны, первый полнометражный художественный фильм о войне «Секретарь райкома» вышел на экраны в 1942 году, «Два бойца» – в 1943, «В шесть часов вечера после войны» – в 1944... Современным российским писателям, поэтам, кинематографистам, композиторам есть с кого брать пример. На это в День защитника Отечества в текущем году обратила внимание и председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко «На мой взгляд, художественный отклик ... представителей российской культуры на СВО, на героизм бойцов, на деятельность добровольцев, на сплоченность нашего народа, его патриотизм оказался, мягко говоря, сдержанным... Из-под «профессионального пера» деятелей культуры не вышло достаточного количества новых зрелых произведений, посвященных этим темам...», – написала спикер в своем блоге на сайте Совета Федерации [16].

Выводы

По результатам исследования можно сделать вывод, что реклама военной службы по контракту во время СВО основывается на публичной презентации моральных, материальных и социальных стимулов. Для того чтобы рекламная кампания стала более эффективным инструментом, необходима поддержка государственных институтов, масс-медиа, общественных объединений военно-патриотической направленности, заинтересованных граждан – членов семей контрактников. Полученные в ходе исследования результаты помогут сосредоточить основные ресурсы рекламной кампании по привлечению кандидатов на военную службу по контракту через наиболее эффективные виды и каналы коммуникации.

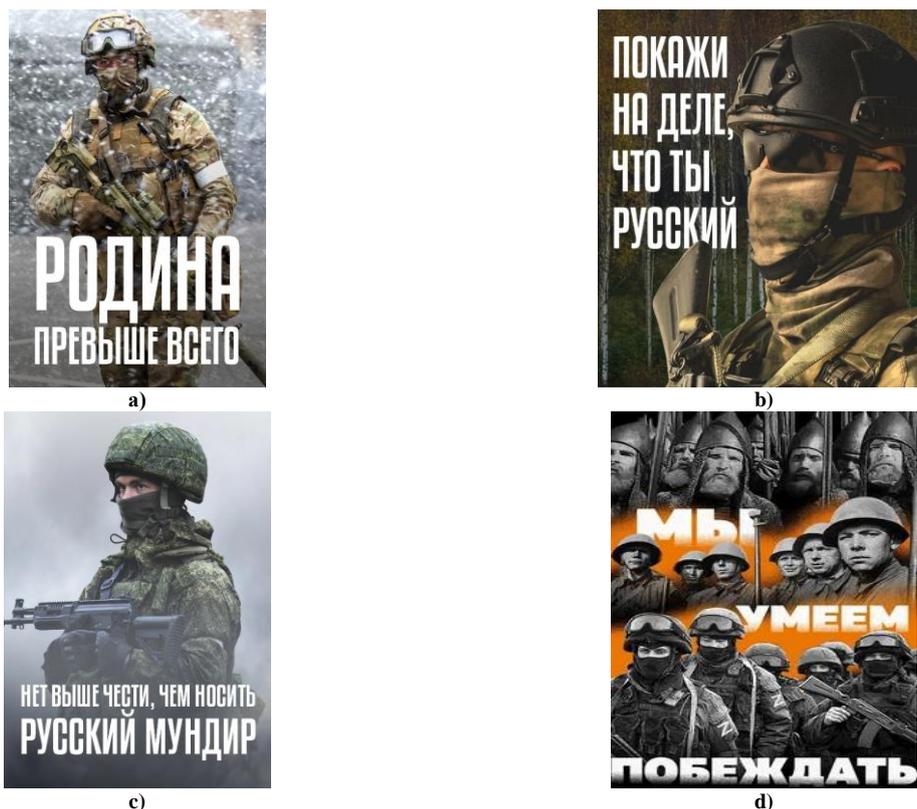

Рис. 1. Плакаты по тематике СВО
Fig. 1. Posters on the Special Military Operation

Рис. 2. Рекламные плакаты по тематике военной службы по контракту
Fig. 2. Military contract service advertising poster

Литература

1. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2022 № 575. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208250004> (дата обращения: 21.12.2024).

2. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации. 2023. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2023 № 915. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312010116> (дата обращения: 21.12.2024).

3. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации. 2024.

Указ Президента Российской Федерации от 16.09.2024 № 792. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51106> (дата обращения: 21.12.2024).

4. Кандалов, В. И. Рекламная деятельность Вооруженных сил Российской Федерации и пути ее совершенствования : автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. И. Кандалов. – М., 2003. – 28 с.

5. Кочеваткина, Э. Ф. Специфика военно-силовой социальной рекламы / Э. Ф. Кочеваткина, А. М. Перова // Современные технологии и автоматизация в технике, управлении и образовании : сборник трудов II Международной научно-практической конференции. – Балаково, 2020. – С. 400–404.

6. Лушников, В. П. Реклама военной службы

по контракту: пути повышения ее эффективности / В. П. Лушников // Военный академический журнал. – 2015. – № 1 (5). – С. 98–103.

7. Марусенко, О. Н. Ценности военной службы в условиях трансформации общества и социального института : автореф. дис. ... канд. соц. наук / О. Н. Марусенко. – Хабаровск, 2008. – URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004159959.pdf.

8. Кандалов В. И. Теоретико-методологические основы рекламной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации / В. И. Кандалов // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 4. – С. 287–295.

9. Проничева, О. Ю. Фактор адресата в рекламе военной службы по контракту: когнитивные и риторические аспекты исследования языковых средств воздействия / О. Ю. Проничева, И. М. Панкова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2020. – Т. 9. – № 6. – С. 67–73/

10. Проничева, О. Ю. Исследование языковых средств воздействия на адресата: когнитивные и риторические аспекты (на материале военной службы по контракту) / О. Ю. Проничева, И. М. Панкова // Гуманитарные технологии в современном мире : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. ; сост. Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. – СПб., 2020. – С. 643–649.

11. Шапкарин, Д. И. Социальная реклама как

гуманитарная технология / Д. И. Шапкарин // Гуманитарий. – 2009. – № 8. – С. 217–219. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-gumanitarnaya-tehnologiya>.

12. Телегуз, А. А. Гендерные стереотипы в военной рекламе / А. А. Телегуз, А. Г. Балобанова // Художественное произведение в современной культуре: творчество-исполнительство-гуманитарное знание : сборник статей и материалов ; сост. А. С. Макурина. – Челябинск, 2021. – С. 224–227.

13. Калинина, С. Б. Особенности социальной рекламы службы по контракту в период проведения Специальной военной операции на Украине / С. Б. Калинина // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции. – М., АЛЕФ, 2024. – С. 161–166.

14. Фетисов, Э. Н. Эффективность социальной рекламы / Э. Н. Фетисов, С. Б. Калмыков // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 7 (83). – С. 85–94.

15. Социальная реклама / Л. М. Дмитриева и др. ; под ред. Л. М. Дмитриевой. – М., Юнити-Дана, 2009. – 271 с.

16. Матвиенко выступила за обновление культурной элиты // РИА «Новости». 23.02.2025. – URL: <https://ria.ru/20250223/matvienko-2001086769.html> (дата обращения: 25.02.2025).

Струговец Виталий Михайлович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Москва), e-mail: strugvec@rambler.ru. ORCID 0009-0009-2399-0493

Поступила в редакцию 19 мая 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250312

MILITARY ADVERTISING: ANALYSIS OF THE ESSENCE, CONTENT, AND FEATURES OF SOCIAL ADVERTISING OF CONTRACT SERVICE IN THE RF ARMED FORCES AFTER THE BEGINNING OF SPECIAL MILITARY OPERATION

V. M. Strugovets

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The article discusses the issues of advertising contract service in the Russian Armed Forces, analyzes its essence, scope, purpose, and features, taking into account the ongoing Special Military Operation in the Ukraine. Specific examples are used to highlight the focus the advertising context: psychological, patriotic, and material using special images, headlines, and slogans. The article distinguishes the advertising campaign based on historical figures, messages, and parallels, including the Great Patriotic War experience. The effectiveness of the advertising communication of military contract service is studied separately; its various types, including TV advertising, radio advertising, print media advertising, online advertising, propaganda posters and leaflets, are

assessed. The rating of advertising communications showed that advertising based on material incentives to influence a person is much more effective than 'slogan' propaganda. The material is based on the author's study carried out among the heads of recruitment points for military contract service, as well as organizers and participants of the advertising campaign in 46 regions of all eight federal districts of the country. The issue may be of interest to active participants in advertising communications and advertising campaign organizers as it will allow them to focus their primary resources on the most effective communication types and channels.

Keywords: advertising communication, contract military service, Special Military Operation, advertising effectiveness, moral values.

References

1. Ob ustanovlenii shtatnoy chislennosti Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federacii. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 25.08.2022 № 575 [On Establishing the Staffing Strength of the Armed Forces of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 08.25.2022 № 575]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208250004> (date of accessed: 12.21.2024).
2. Ob ustanovlenii shtatnoy chislennosti Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federacii. 2023. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 01.12.2023 № 915 [On Establishing the Staffing Strength of the Armed Forces of the Russian Federation. 2023. Decree of the President of the Russian Federation dated 12.01.2023 № 915]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312010116> (date of accessed: 12.21.2024).
3. Ob ustanovlenii shtatnoy chislennosti Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federacii. 2024. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 16.09.2024 № 792 [On Establishing the Staffing Strength of the Armed Forces of the Russian Federation. 2024. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.16.2024 № 792]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51106> (date of accessed: 12.21.2024).
4. Kandalov V.I. Reklamnaya deyatel'nost' Vooruzhennykh sil Rossiyskoy Federacii i puti ee sovershenstvovaniya [The Advertising Activity of the Armed Forces of the Russian Federation and Ways to Improve It]: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Moscow, 2003. 28 p.
5. Kochevatkina E.F., Pervova A.M. Specifika voenno-silovoy social'noy reklamy [The Specifics of Military Social Advertising] // *Sovremennye tekhnologii i avtomatizatsiya v tekhnike, upravlenii i obrazovanii: sbornik trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Balakovo, 2020. P. 400–404.
6. Lushnikov V.P. Reklama voennoy sluzhby po kontraktu: puti povysheniya ee effektivnosti [Advertising of Military Service under Contract: Ways to Increase its Effectiveness] // *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2015. № 1 (5). P. 98–103.
7. Marusenko O.N. Cennosti voennoy sluzhby v usloviyakh transformatsii obshchestva i social'nogo instituta [Values in Military Service in Conditions of Transformation of Society and Social Institution]: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Habarovsk, 2008. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004159959.pdf.
8. Kandalov V.I. Teoretiko-metodologicheskie osnovy reklamnoy deyatel'nosti Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and Methodological Foundations of the Advertising Activities of the Armed Forces of the Russian Federation] // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2020. № 4. P. 287–295.
9. Pronicheva O.Y., Pankova I.M. Faktor adresata v reklame voennoy sluzhby po kontraktu: kognitivnye i ritoricheskie aspekty issledovaniya yazykovykh sredstv vozdeystviya [The Addressee Factor in Advertising Military Service under Contract: Cognitive and Rhetorical Aspects of the Study of Linguistic Means of Influence] // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 2020. T. 9, № 6. P. 67–73.
10. Pronicheva O.Y., Pankova I.M. Issledovanie yazykovykh sredstv vozdeystviya na adresata: kognitivnye i ritoricheskie aspekty (na materiale voennoy sluzhby po kontraktu) [Study of Linguistic Means of Influencing the Addressee: Cognitive and Rhetorical Aspects (Based on the Material of Military Service under Contract)] // *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennoy mire: sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch.; sost. L.M. Goncharova, T.V. Nesterova, E.A. Kitanina*. Saint Petersburg, 2020. P. 643–649.
11. Shapkarin D.I. Sotsial'naya reklama kak gumanitarnaya tekhnologiya [Social Advertising as a Humanitarian Technology] // *Gumanitariy*. 2009. № 8. P. 217–219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-gumanitarnaya-tehnologiya>.
12. Teleguz A.A., Balobanova A.G. Gendernye stereotipy v voennoy reklame [Gender Stereotypes in Military Advertising] // *Khudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoy kul'ture: tvorchestvo-ispolnitel'stvo-gumanitarnoe znanie: sbornik statey i materialov; sost. A.S. Makurina*. Chelyabinsk, 2021. P. 224–227.
13. Kalinina S.B. Osobennosti sotsial'noy reklamy sluzhby po kontraktu v period provedeniya Spetsial'noy voennoy operatsii na Ukraine [Features of Social Advertising of a Contract Service during a Special Military Operation in Ukraine] // *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: ALEF, 2024. P. 161–166.

14. Fetisov E.N., Kalmykov S.B. Effektivnost' sotsial'noy reklamy [The Effectiveness of Social Advertising] // *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2010. № 7 (83). P. 85–94.
15. Dmitrieva L.M., Bernadskaya Y.S., Kostyleva T.A., Tkachenko K.V., Marochkina S.S. Sotsial'naya reklama [Social Advertising]; pod red. L.M. Dmitrievoy. Moscow: Unity-Dana, 2009. 271 p.
16. Matvienko vystupila za obnovlenie kul'turnoj elity [Matvienko Advocated the Renewal of the Cultural Elite] // *RIA Novosti*. 23.02.2025. URL: <https://ria.ru/20250223/matvienko-2001086769.html> (date of accessed: 02.25.2025).

Vitaly M. Strugovets – Cand. Sc. (Politics), Senior Lecturer of the Department of Information Support, Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow), e-mail: strugvec@rambler.ru

Received May 19, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Струговец, В. М. Реклама в военной сфере: анализ сущности, содержания и особенностей рекламы контрактной службы в Вооруженных силах России после начала СВО / В. М. Струговец // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 93–100. DOI: 10.14529/ssh250312

FOR CITATION

Strugovets V. M. Military advertising: analysis of the essence, content, and features of social advertising of contract service in the RF Armed Forces after the beginning of Special Military Operation. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 93–100. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250312

ВЕРТИКАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАК ОСНОВНАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ В УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

М. А. Шолохов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Исследование посвящено анализу пространственной организации уральской поэзии, в которой особую роль играет вертикальная структура художественного мира. Актуальность работы обусловлена растущим интересом к региональным литературным традициям и необходимостью комплексного изучения пространственной семантики с применением цифровых методов анализа. Цель исследования – выявление ключевых пространственных образов уральской поэзии и анализ их взаимодействия в системе бинарных оппозиций. Материалом исследования стал 4-й том Антологии уральской поэзии, который представляет современный поэтический дискурс региона. В рамках работы был создан частотный словарь пространственных лексем, что позволило выделить наиболее значимые образы и определить их роль в формировании художественного пространства. Контекстуальный анализ текстов выявил устойчивые пары-противопоставления, организующие вертикальную структуру уральской поэзии. Результаты исследования показали, что художественное пространство уральской поэзии строится на взаимодействии природных и урбанистических локусов, где ключевыми пространственными концептами являются небо и Урал. Оппозиции «верх – низ», «город – природа» и «человек – пространство» определяют динамику поэтического мира, отражая как традиционные мифопоэтические мотивы, так и индивидуальные авторские стратегии. Полученные данные способствуют расширению представлений о пространственной организации региональной поэзии и демонстрируют эффективность цифровых методов в литературоведческом анализе.

Ключевые слова: уральская поэзия, художественное пространство, частотный словарь, пространственная семантика, вертикальная структура, локальный текст.

Введение

Вопрос пространственной организации художественного текста занимает важное место в литературоведческих исследованиях, поскольку пространство в поэзии представляет собой не только фон для развития лирического сюжета, но и сложную систему смысловых конструкций, формирующих поэтическую картину мира. В контексте уральской поэзии особую роль играет вертикальная структура, основанная на взаимодействии пространственных образов, отражающих особенности региональной идентичности. Исследование пространственных концептов в уральской поэзии позволяет выявить закономерности их функционирования и определить, каким образом строится художественное пространство в текстах авторов, связанных с этим регионом. Актуальность исследования определяется ростом интереса к региональным литературным традициям, а также необходимостью комплексного изучения пространственной семантики, в том числе с использованием цифровых методов анализа.

Материалом исследования стал 4-й том Антологии уральской поэзии, который представляет собой репрезентативный корпус текстов, отражающих актуальные тенденции развития поэтической традиции региона. На основе частотного словаря пространственных образов данного корпуса текстов было определено, что наиболее часто упо-

требляемым образом является небо. Кроме того, данный локус активно взаимодействует, соединяется и вступает в оппозицию с тремя другими часто употребляемыми образами: городом, лирическим героем и Уралом (представленным зачастую в качестве реки). Таким образом формируются три пары, отражающие разделение пространства на два мира (верхний и нижний), а также формирующие вертикальную систему организации художественной реальности.

Обзор литературы

Исследование уральской поэзии представляет собой важное направление современной литературоведческой мысли, объединяя в себе вопросы пространственной организации текста, территориальной идентичности, формирования локальных культурных кодов и эволюции региональной литературной традиции. Особую роль в данном контексте играет уральская поэтическая школа, которая осмысливается, с одной стороны, как феномен самоорганизации регионального литературного пространства, а с другой – как механизм построения и переосмысления символического образа Урала. В рамках научных исследований уральской поэзии акцент делается как на локальных текстах, в которых география региона находит отражение в поэтическом дискурсе, так и на процессах институционализации регионального литературного сообщества.

Исследование городского локуса в уральской поэзии представлено в работе А. Ю. Носковой «Характер освоения городского пространства в современной поэзии Екатеринбурга», где анализируются способы репрезентации Екатеринбурга в поэзии местных авторов. Исследовательница приходит к выводу, что образ города в лирике обладает двойственной природой: он одновременно выступает как индустриальный, функционально осмысленный урбанистический ландшафт и как символическое пространство, наполненное мифологическими смыслами и историческими реминисценциями. Авторы рассматриваемых текстов, среди которых С. Нохрин, О. Дозмор, Р. Тягунов, Б. Рыжий, используют топонимику, аллюзии на культурное наследие города и биографические маркеры, что создает уникальный поэтический образ Екатеринбурга, характеризующийся противоречивым сочетанием реализма и символизма [1, с. 201].

Схожая проблематика затронута О. А. Скриповой, которая исследует способы включения городских топонимов в текст современной уральской поэзии на примере материалов путевого журнала «По Уралу». В ее работе раскрывается особенность восприятия городского пространства через поэтические нарративы, где топонимы становятся не просто географическими указателями, но и элементами игрового осмысления городской среды. Важно отметить, что поэты, работающие с образом Екатеринбурга, не только фиксируют его материальные реалии, но и стремятся к его художественной трансформации, что позволяет говорить о городе как о знаковом культурном коде, формирующем локальный текст [2, с. 139].

Обобщая анализ локального текста Урала, М. П. Абашева и А. И. Серина проводят контент-анализ поэтических текстов, представленных в «Антологии уральской поэзии». В их исследовании прослеживается рост значимости территориальных номинаций, что свидетельствует об усилении идентификационной функции уральской поэзии. Особое внимание уделяется динамике употребления названий городов Екатеринбург, Челябинск и Пермь, а также их роли в формировании уральской поэтической школы как культурного феномена [3, с. 116].

Важным аспектом осмысления уральской поэзии является ее институциональный статус. В этом контексте работа Ю. С. Поддубновой «Уральская поэтическая школа: фантом или реальность» рассматривает трансформацию концепции уральской поэтической школы. Исследовательница подчеркивает, что изначально замкнутое поэтическое пространство, ориентированное на самодостаточное функционирование в пределах региона, со временем трансформируется, интегрируясь в более широкий русскоязычный литературный контекст. Автор анализирует изменения в структуре школы, вызванные сменой поколений, появлением альтер-

нативных поэтических стратегий и конкурирующих литературных проектов, что делает уральскую поэзию не просто региональным, но и общенациональным явлением [4, с. 1849].

Анализируя Челябинск как важный центр уральского поэтического движения, Т. Ф. Семьян и Е. А. Смышляев в работе «Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения» рассматривают особенности локального текста, обращая внимание на преемственность между тремя поколениями челябинских поэтов. Исследователи отмечают, что челябинская поэзия сочетает в себе индустриальные мотивы, связанные с городом-заводом, и экзистенциальные переживания, формирующие самобытный стиль местных авторов [5, с. 30].

Дополняет анализ локальной поэтики исследование Е. А. Смышляева, посвященное мифологизации Челябинска в поэзии Яниса Грантса. В центре внимания – формирование локального мифа как способа сакрализации пространства и художественного «оживления» города. Автор показывает, что поэтика Грантса основывается на игре с автобиографическим мифом, где реальные топонимы и биографические маркеры трансформируются в элементы мифологического хронотопа. Челябинск в этих текстах предстает как абсурдное и одновременно сакральное пространство: заводские трубы превращаются в ритуальные символы, а город осмысляется как центр внутреннего космоса лирического субъекта. Через реминисценции, эстетизацию хаоса и абсурда, поэт создает уникальный образ «города Че» – маргинального, хтонического, но при этом наделенного высокой смысловой нагрузкой. Локус Челябинска у Грантса становится не только географической точкой, но и мифопоэтической системой координат, организуемой внутренней картиной мира [6, с. 97].

Новое измерение уральской поэтической традиции раскрывается в исследовании О. Э. Татауровой «Стратегия развития региональной поэзии (на примере уральской поэтической школы)», где анализируется стратегия развития региональной поэзии на примере уральской поэтической школы. Исследователь подчеркивает, что феномен школы можно рассматривать не только как литературное объединение, но и как структурированное культурное поле, существующее благодаря взаимодействию различных субъектов – поэтов, критиков, издателей. О. Э. Татаурова обращает внимание на институциональные механизмы функционирования школы, такие как регулярные антологии, энциклопедии, фестивали и литературные издания, что обеспечивает ее устойчивость в изменяющемся литературном пространстве [7, с. 175].

Вопрос пространственной организации уральской поэзии также изучается с гендерной точки зрения. К. И. Перескокова, И. А. Шорохова и М. В. Маринина в работе «Топос уральской поэзии» выяв-

ляют различия в восприятии пространства у поэтов-мужчин и поэтесс, фиксируя, что мужская поэзия чаще ориентирована на динамику и открытые пространства, тогда как женская – на камерные и детализированные локусы [8, с. 21]. В этом же контексте исследование Е. К. Созиной рассматривает поэтическую географию Екатерины Симоновой, где пространство выступает не только как топографический ориентир, но и как средство автобиографической рефлексии [9, с. 64].

Вопрос пространственной организации мира является одной из ключевых тем в современной гуманитарной науке. Одним из центральных аспектов пространственного моделирования выступает концепция вертикального измерения, репрезентирующего мироздание как многоуровневую структуру, включающую оппозиции «верх – низ», «небо – земля», «рай – ад», «земное – небесное» и другие бинарные категории. В исследовательской традиции данный подход широко рассматривается через призму культурной семиотики, мифологии, лингвистики и литературоведения, что позволяет выявить фундаментальные механизмы осмысления пространства в различных национальных традициях.

В рамках пространственной модели мира параметр вертикального измерения рассматривается как базовый, что подтверждается исследованием Ю. Л. Дмитриевой «Горизонтальное / вертикальное измерение пространства как базовый параметр пространственной модели мира». Автор акцентирует внимание на бинарных оппозициях, через которые репрезентируется вертикальный вектор восприятия реальности, таких как «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство». В своем анализе исследовательница показывает, что данное измерение связано не только с физическим осмыслением пространства, но и с культурными (в частности, религиозными) представлениями. Например, в славянской традиции вертикальное пространство осмысливается как трехуровневая система: верхний мир (рай, небо, престол божий), средний мир (земное пространство) и нижний мир (подземное царство, потусторонний мир) [10, с. 85].

Эти идеи находят развитие в исследовании «Окружающий мир через призму вертикального видения пространства в представлениях монгольских народов» М. М. Содномпиловой, которая анализирует представления о вертикальном видении пространства у монгольских народов. Исследовательница обращает внимание на традиционное представление о трехуровневой модели мира, где небесная сфера ассоциируется с божественным началом, а земная и подземная – с бытием человека и потусторонним миром. В поэтической традиции народов Центральной Азии вертикальное пространство играет особую роль, фиксируя границы сакрального и профанного [11, с. 31].

В этом же контексте важно рассмотреть исследование Г. Ч. Дондуковой «Вертикальная карта мира: небесные топонимы в поэзии Баира Дугарова», в котором анализируется концепция «вертикальной карты мира» в поэзии Баира Дугарова. Автор доказывает, что в стихах Дугарова отражается традиционное миропонимание бурят, для которых мир не является плоской структурой, а воспринимается в вертикальных категориях. Особое внимание уделяется небесным топонимам, которые поэт использует в своих текстах наравне с названиями земных объектов – рек, гор, городов. Это подтверждает гипотезу о том, что пространственная модель мира у бурят включает не только земные, но и космические координаты, создавая многослойную систему, включающую небо как активный элемент миропорядка [12, с. 94].

На структурные механизмы построения вертикальных отношений в художественном тексте обращает внимание Л. Н. Гюева в работе «Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста». Автор определяет, что вертикальные оппозиции, такие как «небо – земля», «высота – низина», «подъем – падение», становятся основными композиционными элементами, формирующими пространственное движение сюжета и раскрывающими ключевые мировоззренческие коллизии текста [13, с. 132].

Исследование И. М. Жуковой посвящено анализу художественной семантики пространственных и временных образов в русской поэзии XIX–XX веков. В своей монографии «Образы пространства и времени в русской поэзии XIX–XX веков» автор рассматривает эволюцию хронотопа, выявляя его ключевые изменения от классической поэзии к модернистской и постмодернистской традиции [14, с. 18–96].

И. М. Жукова подчеркивает, что в XIX веке вертикальная структура пространства формировалась в рамках бинарных оппозиций «высокое – низкое», «небесное – земное», где высота символизировала духовное восхождение, божественное начало, а низина ассоциировалась с материальностью, страданием и падением. Однако в XX веке традиционная система усложняется: поэты начинают использовать вертикальное измерение не только как метафору духовного роста, но и как способ осмысления внутреннего состояния субъекта. В текстах модернистов вертикальное пространство оказывается динамичным, включающим множество направлений и пересечений.

Интересным аспектом исследования является рассмотрение взаимодействия горизонтального и вертикального измерений в лирическом сюжете. И. М. Жукова демонстрирует, что в традиционной русской поэзии XIX века движение в вертикальном измерении часто определяет общий смысл текста: подъем связан с преодолением, а падение – с духовным кризисом. В XX веке наблюдается

тенденция к размытию границ между этими категориями, что особенно характерно для лирики Серебряного века и авангарда. Например, в текстах символистов высота может ассоциироваться не только с сакральностью, но и с иллюзорностью, тогда как падение – с поиском подлинного бытия.

И. М. Жукова также выделяет особую роль временного измерения в вертикальной структуре поэтического пространства. В отличие от прозы, где хронотоп подчинен линейному развитию, в поэзии вертикальные движения часто связаны с разрывами, скачками, символическим повторением сюжетов. Это приводит к тому, что вертикаль оказывается не только пространственной, но и временной категорией, что особенно проявляется в поэзии конца XX века, включая рок-лирику.

Важное место в изучении вертикальной структуры пространства в русской поэзии занимает работа Ю. В. Казарина, посвященная анализу уральской поэтической школы. В сборнике портретных очерков о литературных деятелях региона «Поэты Урала» Ю. В. Казарин подробно исследует хронотоп уральской поэзии, выделяя его уникальные особенности [15, с. 392–436].

По мнению исследователя, уральская поэтическая традиция характеризуется индустриальной вертикалью, выраженной в архитектурных и природных элементах (заводы, шахты, горные массивы), и духовной вертикалью, связанной с экзистенциальным поиском поэтов. В отличие от традиционной русской поэзии, где высота часто ассоциируется с сакральным пространством, у уральских авторов она приобретает более амбивалентный характер. Например, в стихах Бориса Рыжего, Алексея Решетова, Сергея Нохрина вертикальная динамика отражает не столько восхождение, сколько борьбу между возможностью выхода за пределы индустриальной среды и неизбежным возвращением в нее.

Ю. В. Казарин вводит концепцию «внутреннего вертикального хронотопа», согласно которой движение вверх и вниз в уральской поэзии является не столько физическим, сколько внутренним процессом. Он демонстрирует, что восхождение может символизировать не только стремление к духовному освобождению, но и невозможность его достижения, так как герои уральской поэзии часто оказываются в замкнутом пространстве, где движение вверх неизменно сопровождается падением.

Кроме того, Ю. В. Казарин отмечает, что уральская поэзия активно использует антропоморфизацию пространства, где высота и низина приобретают личностные характеристики. Например, заводские трубы и горные пики в поэзии уральских авторов не просто элементы пейзажа, а символы преодоления и сопротивления. В этом смысле вертикальная концепция уральского пространства формирует экзистенциальный хронотоп,

в котором природная и индустриальная среда становятся неотъемлемыми элементами самоопределения лирического субъекта.

Методы исследования

Исследование пространственной концепции в уральской поэзии опирается на совмещение цифровых и традиционных литературоведческих методов, каждый из которых имеет обоснование в современной гуманитарной науке.

Первый этап анализа реализуется в рамках цифрового литературоведения, ориентированного на количественную обработку текста. Основным инструментом стал метод составления частотного словаря, теоретически обоснованный в трудах З. А. Штейнфельдт [16, с. 5–20] и М. Л. Гаспарова [17, с. 25–36]. В отличие от традиционных методов, цифровой анализ позволяет выявлять статистически значимые доминанты, моделировать художественный мир на уровне всего корпуса и верифицировать структурные особенности регионального поэтического языка.

Однако количественные данные требуют контекстуального осмысления. В связи с этим применяется контекстуальный анализ, восходящий к работам Б. М. Эйхенбаума [18, с. 135–157] и В. В. Виноградова [19, с. 45–60]. Он позволяет проследить, как ключевые образы функционируют в поэтической ткани: в каких семантических и эмоциональных регистрах они реализуются и как соотносятся с субъектной позицией.

Для выявления устойчивых структур используется сравнительный метод, обоснованный в работах А. И. Веселовского [20, с. 12–35] и Д. С. Лихачёва [21, с. 22–40]. Сопоставление поэтических текстов позволяет зафиксировать типологические оппозиции, прежде всего вертикального характера, и их соотносённость с лирическим субъектом и хронотопом.

Семиотический анализ, основанный на трудах Ю. М. Лотмана [22, с. 22–40] и В. Н. Топорова [23, с. 5–32], рассматривает художественное пространство как знаковую систему, организованную по законам бинарных противопоставлений и символических иерархий. Пространственные образы в этой парадигме выполняют культурно-смысловую функцию.

Наконец, концептуальный метод, опирающийся на исследования Е. С. Кубряковой [24, с. 45–70] и Дж. Лакоффа [25, с. 3–30], направлен на выявление устойчивых пространственных концептов, таких как «небо», «город», «Урал», и анализ их когнитивной нагрузки. Концепты рассматриваются как ментальные структуры, определяющие поэтическое моделирование реальности и формирующие региональную идентичность.

Результаты и дискуссия

Вопрос вертикальной организации пространства уральской поэзии поднимает в своих работах В. В. Абашева. В работе «Литература и география:

Урал в геопозитике России» исследователь опирается на понятие теллуризма, под которым понимается специфическое восприятие пространства в уральской литературе. В отличие от центрально-русской традиции, ориентированной на горизонтальное движение по равнинам, уральская проза формирует направление вниз, в глубины земли, что особенно характерно для прозы. В. В. Абашев указывает, что в уральской литературе «чувство земных глубин» [26, с. 146] объединяет ее локальные варианты – пермский, екатеринбургский и челябинский, каждый из которых характеризуется особым оттенком теллуризма.

Однако в уральской поэзии, в отличие от прозы, наблюдается обратная тенденция: если проза ориентирована на нисходящее движение, то в поэзии доминирует вектор восхождения, обращение к небу, о чем свидетельствует составленный нами частотный словарь пространственных образов 4 тома «Антологии уральской поэзии». Уральская литература демонстрирует двунаправленность вертикального измерения: нисходящий вектор шахт, рудников и подземных глубин в прозе и восходящий вектор воздуха, высот и полета в поэзии. Эта особенность не была сформулирована В. В. Абашевым как самостоятельный концепт, однако его исследования позволяют выявить различия между поэтической и прозаической моделями вертикального пространства, что, тем не менее, подтверждает наличие в уральской литературе вертикальной концепции организации пространства.

Составленный на основе корпуса текстов 4 тома «Антологии уральской поэзии» частотный словарь пространственных образов позволил определить несколько ключевых локусов и топопов, контекстное взаимодействие которых легло в основу данного исследования. Самым часто употребляемым из пространственных образов оказалось небо (221 употребление), за ним шли вода (217), дом (144) и город (117). Вода в контексте корпуса текстов наиболее часто употреблялась в контексте природных образов, чаще всего – реки Урал. Дом и город представляют собой объекты одного пространства, урбанистического (образ дома, как правило, выступает в контексте не конкретного здания, а места, где живет лирический субъект, чаще всего – это квартира). Кроме того, образ неба во многих текстах вступает во взаимодействие с лирическим героем. Такой анализ позволил сделать вывод о формировании трех пар, построенных по принципу оппозиции «верх – низ» и сформировавших концептуальную основу организации пространства в уральской поэзии: небо и город, небо и Урал, небо и лирический герой. Каждую из пар подробнее рассмотрим далее.

Образ неба в уральской поэзии имеет двойственную характеристику: с одной стороны, оно является символом природного, возвышенного и вечного, а с другой – вступает в конфликт с го-

родским пространством. Город, в свою очередь, представлен как искусственная среда, чуждая человеку и разрушающая связь с природой. Эти две категории – небо и город – формируют ключевое вертикальное противостояние: город словно пытается «вторгнуться» в небо, но остается ограниченным, замкнутым пространством.

В отличие от природного пространства, где небо воспринимается как открытое и бесконечное, в городе оно становится чем-то недостижимым. Оно словно существует отдельно, наблюдая за городскими улицами, но не взаимодействуя с ними. Пример этого можно увидеть в строках Ильи Будницкого: «И небо – смесь молчанья и свинца». Это не радостное, открытое небо, а тяжелая, безмолвная масса, похожая на свинец. Такой образ подчеркивает разрыв между человеком и природным миром: город отрезает небо, превращая его в серую, глухую преграду. Другой аспект этого восприятия выражен у Ирины Аргутиной: «А в небе тают облака, // и в промежутках // зияет синяя тоска – // и сердцу жутко». Здесь небо выступает как зеркало внутренних переживаний героя, отражая тоску и одиночество. Оно по-прежнему недостижимо, но теперь уже не как физическая преграда, а как эмоциональный и духовный разрыв.

Хотя в большинстве случаев небо и город противопоставляются, существуют примеры, когда они могут взаимодействовать. В этих случаях небо «вписывается» в городское пространство и даже окрашивает его в позитивные тона. Так, у Владислава Семенчула город приобретает особое, теплое звучание, когда взаимодействует с небом: «Облака вылетали из труб // Свет над городом небо белил». Здесь дымовые трубы, которые ранее изображались как разрушительный элемент, теперь становятся частью небесного пространства. Свет, идущий от неба, как будто очищает город, соединяя его с природной стихией. В таких моментах небо перестает быть исключительно чуждым и враждебным, а становится частью урбанистического мира.

В большинстве текстов небо показано как пространство, которому город мешает: трубы и думы «вторгаются» в него, делая его чужим и холодным. Однако в некоторых случаях небо и город могут находить точки соприкосновения, когда городской ландшафт принимает природные черты. Эта концепция подчеркивает центральный конфликт уральской поэзии: противопоставление индустриального мира и естественной природы, в котором небо выступает как символ недостижимой свободы, а город – как пространство, ограничивающее и искажающее его сущность.

Образ неба в уральской поэзии тесно связан с внутренним миром лирического героя. Оно становится символом свободы, вечности, недостижимости или отражением душевного состояния героя. В зависимости от контекста небо может восприни-

маться как равнодушный наблюдатель, вдохновляющий идеал или отражение внутренней тоски.

Часто небо в уральской поэзии связано с мечтой, желанием вырваться из замкнутого пространства. Лирический герой смотрит на него как на символ свободы, противопоставляя земным ограничениям. Этот мотив особенно заметен в текстах, где герой находится в городе, чувствуя себя запертым: «О городок! ... // Едва пространства. Потому нам мало // В нем воздуха. И времени» (Михаил Куимов). В таких стихах небо становится тем, к чему хочется стремиться, но что остается недостижимым. Оно символизирует выход за пределы повседневности, но герой не может его достичь.

Также небо часто изображается не просто как природное явление, а как зеркало душевного состояния героя. Оно меняется в зависимости от его эмоций: становится холодным, когда герой чувствует одиночество, или бездонным и светлым, когда герой испытывает вдохновение. Пример можно увидеть в стихотворении Ирины Аргутиной: «А в небе тают облака, и в промежутках зияет синяя тоска – и сердцу жутко». Здесь небо не просто описывается визуально, а приобретает эмоциональное значение. «Синяя тоска» в облаках становится проекцией внутренних переживаний героя. Оно не просто существует само по себе, а активно взаимодействует с его чувствами, усиливая тревожное состояние.

В противоположность холодному и равнодушному небу в некоторых текстах оно становится символом возвышенного и недостижимого. В таких случаях герой смотрит на небо с восхищением, видя в нем бесконечность и простор. Пример этого можно увидеть у Александра Ерофеева: «бездонное небо – разглядывать над головою». Здесь небо воспринимается как нечто захватывающее, вызывающее желание наблюдать, созерцать. В отличие от случаев, когда оно нависает над героем тяжестью, в этом контексте оно освобождает, открывает перед ним новые горизонты.

Еще одна сторона образа – представление неба как высшей силы, которая смотрит на героя, но не вмешивается в его жизнь. В таких текстах небо становится чем-то недостижимым, вечно присутствующим, но не принимающим участия в судьбе человека. Пример можно найти в стихотворении Ильи Будницкого: «И небо – смесь молчанья и свинца». Это не просто описание внешнего вида неба, но и выражение его характера: оно молчит, оно тяжелое, оно безразлично. Лирический герой чувствует себя одиноким, потому что даже небо не проявляет к нему интереса.

Часто небо в уральской поэзии связано с мечтой, желанием вырваться из замкнутого пространства. Лирический герой смотрит на него как на символ свободы, противопоставляя его земным ограничениям. Этот мотив особенно заметен в текстах, где герой находится в городе, чувствуя

себя запертым. В таких стихах небо становится тем, к чему хочется стремиться, но что остается недостижимым. Оно символизирует выход за пределы повседневности, но герой не может его достичь.

Эти характеристики формируют сложное взаимодействие между героем и небом, создавая уникальное вертикальное пространство уральской поэзии. Небо становится не просто частью пейзажа, а важным элементом внутреннего мира героя, усиливая его переживания и создавая ощущение глубины и масштабности пространства.

Пара «Урал и небо» в уральской поэзии формирует ключевую вертикальную ось, объединяющую верхний (небо) и нижний (земля, река Урал) миры. Эта связь не только описывает географическое пространство, но и приобретает глубокие философские и символические значения. Урал, представленный в виде гор, земли или, чаще всего, реки, всегда тяготеет к небу, вступая с ним в диалог. В свою очередь, небо отражает состояние природы, города и лирического героя, выступая в роли «отражения», божественного наблюдателя.

Урал в уральской поэзии часто становится персонифицированным. Это не просто географический объект, а самостоятельный персонаж, который взаимодействует с окружающим миром. Пример этого видения можно найти в стихотворении Андрея Санникова: «Страна вокруг – как шиферная кровля // панельной молодой пятиэтажки, // стоит Урал и курит наверху». Здесь Урал представлен как человек или даже божество, которое стоит над всем миром и словно задумчиво «курит», наблюдая за тем, что происходит внизу. Это усиливает идею его монументальности и незыблемости. В другом тексте Санникова Урал изображается сидящим на берегу: «Урал один сидит на берегу». Здесь он предстает не просто как часть природного ландшафта, а как фигура, обладающая сознанием и эмоциями. Это подчеркивает его важность в системе уральского поэтического пространства.

Связь Урала с небом наиболее очевидна в текстах, где он представлен в виде реки. Вода становится посредником между землей и небесами, создавая зеркальное отражение, как в стихотворении Елены Оболишты: «Смонтировать молчание ветвей // и лодку – вот такую, но длинней – // я забываю, только небо – ближе. // Урал лежит с рекою ниже ног». В этой цитате отразилась идея, что река и небо не просто существуют рядом, но и сливаются друг с другом. Урал, будучи рекой, физически находится внизу, но его поверхность отражает небо, тем самым объединяя два пространства. Другая важная деталь – Урал всегда связан с водой, а вода в уральской поэзии символизирует очищение, движение и переход между мирами. Таким образом, река Урал становится связующим звеном между землей и небом.

Если в контексте города небо часто изображается как холодное, отстраненное или даже поработанное индустриальными трубами, то в природном пространстве оно предстает как гармоничное и родное. Пример можно увидеть в вышеупомянутых строках Елены Оболишты: «Урал лежит с рекою ниже ног, // жонглируя трамваями как бог, // тяжелою рукой сминая крыши». Здесь Урал представлен не только как географический объект, но и как сила, которая способна взаимодействовать с человеческим миром. При этом он одновременно остается частью природы, его положение между землей и небом делает его ключевой точкой в вертикальном пространстве уральской поэзии. Еще один пример можно найти в стихотворениях, где небо и Урал сливаются в едином природном пейзаже: «бездонное небо – разглядывать над головою». Когда герой смотрит на небо в природном контексте, оно представляется ему бесконечным и величественным.

В некоторых текстах Урал и небо воспринимаются как две стороны единого божественного начала. Урал – это бог земли, реки и гор, а небо – бог воздуха, ветра и пространства. Вместе они формируют единую вертикальную систему, которая охватывает все уровни бытия. Пример: «Урал к тебе протягивает сырость // и пьет с лица изломанной реки». Здесь Урал словно живой организм, взаимодействующий с небом и водой. Он поднимается вверх, словно пытается достичь неба, но при этом остается привязанным к земле. В другом стихотворении Елены Оболишты Урал прямо сравнивается с богом: «жонглируя трамваями как бог». Это подчеркивает его величие и способность влиять на окружающее пространство.

Выводы

Вертикальная концепция пространства в уральской поэзии формируется через взаимодействие ключевых пространственных образов: неба, Урала, города и лирического героя. Эта вертикаль строится на контрастах верхнего и нижнего миров, гармонии природы и конфликта с городом, а также на духовном поиске лирического субъекта.

В уральской поэзии вертикаль объединяет несколько уровней: верхний мир – небо как символ свободы, божественного, наблюдателя или отражения внутреннего состояния героя; средний уровень – человек, который осмысляет свое место между небом и землей, пытаясь найти равновесие; нижний мир – Урал (как река, горы, земля), символ корней, устойчивости, но также и равнодушия. Эти элементы создают систему, в которой человек оказывается между двумя мирами, взаимодействуя и с землей, и с небом.

Вертикальная структура уральской поэзии наиболее полно раскрывается через три ключевые пары: «небо и Урал» – единство природных сил, где Урал, как земля и река, соединяет верх и низ, превращаясь в медиатор между мирами, и предстает как живой, но безразличный наблюдатель,

похожий на божество, что усиливает вертикальную ось пространства; «небо и город» – конфликт природы и урбанистического мира, где город воспринимается как искусственное пространство, вторгающееся в небо через трубы и дым, а небо, вместо свободы, становится «распатым» над городом, символизируя его подавляющее воздействие; «небо и лирический герой» – поиск смысла и духовного равновесия, где небо становится отражением внутреннего состояния героя: оно либо вдохновляет, либо давит тяжестью, в городе оно кажется недостижимым, но в природном контексте выступает как символ гармонии. Эти три пары образуют триединую модель уральского пространства: природа (Урал), урбанистический хаос (город), личностный поиск (лирический герой).

Однако вертикальная концепция в уральской поэзии основана не только на противопоставлениях, но и на единстве противоположностей: Урал и небо одновременно далеки и близки – река Урал отражает небо, соединяя их в одно целое; город чужд природе, но конкретные топонимы вызывают теплые эмоции – индустриальный мир отторгается, но конкретные города воспринимаются как родные; дом противопоставляется городу, но при этом объединяет лирического героя с пространством – он может быть уютным или тесным, чужим или своим. Таким образом, вертикальная ось в уральской поэзии – это не только противопоставление, но и попытка соединить эти пространства, найти в них баланс.

Вертикальная концепция пространства в уральской поэзии – это не просто описание географического ландшафта, а метафора восприятия жизни. Она отражает поиск духовного смысла – стремление героя к небу, божественному, идеальному; связь человека с землей – корни, история, неизменность природы (Урал как вечный наблюдатель); конфликт с цивилизацией – город как преграда между человеком и природной гармонией. В результате вертикаль становится способом выразить внутреннее противоречие человека: стремление к высшему и связь с реальностью, желание свободы и осознание своей укорененности.

Литература

1. Носкова, А. Ю. Характер освоения городского пространства в современной поэзии Екатеринбурга / А. Ю. Носкова // *Littera terra* : Материалы VI Международной конференции молодых ученых, Екатеринбург, 01 декабря 2017 года / Главный редактор И. А. Семухина. Вып. 12. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – С. 198–204.
2. Скрипова, О. А. Улицы Екатеринбурга в современной уральской поэзии (на материале путевого журнала «по Уралу») / О. А. Скрипова // *Уральский филологический вестник. Серия: Русская и зарубежная литература: динамика художественных систем.* – 2023. – № 2. – С. 135–147.

3. Абашева, М. П. Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии» / М. П. Абашева, А. Серина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 23(352). – С. 115–120.
4. Подлубнова, Ю. С. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность / Ю. С. Подлубнова // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10, № 5. – С. 1836–1851.
5. Семьян, Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 28–32.
6. Смышляев, Е. А. Мифологизация Челябинска в поэзии Яниса Грантса / Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 96–101.
7. Татаурова, О. Э. Стратегия развития региональной поэзии (на примере уральской поэтической школы) / О. Э. Татаурова // Молодая филология. Человек, культура, социум : сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции ; отв. ред. И. А. Подюков, ред. Е. Е. Бразговская, сост. К. Е. Петрова. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018. – С. 175–178.
8. Перескокова, К. И. Топос уральской поэзии / К. И. Перескокова, И. А. Шорохова, М. В. Маринина // Современная филология : материалы V Международной научной конференции. – Самара: АСГАРД, 2017. – С. 20–22.
9. Созина, Е. К. Локальности Урала в поэзии Екатерины Симоновой / Е. К. Созина // Историко-географический журнал. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 60–69.
10. Дмитриева, Ю. Л. Горизонтальное / вертикальное измерение пространства как базовый параметр пространственной модели мира / Ю. Л. Дмитриева // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований : сборник IV Международной научной конференции ; редкол.: Н. И. Степыкин (отв. ред.), Д. М. Миронова, Е. А. Беспалова. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 82–86.
11. Содномпилова, М. М. Окружающий мир через призму вертикального видения пространства в представлениях монгольских народов / М. М. Содномпилова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. – № 1. – С. 25–34.
12. Дондукова, Г. Ч. Вертикальная карта мира: небесные топонимы в поэзии Баира Дугарова / Г. Ч. Дондукова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2019. – № 4-1(32). – С. 91–96.
13. Гиоева, Л. Н. Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста / Л. Н. Гиоева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14, № 3. – С. 131–134.
14. Жукова, И. М. Образы пространства и времени в русской поэзии XIX–XX веков / И. М. Жукова, Н. К. Нежданова ; Министерство образования и науки Российской Федерации Курганский государственный университет. – Курган : Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
15. Поэты Урала / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. – 484 с.
16. Гаспаров М. Л. Частотный словарь русской поэзии. Опыт составления / М. Л. Гаспаров // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 25–36.
17. Штейнфельдт З. А. Частотные словари и их применение в лингвистике / З. А. Штейнфельдт. – М. : Наука, 1973. – 160 с.
18. Эйхенбаум Б. М. Как сделан «Шинель» Гоголя / Б. М. Эйхенбаум // О прозе. – Л. : Художественная литература, 1969. – С. 135–157.
19. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 352 с.
20. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Наука, 1989. – 656 с.
21. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – М. : Наука, 1979. – 384 с.
22. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 304 с.
23. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – 1983. – Т. 17. – С. 5–32.
24. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
25. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Лингвистический институт, 2004. – 256 с.
26. Абашев, В. В. Литература и география: Урал в геопозитике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. История. – 2012. – № 2(19). – С. 143–151.

Шолохов Матвей Александрович – аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mat-74@mail.ru. ORCID 0000-0001-7505-3981

Поступила в редакцию 4 июня 2025 г.

THE VERTICAL STRUCTURE AS THE MAIN SPATIAL CONCEPT IN URAL POETRY

M. A. Sholokhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The study focuses on the spatial organization of Ural poetry, where the vertical structure plays a crucial role in shaping the poetic world. The research is relevant due to the increasing interest in regional literary traditions and the necessity of a comprehensive study of spatial semantics using digital analysis methods. The aim of the study is to identify key spatial images in Ural poetry and analyze their interaction within a system of binary oppositions.

The research is based on the 4th volume of the Anthology of Ural Poetry, which represents the contemporary poetic discourse of the region. A frequency dictionary of spatial lexemes was created, allowing for the identification of dominant images and their role in structuring the poetic space. Contextual analysis revealed stable pairs of oppositions that form the vertical structure of Ural poetry.

The findings indicate that the poetic space in Ural poetry is constructed through the interaction of natural and urban loci, with the key spatial concepts being the sky and the Ural region. The oppositions of “high – low,” “city – nature,” and “human – space” define the dynamics of the poetic world, reflecting both traditional mythopoetic motifs and individual authorial strategies. The results contribute to a deeper understanding of the spatial organization of regional poetry and demonstrate the effectiveness of digital methods in literary analysis.

Keywords: Ural poetry, poetic space, frequency dictionary, spatial semantics, vertical structure, binary oppositions, local text.

References

1. Noskova A.Y. Charakter osvoeniya gorodskogo prostranstva v sovremennoy poezii Ekaterinburga [The Nature of Urban Space Assimilation in Contemporary Yekaterinburg Poetry] // *Littera terra: materialy VI Mezhdunarodnoy konferencii molodyh uchenyh*; gl. red. I.A. Semuhina. Vyp. 12. Ekaterinburg, 2017. – P. 198–204.
2. Skripova O.A. Ulicy Ekaterinburga v sovremennoy ural'skoy poezii (na materiale putevogo zhurnala «po Uralu») [The Streets of Yekaterinburg in Contemporary Ural Poetry (Based on the Travel Journal “Across the Urals”)] // *Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya i zarubezhnaya literatura: dinamika hudozhestvennykh sistem*. 2023. № 2. P. 135–147.
3. Abasheva M.P., Serina A. Tochki vhoda: goroda Urala v «Antologii ural'skoy poezii» [Entry Points: Cities of the Urals in the “Anthology of Ural Poetry”] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 23 (352). P. 115–120.
4. Podlubnova Y.S. Ural'skaya poeticheskaya shkola: fantom ili real'nost' [The Ural Poetic School: Phantom or Reality] // *Quaestio Rossica*. 2022. T. 10, № 5. P. 1836–1851.
5. Semyan T.F., Smyshljaev E.A. Cheljabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya [Chelyabinsk Poetry as Part of the Ural Poetic Movement] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. 2015. T. 12, № 2. P. 28–32.
6. Smyshljaev E.A. Mifologizaciya Chelyabinska v poezii Yanisa Grantsa [Mythologization of Chelyabinsk in the Poetry of Yanis Grants] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2022. T. 22, № 2. P. 96–101.
7. Tataurova O. E. Strategiya razvitiya regional'noy poezii (na primere ural'skoy poeticheskoy shkoly) [Strategy for the Development of Regional Poetry (on the Example of the Ural Poetic School)] // *Molodaya filologiya. Chelovek, kul'tura, socium: sbornik statey po materialam ezhegodnoy nauchnoy studencheskoy konferencii*; otv. red. I.A. Podjukov, red.r E.E. Brazgovskaja, sost. K.E. Petrova. Perm', 2018. P. 175–178.
8. Pereskokova K.I. Shorohova I.A., Marinina M.V. Topos ural'skoy poezii [The Topos of Ural Poetry] // *Sovremennaja filologija: materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj*. Samara: ASGARD, 2017. P. 20–22.
9. Sozina E.K. Lokal'nosti Urala v poezii Ekateriny Simonovoy [Ural Localities in the Poetry of Ekaterina Simonova] // *Istoriko-geograficheskij zhurnal*. 2022. T. 1, № 3. P. 60–69.
10. Dmitrieva Y.L. Gorizont'al'noe / vertikal'noe izmerenie prostranstva kak bazovyy parametr prostranstvennoj modeli mira [Horizontal / Vertical Spatial Dimension as a Basic Parameter of the World Model] // *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovaniy: sbornik IV Mezhdunarodnoy*

nauchnoy konferencii; redkol.: N.I. Stepykin (otv. red.), D.M. Mironova, E.A. Bespalova. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2022. P. 82–86.

11. Sodnompilova M.M. Okruzhajushhiy mir cherez prizmu vertikal'nogo videniya prostranstva v predstavleniyah mongol'skikh narodov [The Surrounding World Through the Prism of Vertical Spatial Vision in the Perception of Mongolian Peoples] // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2008. № 1. P. 25–34.

12. Dondukova G.Ch. Vertikal'naya karta mira: nebesnye toponimy v poezii Baira Dugarova [The Vertical Map of the World: Celestial Toponyms in the Poetry of Bair Dugarov] // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2019. № 4-1(32). P. 91–96.

13. Gioeva L.N. Antiteza i ee rol' v lineynykh i vertikal'nykh strukturah hudozhestvennogo teksta [Antithesis and Its Role in the Linear and Vertical Structures of the Literary Text] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2008. T. 14, № 3. P. 131–134.

14. Zhukova I.M., Nezhdanova N.K. Obrazy prostranstva i vremeni v russkoy poezii XIX–XX vekov [Images of Space and Time in Russian Poetry of the 19th–20th Centuries]. Kurgan: Kurgan State university, 2012. 224 p.

15. Kazarin Y.V. Poety Urala [Poets of the Urals]. Ekaterinburg: UMC UPI Publishing House, 2011. 484 p.

16. Gasparov M.L. Chastotnyy slovar' russkoy poezii. Opyt sostavleniya [Frequency Dictionary of Russian Poetry: An Attempt at Compilation] // *Voprosy yazykoznanija*. 1974. № 2. P. 25–36.

17. Shteynfel'dt Z. A. Chastotnye slovari i ih primenenie v lingvistike [Frequency Dictionaries and Their Use in Linguistics]. Moscow: Science, 1973. 160 p.

18. Eyhenbaum B.M. Kak sdelana «Shinel'» Gogolya [How Gogol's "Overcoat" Was Made] // *O proze*. Leningrad: Artistic literature, 1969. – P. 135–157.

19. Vinogradov V.V. O yazyke hudozhestvennoy literatury [On the Language of Literary Fiction]. Moscow: Goslitizdat, 1959. 352 p.

20. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. Moscow: Science, 1989. 656 p.

21. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Science, 1979. 384 p.

22. Lotman Y.M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stiha [Analysis of Poetic Text. Structure of the Verse]. Leningrad: Education, 1972. 304 p.

23. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and Text] // *Trudy po znakovym sistemam*. 1983. T. 17. P. 5–32.

24. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Toward Understanding Language through Parts of Speech and Cognitive Function]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.

25. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Moscow: Linguistic Institute, 2004. 256 p.

26. Abashev V.V., Abasheva M.P. Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii [Literature and Geography: The Urals in the Geopoetics of Russia. Bulletin of Perm University] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2012. № 2(19). P. 143–151.

Matvey A. Sholokhov – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mat-74@mail.ru

Received June 4, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Шолохов, М. А. Вертикальная структура как основная пространственная концепция в уральской поэзии / М. А. Шолохов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 101–110. DOI: 10.14529/ssh250313

FOR CITATION

Sholokhov M. A. The vertical structure as the main spatial concept in Ural poetry. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 101–110. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250313

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНИТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2025 Том 25, № 3

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 18.07.2025. Дата выхода в свет 25.07.2025. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500 экз. Заказ 224/207. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.